

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СТАВРОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

З. Б. КИПКЕЕВА

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ДИАСПОРА
В ТУРЦИИ**

**СТАВРОПОЛЬ
2000**

УДК 947
ББК 63.52 (241) К 42

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор К.М. Текеев,
доктор философских наук, профессор А.В. Авксентьев,
кандидат исторических наук, доцент Н.М. Нарыкова

Кипкеева З.Б.

К 42 Карачаево-балкарская диаспора в Турции.- Ставрополь:

Изд-во СГУ, 2000. - 184 с.; ил.
15ВЫ 5-88648-212-1

В монографии рассматривается в историко-культурном аспекте проблема эмиграции (мухаджирства) из Карачая и Балкарии во второй половине XIX - начале XX в. Анализируются социально-экономические причины и условия переселения значительной части карачаевцев и балкарцев в пределы Османской империи. В центре исследования - особенности формирования, расселения и существования карачаево-балкарской диаспоры в Турции.

Адресовано историкам, социологам, этнологам, изучающим историю народов Северного Кавказа, а также всем интересующимся проблемами развития исторических взаимоотношений России и национальных окраин.

УДК 947
ББК 63.52 (241)

Isbn 5-88648-212-1 © Кипкеева З.Б., 2000
© Издательство Ставропольского
государственного университета, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Переселенческое движение с Северного Кавказа в пределы Османской империи, охватившее в XIX в. значительную часть коренных жителей, известно в истории под названием «мухаджирства» (от араб. «мухаджерет» - переселение, эмиграция). Потомки мухаджиров XIX - начала XX века составляют за рубежом большие диаспоры.

Эмиграция значительной части многих народов, а в некоторых случаях и почти целых народов, изменила этнополитическую картину северокавказского региона. Переселение нанесло невосполнимый ущерб генофонду народов Северного Кавказа, привело почти к полному исчезновению таких народов, как убыхи, натухайцы, шапсуги, и к существенному уменьшению численности других этносов.

По поводу причин и последствий мухаджирства до сих пор ведутся дискуссии среди историков и политиков, активизируются попытки обвинить Россию в сознательном геноциде адыгов и других народов. Учитывая сложную геополитическую ситуацию на Кавказе, представляется актуальным объективное исследование данной проблемы.

Достаточные основания для научных выводов о роли и месте процесса мухаджирства в этнической истории того или иного народа могут дать, в частности, результаты изучения северокавказской диаспоры в Турции. Необходимо учитывать, что так называемая «черкесская диаспора» в Турции фактически состоит из представителей абазин, абхазцев, аварцев, адыгейцев, балкарцев, даргинцев, кабардинцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев, осетин, чеченцев и т. д. Большую часть диаспоры составляют этносы с самоназванием «абаза» и «адыге», предки которых переселялись с территории Северо-Западного Кавказа в Османскую империю на протяжении многих веков.

История эмиграции значительных частей абхазо-адыгских народов в XIX - XX веках, известной как мухаджирство, получила своё освещение в российской и зарубежной литературе. Переселение части других народов с Северного Кавказа рассматривается, в основном, на общем фоне российской военной экспансии. Но для выявления полной картины этой трагедии, произошедшей после присоединения Северного Кавказа к России, необходимо рассмотреть мухаджирство каждого северокавказского народа в отдельности.

Причины переселения части карачаевцев и балкарцев во второй половине XIX в. и в начале XX в.в. Турцию и дальнейшая судьба диаспоры до сих пор не были предметом научного исследования. Этим определяется актуальность избранной темы.

Проблема мухаджирства горцев Северного Кавказа нашла отражение в трудах отечественных и иностранных исследователей. Ещё дореволюционные авторы А. Берже, Н. С. Грабовский, А. Фонвиль, Я. В. Абрамов, Д. Г. Хатакокор, М. Ечерух и др.¹ указывали на целенаправленную политику России в отношении покорённых народов, вынуждающую их покидать родные места, а также на заинтересованность турецкого султана в привлечении в Османскую империю кавказцев как способ увеличить преобладание мусульманского населения в среде христианских народов Балканского полуострова и Малой Азии.

О причинах вынужденного переселения в чужую страну и его страшных последствиях для малочисленных этносов Кавказа писали и современные историки: Г. А. Дзидзария, Х. О. Лайпанов, С. А. Чекменёв, А. В. Авксентьев, А. Х. Касумов и Х. А. Касумов, Т. Х. Кумыков, Мухадин Кандур, А. В. Кушхабиев и др.²

Обобщение исторических материалов и архивных документов о переселении горцев Северного Кавказа в Турцию дано в главах о мухаджирстве в научных изданиях «Очерки истории Карачаево-Черкесии», «История народов Северного Кавказа. Конец 18 в. - 1917 г.» и «Россия и Северный Кавказ в 16-19 веках. Документальная история образования многонационального государства Российского»³ и др.

Вся представленная литература освещает в основном переселение с Кавказа части народов адыго-абхазской группы, чеченцев и осетин-мусульман, происходившее в три этапа: в 1859-1862 гг., в 1863-1864 гг., в 1865 г. В эти периоды главными причинами мухаджирства были тяжёлые последствия поражения горцев в военных столкновениях с русскими войсками и предательская деятельность социальной верхушки горских народов, имевшей родственные и экономические связи в Турции. Царские чиновники не препятствовали переселению, чтобы избавиться от

непокорного населения и заселить освобождающиеся земли переселенцами из России. В свою очередь Турция привлекала к себе воинственных горцев для использования их в своих войнах. Последующие переселения с Северного Кавказа рассматривались на общем фоне «мухаджирства», хотя у разных народов, в различные периоды были свои на это причины и условия. Известный историк - кавказовед С. А. Чекменёв пишет: «Поскольку эта настоящая трагедия не обошла стороной ни один народ северокавказского региона, целесообразнее всего изучать эту проблему истории выселения каждого, отдельно взятого народа. Только такое фронтальное обследование позволит, как нам представляется, решить этот, всё ещё вызывающий споры вопрос»⁴. Особенно это касается истории переселения во второй половине XIX - начале XX века из Карачая и Балкарии.

О пагубном решении части карачаевцев и балкарцев покинуть свою родину писали в начале XX века представители прогрессивной интеллигенции из среды княжеского сословия, получившие образование в России. Видный балкарский просветитель М. К. Абаев писал в журнале «Мусульманин» о невыносимых жизненных условиях крестьян в горах. Он отмечал: «Такое безвыходное положение является главной причиной стремления масс к переселению в Турцию, несмотря на сильную приверженность народа к своей родине»⁵. Басият Шаханов публиковал свои статьи в газетах «Казбек», «Терские ведомости» и «Каспий», в которых писал о проблемах своего народа, в том числе и о переселении горцев в Турцию⁶.

Один из первых советских исследователей вопроса о мухаджирстве Х.О. Лайпанов в статье «К истории переселения горцев в Турцию» не рассматривал переселение карачаевцев и балкарцев отдельно от общего потока мухаджиров. Но он отметил, что переселение части этих народов произошло позже, в 80-х годах XIX века и в начале XX века, и «всего за все годы было переселено примерно 15 756 карачаевцев»⁷.

В «Очерках истории Карачаево-Черкесии» об этом трагическом явлении сказано только, что «горцы верхней Кубани и Зеленчуков, раньше других закубанцев принявших русское подданство, выселились в значительно меньшем количестве, чем прибрежные. Особенно это относилось к карачаевцам, аулы которых не разорвались и не переселялись в годы военных лет»⁸.

Только в монографии известного историка-кавказоведа В.П.Невской «Карачай в пореформенный период»⁹ впервые привлечены некоторые архивные материалы по вопросу переселения карачаевцев в 80-е годы XIX и в начале XX века. Переселения из Карачая связываются с конкретными общественно-политическими ситуациями в стране, обострением аграрного движения, борьбой за справедливый передел земли. Раскрывается отрицательная роль предводителей переселения: кулаков и мусульманского духовенства, связанного с турецким правительством.

История, быт, культура карачаево-балкарской диаспоры в Турции, насчитывающей в настоящее время около 30 000 человек, должным образом не изучались. Только в последние годы у современных историков появилась возможность исследовать судьбу мухаджиров за границей, в местах компактного расселения их потомков.

Изучение документов в турецких архивах может дать богатейший материал. Но в настоящее время доступ к ним затруднён из-за специфических особенностей турецкого языка, период становления которого, начавшись в X - XI вв., закончился лишь в начале XX века. На протяжении всей истории своего развития турецкий язык испытывал сильнейшее влияние арабского и персидского языков, а также всех народов, ассимилированных турками-сельджуками и османами в период завоевания ими Малой Азии.

Сложившийся в результате длительного социолингвистического процесса литературный язык, его письменная норма использовались как официальный государственный язык, известный как «османский». Основной пласт арабо-персидской лексики в османском языке занимал до 90 % лексического состава¹⁰. Реформа языка началась по инициативе основателя республики Ататюрка. В 1928 г. арабская графика была заменена латинской. Началось очищение лексики турецкого языка от арабских и персидских заимствований.

В настоящее время в архивах Стамбула ведётся кропотливая работа по переводу текстов с арабской графики османского языка на современный турецкий. Несомненно, исследование письменных источников турецких архивов дало бы более полную и объективную картину

переселения северокавказских народов. Известно, что деятельность правительства Османской империи была одним из решающих факторов в инспирировании мухаджирства.

Официальная турецкая трактовка причин переселения карачаевцев и балкарцев дана в Исламской Энциклопедии, которая видит их в поражении всех горцев Северного Кавказа в войне с Россией. «Карачаево-балкарцы во всех этих войнах потеряли большую часть своих земель, населения и национального достояния. У них были отобраны плодородные земли, жилища, аулы, пастбища и скот. На их землях поселили русских переселенцев, самих же, как и других кавказцев, вынудили переселиться в Турцию»¹¹.

Такое тенденциозное изложение причин переселения карачаевцев и балкарцев может быть объяснено отсутствием исследований по данному вопросу. Кроме того, турецкие источники традиционно называют все северокавказские народы «черкесами» и рассматривают их исторические судьбы в едином контексте.

В библиотеках Стамбула и Анкары есть несколько книг турецких авторов кавказского происхождения по истории Кавказа, написанных на латинской графике¹². Среди них и книга известного историка и фольклориста Махмута Асланбека (Дудаланы) «Трагедия карачаево-балкарских тюрок», в которой он написал о судьбе своего народа в России. Касаясь мухаджирства, он пишет, что главными причинами переселения карачаевцев и балкарцев в Турцию были отмена крепостного права и передел земельных отношений, повлекший за собой разрушение веками устоявшихся исторически обусловленных общественно-социальных отношений: «На первый взгляд выглядевшие положительными, эти правительственные меры обернулись для карачаевцев бедствием. Самые плодородные земли были отобраны и за селены русскими, а значительная часть карачаевцев, попавшая в бесправное положение, была вынуждена покинуть отечество и переселиться в Турцию»¹³.

Талантливый исследователь Махмут Асланбек опирался в своих работах на письменные источники, архивные материалы и свои полевые исследования. Это позволило ему объективно подойти к истории своего народа, в том числе и к вопросу о мухаджирстве карачаевцев и балкарцев. Рассматривая переселение карачаевцев и балкарцев в едином потоке мухаджирства всех северокавказских горцев, автор всё же совершенно верно указал причину переселения во второй половине XIX в. в непродуманности и неадекватности проведения правительственных реформ по освобождению крестьян и введению общинного землевладения. К сожалению, подробный анализ социально-экономического положения в Карачае и Балкарии, вынудившего значительную часть населения переселиться в Турцию, остался за рамками темы исследования Махмута Асланбека.

Карачаево-балкарская диаспора в Турции исследована крайне слабо. Это связано с политикой Турции по отношению к национальным меньшинствам. Если курдам, армянам, грекам ценой большой крови удалось сохранить самобытность, то у северокавказских народов не было ни малейшего шанса противостоять ассимиляции в чужой стране. Оторванные от родной земли, они рассеялись по всей Турции. Только в местах компактного расселения потомки мухаджиров смогли сохранить до наших дней свои родные языки и историческую память.

Известно, что по Конституции Турции все граждане республики признаются турками. Поэтому мы не найдём объективных исследований турецких историков, филологов или этнографов о различных этносах, населяющих страну.

В последние годы историки из самих диаспор, обеспокоенные постепенным исчезновением национального богатства - фольклора, пытаются записать и опубликовать песни, предания, пословицы и т.д. Культурно-национальные центры издают книги и журналы, в которых освещают историю своих народов. Ведётся такая работа и в карачаево-балкарской диаспоре.

Левент Итез (Текеланы) с г. Конья опубликовал в 1987 г. небольшую книгу «Карачаевцы - один из северокавказских народов»¹⁴. Автор собрал небольшой, но интересный исторический, лингвистический и фольклорный материал, сохранившийся в среде потомков мухаджиров из Тебердинского ущелья.

Доктор социологических наук Уфук Таукул (Тохчукланы) в 1993 г. опубликовал в Стамбуле свою монографию «Жизнь и культура у кавказских горцев». Освещая историю карачаевцев и балкарцев с древности и до наших времён, он касается и вопроса о мухаджирстве, ссылаясь при этом на труды Махмута Асланбека: «В конце XIX века экономические противоречия в социальных слоях

карачаевцев и балкарцев достигли опасных размеров. Из-за классовых противоречий и экономического неравенства, приведших к беспорядкам, часть безземельных бедняков и настроенных против России богачей в 1886 г. переселилась в Анатолию. В начале XX в. большая часть безземельных крестьян образовала социальную прослойку, вступившую в противоречия и столкновения, в обществе увеличилось смятение и беспокойство. В этих условиях русское правительство позволило желающим переселиться в Турцию. После получения разрешения турецкого правительства в 1905 г. небольшой караван судов с карачаевцами прибыл в Анатолию»¹⁵. Уфук Таукул первым из современных турецких исследователей признал специфические особенности мухаджирства карачаевцев и балкарцев.

Об истории северокавказских народов вышла книга Хайати Бидже (Биджиланы) «Переселенцы с Кавказа в Анатолию»¹⁶, в которой концепция переселения карачаевцев и балкарцев не выходит за рамки официальной и рассматривается на общем фоне северокавказского мухаджирства.

В г. Эскишехире карачаево-балкарским культурным центром выпускается журнал «Объединённый Кавказ» на турецком языке и приложение «Картджурт» на карачаевском языке. Здесь опубликованы варианты исторических народных песен, записанные в разное время из уст мухаджиров Махмутом Асланбеком (Дудаланы). Его бесценный литературный архив хранится у издателя этого журнала Илмаза Невруза (Сылпагарланы), который опубликовал также и собранные им пословицы и поговорки¹⁷. В этом же журнале фольклорист Адилхан Адилоглу (Аппаланы) опубликовал тексты нартского эпоса, собранные в диаспоре¹⁸.

В СССР отрывочные сведения о жизни карачаевцев и балкарцев в Турции можно было получить только из газетных публикаций и художественных романов. Эти сведения не могли быть полными и объективными в силу довлеющей политической ситуации и цензуры. Но, например, в популярном романе О. Хубиева «Ассы»¹⁹ общая картина незавидной участи оторванных от родины людей: ностальгия, плохая приспособляемость к чужим обычаям, неумолимая ассимиляция, потеря национального единства, - была недалеко от истины.

В настоящее время российские историки имеют возможность исследовать историю и культуру кавказских диаспор непосредственно в Турции. С началом перестройки в нашей стране границы стали открытыми, возобновилась переписка с родственниками за рубежом, затем начались поездки по приглашениям. Потомки мухаджиров не только помнят своё происхождение, но и искренне любят незнакомую родину своих отцов и дедов. Мечта мухаджиров увидеть свою Родину передалась их потомкам. Наряду с сохранившимися традициями, языком, исторической памятью, за сто лет «раздельного» существования в диаспоре в некоторой степени изменился не только быт, но и национальный менталитет, нравственные и культурные ориентиры. Стремясь сохранить свою самобытность, свои обычаи и этнические связи, с конца 80-х годов в диаспоре стали создавать культурно-национальные центры²⁰.

В 1990 г. карачаевский этнограф И.М.Шаманов побывал в Турции по приглашению активистов карачаевской общины и посетил несколько карачаевских сёл. В своей статье «В гостях в Турции»²¹ он подробно освещает историческую ситуацию и причины, вынудившие карачаевцев и балкарцев покинуть родину в прошлом веке. В статье дан подробный перечень карачаево-балкарских селений и приблизительная численность их населения. Профессор Шаманов первым в отечественной историографии выступил на научных конференциях с сообщениями об этнокультурной ситуации, сложившейся в карачаево-балкарской диаспоре в Турции²².

В настоящее время исследованием карачаево-балкарской диаспоры в Турции занимаются историки из Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. В 1990 и 1994 годах в Турции, Сирии, Иордании работала группа учёных из Нальчика в составе М. Улакова, Х.Малкондуева, М.Кучмезовой и Л.Жабеловой. В статье Мариям Кучмезовой «Карачаевцы и балкарцы в Турции и на Ближнем Востоке» дан материал, собранный в этих поездках, описана история переселения, его причины и последствия. Автор отмечает: «Наши соотечественники стараются сохранить свою национальную самобытность. Тем не менее, эти страны стали для них второй родиной, и их жизненные обычаи соответственно изменились»²³.

Несколько лет работала в Анкаре в университете доцент КЧПУ Т.Х.Хапчаева. Объектом её исследования является язык карачаевцев в Турции, где его использование неуклонно сокращается, так как ограничено только сферой бытовых отношений²⁴.

Некоторые исторические и этнокультурные аспекты карачаево-балкарской диаспоры в Турции освещены в печати автором данной работы²⁵.

Таким образом, подводя итог рассмотрению и анализу исторической литературы по теме диссертационного исследования, следует отметить, что проблема переселения (мухаджирства) в конце XIX - начале XX в. части карачаевцев и балкарцев в Турцию ещё не была предметом специального комплексного исследования и освещена в отдельных работах фрагментарно. О карачаево-балкарской диаспоре в Турции имеются лишь несколько газетных публикаций и докладов на научных конференциях.

Целью настоящей диссертационной работы является исследование причин мухаджирства карачаевцев и балкарцев и формирования карачаево-балкарской диаспоры в Турции.

Источниковедческой и информационной базой исследования являются разнообразные по своему характеру и значимости источники.

К первой группе относятся неопубликованные материалы из фондов ГАКК и ЦГА РСО-А. События второй половины XIX - начала XX в. в Карачае и Балкарии наиболее полно отражены в делах Государственного архива Краснодарского края (ГАКК): Фонд 774 «Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами» содержит документы о событиях пореформенного периода, отмене крепостного права, переделе собственности на землю. В фонде 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска» широко представлены материалы о расслоении крестьянства, о малоземелье, об агитации и подготовке переселения части карачаевцев в Турцию в 1903-1906 годах.

Документы Центрального государственного архива республики Северная Осетия - Алания (ЦГА РСО-А) содержат сведения о проведении земельной и крестьянской реформ в Балкарии. Наиболее интересны в этом отношении материалы «Из архива городского головы г. Владикавказа Баева Г.В.» (Фонд 224) и «Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» (Фонд 262).

Вторую группу составили архивные материалы, опубликованные в следующих сборниках документов по истории народов Северного Кавказа: Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI - XIX веках / Под общей ред. докт.ист.наук. Г.Л.Бондаревского и канд. юр. наук Г.Н. Колбая.- М.:Норма, 1998. (Архивные документы из РГВИА, РГАДА и др.), Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. - Майкоп: Изд-во «Меоты», 1997. (Архивные документы из ЦГА КБР), Социально - экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790 -1917). Сборник документов/Сост. Невская В.П., Шаманов И.М., Несмачная С.Г. - Ростов на Дону: Изд-во: РГУ, 1985., Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII - начале XX в. Сборник документов/Сост. Думанов Х. М. - Нальчик: Изд-во «Нарт», 1992. (Архивные документы РГВИА и ЦГА КБР).

В третью группу вошли материалы периодической печати - сборников, газет, журналов, периодических изданий. Это такие дореволюционные издания, как «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа» (Тифлис), «Кубанский сборник» (Екатеринодар), «Известия общества любителей изучения Кубанской области» (Екатеринодар), «Сборник сведений о кавказских горцах» (Тифлис), «Этнографическое обозрение» (Москва), газеты «Кавказ», «Кубанские областные ведомости», «Казбек» (Владикавказ), «Северный Кавказ» (Ставрополь).

Кроме того, использованы материалы современных периодических изданий на русском, карачаевском и турецком языках, таких как журналы «Эхо Кавказа» (Москва), «Ас-алан» (Москва), «Минги-тау» (г.Нальчик), «Тарих» (г.Махачкала), «Нальчик», газеты «Ленинни байрагы» (г.Черкесск), «Карачай» (г.Черкесск), «Карачаево-балкарский мир» (г.Нальчик), журналы «Еди йил-дыз» (г.Стамбул, Турция), «Карачай-Малкар» (г.Анкара, Турция), «Бирлешик Кавказья» (г.Эскишехир, Турция), «Картджурт» (г.Эс-кишехир, Турция).

Четвёртая группа источников - результаты этносоциологических исследований, проведённых автором в Турции в 1989, 1997 и 1998 годах. Ценные сведения по истории, культуре, фольклору и быту карачаево-балкарской диаспоры были сообщены автору многочисленными информаторами различного возраста и образования, проживающими в крупных городах и в небольших карачаево-балкарских селениях.

Карачаево-балкарская диаспора представляет самобытную общину потомков мухаджиров из Карачая и Балкарии. Проживание в 14 мононациональных селениях позволило им сохранить родной язык, культуру, память об исторической родине и причинах переселения.

Автором впервые представлена карта Турции с обозначением карачаево-балкарских селений во внутренних районах Анатолии.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать результаты исследования при написании очерков истории народов Северного Кавказа, а также работ по проблемам мухаджирства и современного состояния национальных диаспор.

Данная работа может быть использована при разработке государственных и национальных программ развития этнокультурных и экономических связей с зарубежными диаспорами народов Северного Кавказа.

Глава I. ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В ТУРЦИЮ

§ 1. Мухаджирство 1884-1887 годов

Переселение значительной части горцев различных народов Северного Кавказа в 1884-1887 годах до сих пор рассматривалось на общем фоне так называемого «мухаджирства», т.е. переселения по религиозным мотивам, охватившего почти все кавказские народы в процессе военной и экономической экспансии России на Кавказе.

Исследования архивных материалов ГАКК, ЦГА РСФСР-А, РГВИА, трудов историков-кавказоведов Берже А., Потто В. А., Сысоева В.М., Абрамова Я. В., Алиева У. Д., Дзидзария Г.А., Невской В. П., Кокиева Г. А., Шаманова И. М., Текеева К. М. и других, а также данные этнографических экспедиций в Турцию, в места компактного расселения карачаево-балкарской диаспоры, позволяют пересмотреть ряд концепций о причинах переселения карачаевцев и балкарцев во второй половине XIX - начале XX века.

Необходимо признать, что причины эти были политического и экономического характера, связанные с подготовкой и проведением крестьянской и аграрной реформ во второй половине XIX века. Мухаджирство части карачаевцев и балкарцев не было связано непосредственно с военной экспансией со стороны России, оно было добровольным и проходило в мирных условиях.

Надо отметить, что Карачай и Балкария вступили в подданство России до начала Кавказской войны. В 1827 году балкарцы приняли присягу на верность императору Николаю I. Под обращением от имени народа подписались балкарские князья Мырзакул Урусбиев, Магомет Шакманов, Арслан Аджи Джанхотов, Магомет Макшанов, Касай Кубатиев¹. В 1828 году после победы войск генерала Эммануэля над народным ополчением независимого Карачая владетель Ислам Крымшамхалов и другие князья подписались под мирным договором с Россией². В Кавказской войне карачаевцы и балкарцы участия не принимали. Российское правительство пыталось мирными реформами интегрировать новые территории в структуру Российской Империи.

Карачаево-балкарское общество разделялось на чёткую сословную иерархию: высшее сословие - князья (бии, таубии, чанка), затем - дворяне (ёздени), независимые крестьяне (каракиши), зависимые или крепостные крестьяне (чагары, кулы).

До установления прямого правления в начале 60-х годов XIX века российское правительство управляло через местных князей. Внутренние и внешние отношения народа продолжали регламентироваться и контролироваться княжескими фамилиями, которые являлись собственниками земель. Они регулировали экономическую и общественную жизнь в феодальных обществах, стояли во главе народного суда - Тёре, собирали военные дружины в случае необходимости и т.д.

Благодаря традиционному укладу, стабильности в обществе и трудолюбию карачаевцы и балкарцы жили богаче и спокойнее других северокавказских народов, хотя у них был самый большой недостаток плодородных земель. Исследователь жизни и быта карачаевцев конца XIX - начала XX в. В. М. Сысоев писал: «Огромные стада этого племени пасутся на землях, находящихся в наших руках; впереди Кисловодской линии они не имеют другой земли для пастбы этих стад, и богатства их с тех пор, как они нам покорились, более нежели удвоились»³.

Ещё раньше чиновник царской администрации П. Гаврилов, исследовав поземельные отношения на Северном Кавказе в пореформенный период, отмечал, что в Карачае «весьма значительное пространство занято бесплодными скалами, недоступными горными тучобами и частью вечными ледниками»⁴.

Тем не менее и к земледелию горцы относились очень серьезно и использовали любой пригодный для этого клочок земли. В отчете по военно-народному управлению Кубанской области с 1863 по 1869 год отмечено: «Только в Карачае, бедном землями для хлебопашества и сенокосов, возделывание земли производится с большим тщанием, знанием дела и огромными трудами на расчистки полян от камней, удобрение и разрыхление скудной почвы, а также на провод и поддержание оросительных канав»⁵.

Недостаток хлеба в общине восполняли владельцы, обеспечивая зерном всех нуждающихся. Дело доходило до того, что торговля хлебом была запрещена адатом (обычное право). Этот обычай был серьезным препятствием для развития в Карачае рыночных отношений. В архивах сохранились отчеты чиновников: «С крестьянской реформой высшее сословие, поддерживающее обычай, воспевающий продавать хлеб нуждающимся, уже лишено возможности дарить арбами просо и кукурузу»⁶.

Скудное земледелие компенсировалось в горах интенсивным скотоводством, которое обеспечивало карачаевцам и балкарцам достойную жизнь и независимость. Исследователи отмечали, что «положение карачаевцев далеко не бедное: прекрасные горные пастбища и обширное скотоводство карачаевцев даже с избытком обеспечивают их потребности»⁷. На это указывал и первый начальник Баталпашинского отдела Н.Г. Петрусевиц: «При таком недостатке земель, удобных к пахоте, всё внимание тех, которые жили в этой суровой местности, обратилось на другой род хозяйства - на скотоводство, которое было и есть главным источником богатства и благосостояния карачаевцев»⁸.

Исследователь жизни народов Кавказа Евг. Марков писал почти то же самое о балкарцах: «Жители почти бесплодных скал Балкарского, Безенгиевского, Хуламского, Чегемского и Урусбиевского ущелий, составляющие так называемые «горские общества» Большой Кабарды, живут гораздо зажиточнее и спокойнее настоящих кабардинцев равнины, хотя суровая почва, суровый климат и страшное обилие сусликов не позволяют им посеять пшеницы и проса и хотя собираемого хлеба достаёт им только на два месяца»⁹.

Главной проблемой было сохранение пастбищ и кошей -временных хозяйственных стойбищ, где проходила большая часть жизни карачаевцев-скотоводов. Первое вмешательство правительства в сложившиеся земельные отношения карачаевцев касалось их пастбищ, вошедших в состав Терской области, когда два близкородственных народа, карачаевцы и балкарцы, были разведены в разные административные единицы. Карачай оказался в составе Кубанской области, а Балкария и часть карачаевцев Баксанского и Чегемского ущелий - Терской области.

Испокон веков карачаевцы пользовались пастбищами между р.р. Эшкакон и Кичи-Малкой (Кичи-Балыком). В 1859 году специальная комиссия, рассматривавшая земельные отношения в Нагорной полосе, своим распоряжением «ограничила карачаевские земли с востока Водораздельным хребтом между системой Кубани и Терека, лишив этим самым карачаевцев эшкаконских пастбищ..., как и многие последующие распоряжения, оно нанесло карачаевскому хозяйству значительный урон»¹⁰. Кроме того, было явным игнорированием княжеской власти, которая традиционно была гарантом безопасности и неотъемлемости дальних пастбищ и кошей, что было жизненно важно для народа, основу хозяйства которого составляло обширное отгонное скотоводство.

Настоящим бедствием для карачаевцев и балкарцев до присоединения к России были постоянные набеги со стороны соседних народов, угонявших скот, а иногда и людей. Обязанностью князей было возвращение краденого, отмщение и улаживание конфликтов с соседями. Но с установлением российской власти охрану кошей осуществляли и казачьи посты, расположенные вблизи казачьих станиц и абазинских аулов. Примеры подобного рода набегов мы находим во множестве не только в фольклоре, но и в документах.

Вот отрывок из «Истории Хоперского полка казачьего войска», составленной В. Толстовым: «В 1859 году вечером 13 апреля девять конных горцев в глубоких балках р. Дарьи (Айдара) напали на карачаевские коши, отхватили 15 лошадей и пустились с ними к Кубани. Пастухи подняли

тревогу. В первый момент из кумско-лоовского аула выскочил прапорщик Лафишев с десятком милиционеров, который, узнав о набегах хищников, послал одного всадника уведомить кубанский кордон, а с остальными кинулся преследовать. Рано утром 14 числа к Лафишеву присоединилась команда Хоперских казаков с ближайших постов, под командой поручика князя Клычева, а вслед затем были открыты ниже Усть-Тохтамышевского поста следы переправы через Кубань всей партии горцев с лошадьми. Тогда казаки и милиционеры надали ходу и на Большом Зеленчуке настигли хищников. Не давая им опомниться, казаки атаковали горцев и отбили всех выкраденных лошадей, а потом принялись за самих хищников. Хоперцы и милиционеры настойчивым и энергичным преследованием загнали черкесов к урочищу «Белая круча» на Большом Зеленчуке вблизи ст. Исправной. Здесь хищники были окружены и после упорного сопротивления и сильной перестрелки все были перебиты»".

В конце 1862 года Верхне-Кубанский участок кордонной линии имел 12 постов Хоперского казачьего полка.

Административно и политические права карачаевских князей в конце 60-х годов XIX в. были сведены до минимума, самих их стали называть просто старшинами, отождествляя со старшинами некоторых других горских народов, не имеющих высшего сословия. Но, так как для проведения крестьянской реформы правительству нужна была поддержка влиятельных родов, потерю власти им компенсировали при распределении земель, оставив в неприкосновенности частные владения и наделив дополнительными наделами.

В 1862 году Командующий войсками Кубанской области граф Евдокимов объявил от имени Его Императорского Величества прокламацию, в которой права на земли предоставляются в частную собственность, т.е. констатировался существующий порядок вещей. Это был первый правительственный акт по определению земельных отношений в Карачае: «С 1855 года преданностью нашему правительству и точным исполнением обязанностей верноподданных Государя Императора вы приобрели внимание начальства и заслужили монаршую милость. Исполняя волю Его Величества, который в отеческой заботливости об улучшении быта всех подданных все милостивейше повелел утвердить за вами на прочных основаниях ту землю, которой доселе пользовались в постоянных распрях и тяжбах с соседями, я приказал Верхне-Кубанскому Приставу указать Вам границу ее, как предназначенной в вечное и в потомственное владение. Земля эта отныне будет составлять вашу неотъемлемую собственность. Объявляя об этом и прилагая при сём план упомянутой земли, надеюсь, что вы, Карачаевцы, последующими вашими действиями докажете, что умеете ценить милость Государя»¹².

Несомненно, этот документ был обращен к представителям княжеского сословия, которые являлись землевладельцами и определяли общие правила землепользования внутри общины. Именно их лояльность и поддержка нужны были российской власти для проведения преобразующих реформ в Карачае. Здесь авторитет и влияние князей были очень высоки, и нельзя было игнорировать тот факт, что «порядок пользования землями и сложившееся временем право частной собственности на землю уже настолько установился в Карачае, что у карачаевского общества не возникает в этом отношении серьезных недоразумений»¹³.

В 1864 году была создана временная посредническая комиссия под председательством полковника Ильинского для исследования поземельных прав и потребностей карачаевцев в пахотных и покосных землях. В законах и распоряжениях по аграрному вопросу для карачаевцев всегда делалось исключение, так как в их высокогорном крае недостаточность земли была очевидна и делала невозможным успешное проведение крестьянской реформы.

Особым на их счет было и распоряжение Наместника Начальнику Кубанской области от 18 июля 1865 года. «Для разрешения поземельного вопроса в этой части края еще не собрано необходимых данных, но, принимая во внимание, что в пространстве земель, занимаемых карачаевцами ... не заключается достаточного количества земли для обеспечения быта карачаевцев, я 17 апреля 1865 года сделал распоряжение, чтобы из смежного с Карачаевскими землями участка свободных кордонных земель, заключающих в себе до 50 тысяч десятин, часть этого участка в количестве 40 тысяч десятин, впредь до решения поземельного вопроса в Карачаевском обществе, была предоставлена в постоянное пользование жителей этого общества собственно для пастьбы, взамен находящихся в их пользовании пастбищных мест, лежащих в пределах Терской области между р.р. Эшкакон и Кумой»¹⁴.

Это распоряжение противопоставлялось прокламации Евдокимова от 19 февраля 1862 года, в которой от имени Императора утверждалась частная собственность на землю в Карачае, а объявление этих земель достоянием казны являлось нарушением обещаний владельцам карачаевских земель.

В 1865 году российским правительством было решено прирезать карачаевцам 40 тысяч десятин взамен эшкаконских пастбищ, отобранных в пользу соседней Кабарды. Исследователи поземельных отношений у горцев отмечали: «Карачаевцы и другие горские племена разновременно пользовались ими (Эшкаконскими пастбищами - З. К.), но каких-либо определенных прав, кроме права сильного, на обладание этими землями, не имели и права на них давно потеряли, в силу последующих правительственных распоряжений. Разбор же этих прав невозможен за отсутствием исторических документальных данных, и, наконец, с установлением междуобластной границы, - все земли по правую сторону р. Кумы были переданы во владение Терской областной администрации»¹⁵. «Исторические документальные данные», отсутствие которых у бесписьменных народов было очевидным, требовались царским чиновникам каждый раз, когда они сами «по праву сильного» распоряжались землями народов, в исторических, национальных и земельных отношениях которых они плохо разбирались. Так, тюркоязычные жители пяти горских обществ, близкородственные карачаевцам, известные под именем «таулу», т.е. горцы, нередко назывались в официальных документах кабардинцами: «До 60-х годов кабардинцы пяти горских обществ - Урусбиевского, Чегемского, Балкарского и др., ныне Терской области, пользовались горными пастбищами по вершине р.р.Терека и Кубани (на севере от г. Эльбрус) совместно»¹⁶.

В середине 60-х годов была учреждена Комиссия для разграничения областей в этих местностях. Она определила границей между Терской и Кубанской областями водораздел между бассейнами этих рек. Горные пастбища Терской оставлены в совместном пользовании кабардинцев и балкарцев. Карачаевцам же, взамен участия их в этих пастбищах, предположено было дать 40 тысяч десятин из кордонных земель, отобранных раньше для заселения казачьими станицами.

Видный историк-кавказовед П.А. Шацкий писал: «Основную часть земельной площади, которой пользовались карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы, царизм объявил войсковой собственностью и передал казачьим станицам, а земли Нагорной полосы взял в казну»¹⁷.

В целях привлечения притока казачьего населения в линейные станицы в верховьях Кубани правительство шло на ужесточение мер по отношению к горцам. В 70-е годы XIX века им было «запрещено носить огнестрельное оружие, ограничивалась выдача отпускных билетов в пределы казачьих станиц. Согласно распоряжению, конфисковывалось имущество тех, кто отлучался из аулов и не возвращался в семидневный срок»¹⁸. Казаки становились полновластными хозяевами в предгорьях Карачая, пользуясь привилегиями и покровительством властей.

Что же касается балкарцев, положение их после включения в Терскую область только усугубилось, так как более многочисленные и исторически имевшие тесные связи с Россией кабардинцы всячески ущемляли их права. «Терские общества Большой Кабарды: Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское, имея единственным источником богатства - скотоводство, находились в крайнем стесненном положении и в хозяйственном отношении по недостатку в районе их земель, удобных для весенних и осенних пастбищ, и хотя они пользовались означенными пастбищами на плоскости Большой Кабарды, но всегда терпели при этом притеснения со стороны кабардинцев»¹⁹.

Для проведения крестьянской реформы на Северном Кавказе Указом Наместника Кавказа Великого князя Михаила в 1866 году был учрежден «Особый комитет по крестьянским делам». На основании этого указа были образованы сословно-поземельные комиссии в Терской и Кубанской областях, которые изучили правовые нормы всех сословных категорий северокавказских народов, в том числе карачаевцев и балкарцев.

Начиналась работа по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа. Самым важным моментом в подготовке реформы было введение общинного землепользования, которое упрощало вопрос наделения крестьян землей и давало возможность ускорить введение подати. Правительство не брало на себя никаких обязательств по отношению к освобождаемым крестьянам, рассчитывая, что они будут обеспечены землей за счет перераспределения общинных земель.

Но земельные отношения горцев были намного сложнее и не сводились к общинному землепользованию. Особенно это касалось карачаевцев и балкарцев, у которых феодальная зависимость усиливалась как раз из-за малоземелья, вынуждающего арендовать земельные наделы или наниматься в работники за плату скотом к землевладельцам.

Начальник Кабардинского округа полковник Нурид, составлявший перечень повинностей зависимых сословий, отмечал: «Так как зависимость каракишей в горских обществах была чисто административной, совсем не то, что зависимость других зависимых сословий, то при освобождении крепостных я отложил освобождение каракишей, и когда в горских обществах были освобождены все зависимые, то я освободил их без всяких условий, в чем и выдал тогда же установленные свидетельства»²⁰.

«Крепостных», зависимых лично и не имеющих никаких прав и имущества, здесь было ничтожное количество («казаки» и «карауаши»), в отличие от Кабарды, где «князья приобретали себе рабов, в основном, воровством или покупкой у соседних народов»²¹. Тем не менее принципы освобождения крепостных у кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и кумыков были общие, хотя карачаевцы, в отличие от других названных народов, входили в Кубанскую область.

Но среди горцев Кубанской области карачаевцев выделяли при рассмотрении земельного вопроса, так как они сохранили «установившееся у них временем и обычаем право поземельной собственности; население же остальных округов, собранное из остатков различных туземных племен Закубанского края, не имело определенных прав на владение землею»²².

Важным моментом крестьянской реформы в феодальных обществах кумыков, осетин, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев было то, что правительство пошло на явные уступки высшим сословиям, разрешив им освобождать крестьян самим, на договорных соглашениях. Это обернулось тем, что «крепостные были обобраны до нитки и отработывали выкупные суммы за себя и свои семьи по 8-10 лет. Привилегии, льготы, подкупы и раздача царских чинов горским князьям использовались для того, чтобы заставить их отказаться от прав частной собственности на землю и признать общину.

Начальник Кабардинского округа полковник Нурид отмечал в своем письме от 3 ноября 1866 года: «Прежде чем было преступлено к решению холопского вопроса, высшее сословие Кабарды, имевшее в среде своей землевладельцев-собственников, сделало огромную услугу и правительству и народу, признав земли общественной собственностью, так что освобождение зависимых сословий не ставит правительство в необходимость наделять их землями, а каждый освобожденный холоп будет иметь одинаковые права на землю с бывшим его владельцем»²³.

Обманом принудив горских князей отказаться от частной собственности, правительство объявило большую часть родовых земель казенными и после отмены крепостного права наделяло ими чиновников и офицеров, в том числе и из горцев, по своему усмотрению²⁴.

В целях скорейшей интеграции малочисленных народов в структуру Российской империи правительственные реформы проводились на завоёванных территориях Северного Кавказа. В 1867 году крестьянская реформа была проведена у балкарцев в Терской области. В 1868 году - у карачаевцев в Кубанской области. Но процесс освобождения от крепостной зависимости затянулся на несколько лет. Освобождение крестьян в феодальных обществах Карачая и Балкарии было бы невозможным без решения главного вопроса - земельного, так как, не имея земельного надела, они в любом случае оставались бы в полной зависимости от феодалов-землевладельцев.

В письме начальнику Терской области об обмене опытом в разрешении крестьянского вопроса в горских областях Кавказа начальник Кубанской области объясняет задержку проведения реформы во вверенной ему области. Он пишет, что обещанные земельные участки для горцев еще не выделены и ссылается на «объявление от имени Государя Великого Князя, что к крестьянскому вопросу будет преступлено лишь по наделе горцев землею и устройству их хозяйства»²⁵.

В 1868 году Карачаю были отмежеваны обещанные земли взамен Эшкаконских пастбищ: 26 тысяч десятин между р. Кубанью и р. Кумой, 14 тысяч десятин на левой стороне р. Теберды. По ходатайству начальника Баталпашинского уезда Н. Г. Петрусевича на указанных им землях были образованы новые аулы: Теберда (1868г.), Сенты (1870г.), Каменномост (1870г.), Мара (1875г.), Дзегута (1883г.). Эти территории должны были быть заселены безземельными и малоземельными крестьянами, освобожденными от крепостной зависимости и оказавшимися в совершенно бедственном положении: получив свободу, они не получили земли.

Земля в Старом Карачае, несмотря на все старания комиссий, все же фактически оставалась в частной фамильной собственности высших сословий, поэтому предполагалось, что освобожденные получат земельные наделы в Новом Карачае, где землепользование было объявлено общинным. Но этого не случилось. Объективно сложилась следующая картина.

Так как условия освобождения были для большинства очень тяжелы, то понадобились годы, чтобы крестьяне смогли, наконец, расплатиться и собраться в дальний по тем временам путь на новое место жительства. Проведение и формальное завершение реформы в течение 1868 года совсем не отражало действительного положения вещей. Крестьянам предстояло выплатить огромные выкупные суммы или отработать их, прежде чем они получили действительное освобождение от своих владельцев.

Между тем, более богатые семьи, понимая все преимущества отведенных карачаевцам земель, особенно те, кто издавна имел там коши и родовые земли, поспешили занять место в общинах так называемого Нового Карачая. Они первыми вступили во владение земельными наделами, распределив все выделенные общине угодья на паи соответственно успевшим переселиться семьям.

Так как в новых аулах землепользование было установлено на общинном праве, право пользования землей имело только ограниченное число членов общины. Таким образом, в Карачае признавалось существование и частного, и общинного землепользования.

Такое же положение сложилось и в Балкарии, где также традиционно власть таубиев (горских князей) была очень сильна и они, как собственники всех земель, руководили землепользованием в общинах. Правительство пыталось разграничить частную и общественную собственность, тем самым лишая высшее сословие их влияния на народ.

Из отзыва Великого Князя Наместника Военному Министру от 23 июня 1869 года по поводу разграничения кабардинских и горских (балкарских) территорий в Нальчикском округе и их земельному устройству: «После самого строгого изучения потребностей горских обществ в пастбищных землях, а также после неоднократных обсуждений способов удовлетворения таковых потребностей, окончательно предположено: укрепить за горскими обществами все земли, издавна составляющие их собственность и границы, которые ныне с достоверностью известны», и далее: «Все земли в районе горских обществ составляют собственность или целых обществ, или частных лиц. К первой категории земель, т.е. общественной собственности преимущественно относятся обширные пастбища и сенокосные места, а ко второй весьма ограниченное количество пахотных земель и земель, находящихся под усадебными оседлостями»²⁶.

Как бы там ни было, землевладельцы, сохранив за собой фамильные земли в старых селениях, стали полноправными членами новых общин, а беднейшие слои, не успев к разделу паев, даже не могли вернуться назад. Многие бывшие крепостные оказались в новых селениях «временно проживающими». Безземельные и бесправные, лишенные покровительства своих биев (князей), они не получили помощи и защиты от правительства. «Не получившие земельного надела, в большинстве случаев, переселились в Турцию»²⁷. Они и составили основной контингент карачаевских и балкарских мухаджиров 80-х годов XIX века.

Вмешательство в поземельные отношения горцев, органично связанные с общественно-политическим устройством их обществ, стало очень серьезным ударом по традиционному укладу жизнедеятельности, в течение многих веков адекватно приспособленному к тяжелейшим условиям высокогорья и малоземелья в Карачае и Балкарии. Искусственные изменения во внутреннем устройстве Карачая и Балкарии с неизбежностью привели к бесперспективности и краху жизни значительного слоя населения. В таких условиях возможность переселения в единоверную страну, где им были обещаны компактное расселение и достаточные для жизнеобеспечения земельные наделы, представлялась единственным спасением.

Несомненно, решение покинуть Родину далось очень тяжело. Это было настоящей трагедией и для уезжающих, и для остающихся. Только безысходность могла толкнуть гордых сынов гор оставить могилы предков и искать лучшей доли в чужой стране.

Красноречивое описание причин переселения беднейших слоев карачаевцев дал в своих «Очерках Карачая» автор начала XX в. Н.Е.Талицкий: «Когда незнакомый с историей Карачая путешественник посетит аулы Сенты, Теберды и другие карачаевские селения, то ему прежде всего бросятся в глаза много заброшенных саклей, печальное состояние которых наводит не-

вольно на раздумье: все вокруг позаросло сорною травой; ни в чем не видно и следа, чтобы тут, хотя зимой, когда карачаевцы целыми семьями возвращаются в аулы из своих летних дач - кошей, жил кто-нибудь. В этих саклях действительно никто уже не живет: обитатели переселились в Турцию лет десять тому назад»²⁸.

Знакомясь с жизнью простых людей, автор приходит к выводу, что главная причина этого переселения кроется в структуре общины: «Главное зло - безземелье некоторых карачаевцев». Талицкий ссылается на рукописную заметку народного учителя из аула Сенты Р. Куатова о причинах переселения: «самая важная - это неравномерное распределение земли между карачаевцами». Учитель Куатов был очевидцем отъезда своих односельчан и описал его: «Наконец-то разрешили! Наконец-то разрешили нам переселиться в Стамбул! - так радостно восклицали наши карачаи в день получения известия о Высочайшем разрешении им переселиться в Турцию и весело, поздравляя, жали друг другу руки. Не долго продолжалось их радостное настроение. Начались хлопоты по продаже имущества, и два - три дня были проведены в приготовлениях в дорогу.

Настал последний день. Утром того дня я проходил мимо соседа. Он стал у ворот своего дома, и, прислонившись к калитке, что-то думал, понунив голову. Он стоял совершенно бледный, с заплаканными глазами, и сразу произвел на меня удручающее впечатление... Я догадался, почему он плакал, и так как у меня тоже стали подступать слезы, то я скорей отошел от него. Бедный карачаевец! Ему жаль было расставаться с родными горами, с родным углом, где он родился и вырос, с соседями, с которыми делил и радость и горе в течение многих лет! - Пройдя дальше, я увидел еще более печальные картины. Всюду по аулу карачаевцы провожали своих соседей или родственников, и как те, так и другие плакали, как дети. У нас редко можно видеть мужчину в слезах, даже при самом безутешном горе, но тут поголовно плакали все. Плакали и молодые и старики, плакали девушки и молодые женщины и с душераздирающими рыданиями бросались на шею своих родственников, остающихся в России»²⁹.

Очевидно, что бывшие крепостные, не имевшие своих средств, не могли рассчитывать и на помощь государства в переселении на чужбину. В Турцию они поехали с князьями, надеясь на их покровительство. Среди переселенцев было немало лиц высшего сословия, надеющихся сохранить княжеское достоинство и власть над своими крестьянами в Турции.

С нарушением прав собственности на землю высшего сословия российское правительство теряло их поддержку, кроме того, это шло вразрез с прокламацией графа Евдокимова, объявленной от имени царя. Поэтому потерю политической и административной власти местным феодалам компенсировали передачей им в частную собственность земельных наделов: «в особых заботах Его Величества Наместника Кавказского об улучшении быта туземцев Северного Кавказа, в том числе и Карачаевцев, было испрошено Высочайшее соизволение на дарование земель в потомственную собственность некоторым лицам из Карачаевцев, оказавших услуги Правительству, как своим полезным влиянием на народ, так и особой преданностью русской власти»³⁰.

В «Списке земель, пожалованных и отведенных на льготных условиях представителям русской и горской знати»³¹ в 1870 году, указаны следующие карачаевские землевладельцы: 1. Старшина штаб-ротмистр Гаджи-Мурза Крымшамхалов с братом Асланбеком - 1 084 десятины в Эльбрусском округе Кубанской области.

Карачаевские землевладельцы: слева направо (сидят) хаджи Абдурахман Боташев, хаджи Абдурзак Крымшамхалов, хаджи-Даут-Герий Крымшамхалов, хаджи Таусолтан Крымшамхалов, (стоят) Юсуп Боташев, эфенди Алиса Узденов, Асланбек Крымшамхалов. Аул Карт-Джурт. 1867 г.

2. Бывший валий (владелец Карачая) старшина поручик Магомет Крымшамхалов - 322 десятины в Баталпашинском уезде Кубанской области. 3. Старшина аула Хурзук Давлет-Гирей Крымшамхалов - 102 десятины. 4. Старшина подпоручик Каншаубий Крымшамхалов - 201 десятина. 5. Старшина аула Карт-Джурт поручик Абдурзак Крымшамхалов - 201 десятина. 6. Старшина поручик Бадра Крымшамхалов - 201 десятина. 7. Старшина аула Учкулан Пшемахо Дудов - 201 десятина. 8. Старшина аула Даут Идрис Карабашев и сын его подпоручик Адемей - 403 десятины. 9. Кадий окружного словесного суда Магомет Байрамуков - 202 десятины.

10. Бывший депутат окружного словесного суда Али Бостанов - 201 десятина. 11. Кадий окружного словесного суда Исмаил Кочкаров - 202 десятины. 12. Депутат окружного словесного суда Джашарбек Байрамуков - 201 десятина. 13. Поручик Абдрахман Боташев - 101 десятина. 14. Юнкер Ожай Байчоров - 341 десятина. 15. Князь Кучук Карамурзин - 204 десятины. 16. Князь Асланбек Карамурзин - 147 десятин. 17. В 1874 году старшина аула Учкулан Токмак Акбаев получил 200 десятин.

Таким образом, права карачаевцев на собственную землю фактически были определены. Пожалованные и родовые участки землевладельцы, основываясь на общероссийском законодательстве, могли продавать, сдавать в аренду и т.д. Благодаря этому в Карачае возник новый слой землевладельцев из разных сословий, которые могли купить себе землю у местных богачей и у царских чиновников, продающих пожалованные им огромные наделы на Кавказе.

После отмены крепостного права сословное деление карачаевцев на биев, узденей и кулов было формально отменено, внутреннее устройство общества разрушено. Управление сельской общиной переходило из рук владетельных князей Крымшамхаловых под контроль царских чиновников.

С 60-х годов XIX века царское правительство активно проводит реформы по преобразованию общественной жизни горцев с целью постепенного подчинения их общим законам Империи. Одной из первоочередных мер было «упразднение влияния и власти владетельных родов и введение выборного управления»³². Но кавказская администрация из-за непродуманности и несоответствия местным реалиям многих реформ, в первую очередь земельной, не обеспечивала улучшения или хотя бы стабильности существования горцев в рамках российского законодательства.

Переселение горцев в Турцию после отмены крепостного права не было стихийным, неорганизованным бегством, оно вполне регулировалось и контролировалось царским правительством. Были составлены необходимые правила, по которым должно было производиться переселение, и послано в Константинополь «особое доверенное лицо для ведения переговоров с Портою при посредстве посольства»³³.

Что касалось мухаджирства воинственных адыгских племён, то заинтересованность свою в переселении коренных жителей Севере - Западного Кавказа даже не пытались завуалировать и открыто делили еще не освобожденные территории. Так, Командующий войсками Кавказского военного округа высказывал «предположение о заселении освобождающихся от туземцев земель семействами отставных солдат и другими переселенцами, проживающими в пределах Кубанской области. Общественные постройки переселившихся передать в распоряжение администрации для обращения их ими на надобности новых поселений»³⁴.

Из отзыва Начальника Главного Штаба генерал-адъютанта Обручева командующему Войсками Кавказского Военного округа видно, что сам Государь Император «высочайше соизволил одобрить проектируемые общие основания правил выселения», где, между прочим, устанавливалось количество «душ», необходимых переселить: «Путем дипломатических переговоров получить согласие Порты на прием к себе в подданство приблизительно 24 000 душ мужского пола переселенцев из Кубанской области с указанием мест для водворения их отнюдь не в пограничных с нами провинциях.

Горцы, переселяющиеся в целом составе общества, пользуются общественными суммами на расходы по переселению, не испрашивая никаких пособий от администрации. Выселившимся горцам не позволять возвращаться ни в каком случае и ни под каким предлогом. С возвратившимися на Кавказ поступать по всей строгости законов, как с абреками»³⁵. Но нельзя сказать, что имело место насильственное принуждение к переселению в Турцию.

Источников, подтверждающих поощрение к переселению карачаевцев и балкарцев со стороны правительства нет. Здесь заинтересованными лицами выступают местные богачи и чиновники. Религиозная окраска была придана переселению в их интересах, чтобы завуалировать истинные причины тяжелейшего положения беднейших слоев народа. Пользуясь авторитетом в народе, активную агитацию за переселение вели эфенди (мусульманские священнослужители). Карачаевцы и балкарцы, как на родине, так и в Турции, до сих пор помнят их имена.

В Балкарии это был высокообразованный теолог Энеев Алий-эфенди, за которым последовала большая часть крестьян из с. Кёндеден. Эфенди внушал, что только «ислам может быть желанной опорой для горских адатов (обычаев) чести»³⁶.

В Карачае безземельных крестьян из Джегуты возглавил Турклиев Юсуп-эфенди. В Турции они основали с. Килиса. Впоследствии Юсуп-эфенди был переведён священнослужителем в мечеть другого карачаевского селения - Эртугрул (Якапынар)³⁷. Тюркге кёчмеклик тынч тюлдю. Алай а, Наны-хаджи, бизге кьаршчи ишинг кьалсын, Кьарачайлыланы муслиман джерден тья эсе, Наны-хаджи орус клисагьа табынсын.

В Турцию переселение не лёгкое дело. Но, Наны-хаджи, нам препятствовать перестань. Карачаевцев от мусульманской земли удерживает если, Наны-хаджи русской церкви поклоняется пусть. (Подстрочный перевод автора.)

Таким образом, двойственная позиция агитаторов выдает социальную подоплеку причин переселения, которому пытались придать религиозную окраску.

Нестабильность и безысходность на Родине, бесконечные бесплодные реформы, алчность и вседозволенность чиновников полностью дестабилизировали обстановку в Карачае. В докладе правителю канцелярии Начальника Кубанской области председатель Баталпашинского суда Филимонов писал: «В числе причин, вызывающих обеднение горцев, после малоземелья, первое место занимает, по-моему, постоянное брожение мысли о переселении в Стамбул и неуверенность, вследствие этого, даже у наиболее склонных к труду горцев, в своем будущем и в том, не придется ли рано или поздно бросить все нажитое и идти за своими односельчанами в Турцию»⁴⁰.

В 80-е годы в России наступила жесткая политическая реакция, которая отразилась и на реформах, проводимых на Кавказе. «Малейшие волнения в горских аулах вызывали волну репрессий и арестов. Усилился колониальный гнет. У карачаевцев, черкесов и других народов Северного Кавказа было отобрано даже то куцее самоуправление и политические права, которые они получили в 60-70 годах. Все управление Кубанской областью было военизировано и подчинено казачьей администрации»⁴¹. Острое малоземелье, нерешенный земельный вопрос, классовые противоречия между формирующимся классом мелких собственников и освобожденными от крепостной зависимости безземельными крестьянами был отягощен колониальным гнетом. Это вызвало народные волнения, которые духовенство и высшее сословие в своих интересах использовали для агитации за переселение в Турцию. Политика правительственных чиновников способствовала этому, «поставив условием переселения согласие всех жителей аула или в крайнем случае двух третей его»⁴².

Начальник Баталпашинского отдела писал: «Вследствие этого многие горцы, помимо личного своего желания, находились под давлением влиятельных фамилий или большинства и дабы не препятствовать остальным одноаульцам, вносят свои имена в списки изъявивших намерение переселиться в Турцию, тогда как при иных условиях они, вероятно, навсегда остались бы подданными России»⁴³.

Часть балкарского народа из Терской области переселялась совместно со своими соседями - кабардинцами и осетинами. Кабардинские князья активно агитировали горцев за мухаджирство, так как отмена крепостного права наиболее ощутимо ударила именно по их благополучию. В Турции они надеялись сохранить власть над крестьянами.

Очевидцем отправки вагона с мухаджирами из Терской области на железнодорожной станции Минеральные Воды стал известный публицист Я. В. Абрамов (1858-1906 гг.). В 1884 году он опубликовал в журнале «Дело» исторический очерк «Кавказские горцы», в котором дал объективную картину положения горцев в 60-80 годы XIX века, изложил причины переселения части горских народов, опираясь на письменные источники и свои собственные наблюдения.

Я. В. Абрамова возмущала официальная точка зрения на мухаджирство, высказываемая, например, историком Берже, что «изгнание горцев было вызвано их постоянными разбоями, что усмирить их не было никакой возможности иначе как или истребить совершенно, или выселить из гор на плоскость или в Турцию»⁴⁴.

Конечно, эта государственная концепция была актуальна после окончания Кавказской войны, в период мухаджирства части горских народов в 1858-1865 годах. В 80-х годах ситуация была иная, и переселение охватило, в основном, народы, не воевавшие с Россией.

Яркий представитель прогрессивной интеллигенции Абрамов беспристрастно показал тяжёлое экономическое положение коренного населения, а также пагубность переселения как для них самих, так и для будущего процветания кавказского края.

Опровергая попытки обвинить горцев в дикости и некультурности, Абрамов писал: «...лицам, говорящим о некультурности горцев и недостатке у них трудолюбия, следовало бы обратить внимание на факты ...характеризующие степень культурности и трудолюбия кавказских туземцев, каковыми фактами могут служить: ...скотоводство у горцев вообще и карачаевцев в особенности, ухитрившихся развести огромные стада рогатого скота на неприступных высотах у подошвы Эльбруса»⁴⁵.

Причину переселения в Турцию Абрамов видел в катастрофическом малоземелье горцев и «несравненно менее выгодных экономических условиях, чем условия экономической жизни казаков»⁴⁶. Выражая точку истинных патриотов своей Родины, мыслящей интеллигенции, Абрамов высказывался за устранение всех причин, толкающих горцев на переселение, и писал, что «...такое положение вещей, всего менее желательное для России, создано совершенно искусственно, является продуктом грубого непонимания интересов России на Кавказе, а во многих отношениях и прямых злоупотреблений»⁴⁷.

Экономическая ситуация, сложившаяся в Карачае и Балкарии после отмены крепостного права, малоземелье и безземелье значительной части крестьянства оказались неразрешимой проблемой для российского правительства во второй половине XIX столетия. Эмиграция стала выходом из этого положения.

Переселение из Кабарды, Балкарии, Осетии и Карачая в 1884-1887 годах шло, в основном, сухопутным путём через Закавказье. Поэтому в Турции эти мухаджиров обосновались в северо-восточных районах Анатолии вблизи городов Токат, Сивас, Кайсери.

Что касается количества мухаджиров первой волны из Карачая и Балкарии, то надо отметить, что исчерпывающих данных нет. Историк И. М. Шаманов по отрывочным статистическим данным о численности карачаевцев, приводимым дореволюционными русскими историками, составил таблицу о количественном составе карачаевских селений до (3319 дворов) и после (2881 дворов) проведения крестьянской реформы⁴⁸.

Как видим, население Карачая за десятилетие заметно уменьшилось. Учитывая, что в 60-80-е годы здесь не было крупных эпидемий, военных столкновений, истребления или изгнания со своей территории карачаевцев, такое уменьшение, очевидно, можно объяснить только переселением части народа в Турцию.

Даже не учитывая естественный прирост населения, мы можем констатировать, что после переселения мухаджиров в 1884-1887 годах в Карачае стало меньше народа на 438 семей, которые состояли чаще из нескольких десятков человек и образовывали большую патриархальную семью.

В начале XX столетия исследователь Б. В. Миллер писал, что «в среднем число человек карачаевского двора колеблется между 15-25 человеками»⁴⁹. Таким образом, мухаджиров первой волны из Карачая было не менее 5 000 человек. Если учесть, что «в год отмены крепостного права в Карачае население составило около 30 тыс. человек»⁵⁰, а в 80-е годы ещё увеличилось, то можно предположить, что переселение охватило около 1/6 части народа.

Что касается балкарцев, которые административно входили в Кабардинский округ Терской области, то мы можем привести только примерную численность общего количества переселившихся кабардинцев и балкарцев. Известно, что в Кабарде население (кабардинское и балкарское) уменьшилось в 1890 году по сравнению с 1875 годом на 8 624 человека⁵¹.

Итак, в 80-е годы XIX столетия численность мухаджиров из Карачая составила не менее 5 000 человек, а из Кабарды и Балкарии не менее 8 000 человек (из них не менее 2 000 балкарцев). В Турции они основали шесть мононациональных селений: Чифтлик, Килиса, Эйрисоют, Эмирлер, Арпаджи-карачай, Чилехане. Кроме того, часть этих переселенцев осела в Сирии, где карачаевцы и балкарцы основали два селения: Блей и Бойдан.

По данным наших информаторов о численности домов первопоселенцев в этих селениях, количество мухаджиров 1884-1887 годов из Карачая и Балкарии не противоречит нашим подсчётам.

Воспоминания потомков мухаджиров о рассказах своих дедов подтверждают, что основной причиной переселения были острое малоземелье и несправедливый раздел общинных земель в новых селениях.

Таким образом, переселение карачаевцев и балкарцев в Турцию в 80-е годы XIX века связывать с результатами военных операций в ходе завоевания Россией Северного Кавказа нет оснований.

Основной причиной переселения стала крестьянская реформа, проводимая царским правительством на завоеванных и присоединенных территориях, и преобразования в землевладении.

Мухаджирами в этот период стала небольшая часть высшего сословия (бии, чанка и таубии), лишенная своих владительных прав, и беднейшие слои крестьянства (кулы), освобожденные от крепостной зависимости, но оставшиеся без земли.

§ 2. Мухаджирство 1905-1906 годов

Вторая волна эмиграции из Карачая и Балкарии пришла на 1905-1907 годы. В народной памяти переселенцы этого периода сохранились как «экинчи стампулчула» (вторые стамбульцы).

К этому времени в Карачае и Балкарии особенно резко обострились аграрные отношения, и на этом фоне усилилась агитация за переселение в Османскую империю.

В начале XX века переселенческие настроения охватили все мусульманские народы Кавказа. Об этом свидетельствует интенсивная переписка между чиновниками на местах и царским правительством. В 1902 году Главнокомандующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант князь Голицын писал: «С 1893 года среди мусульманского населения Кавказского края стало усиленно обнаруживаться стремление к оставлению своего отечества и переселению в пределы соседней единой Турции... Мало-помалу движение это, имевшее вначале почву в чисто экономических причинах, соединившись впоследствии с известными политическими и религиозными тенденциями, разрастаясь, как в своих размерах, так и во внешнем своём проявлении, охватило почти все губернии Кавказского края»⁵². Правительственные меры по легализации переселения были приняты, и сельские общины принялись за составление списков желающих переселиться в Турцию.

В 1902 году жители карачаевских селений подали прошение о разрешении им переселиться в Турцию, мотивируя свои ходатайства «неблагоприятными жизненными условиями и малым земельным наделом, не обеспечивающим существования их семей»⁵³.

Начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска ген.- лейт. Я. Д. Малама докладывал в своём рапорте Войсковому Наказному Атаману Казачьих войск: «Мною было предложено Атаману Баталпашинского отдела принять все меры к успокоению жителей, вознамерившихся переселиться в Турцию, и разъяснить им все те невыгодные последствия, с какими сопряжено для них это переселение.

На предложение моё Атаман Баталпашинского отдела, рапортом от 16 ноября 1902 года, донёс, что все его убеждения не привели к желательным результатам; просители упорно заявили своё желание переселиться в Турцию. Имея в виду, что переселение русскоподданных горцев-мусульман в Турцию приостановлено вследствие ходатайства о том турецкого правительства, затрудняющегося устройством прибывающих переселенцев на избранных ими новых местах жительства, я просил Атамана отдела объявить просителям, что ходатайству их не может быть дано движения, впредь до представления ими Турецкого правительства о том, что он со своей стороны изъявит согласие на принятие просителей со всеми их семействами в турецкое подданство. Ныне мною получено от Турецкого Императорского Консульства в Севастополь уведомление, что просителям разрешено переселиться из вверенной мне области в Турцию, где для них отведено в Сирии место для постоянного жительства»⁵⁴.

Ответ Начальник Кубанской области получил в 1903 году от начальника штаба Кавказских казачьих войск, в котором он передает просьбу Командующего генерал-лейтенанта Фрезе объявить просителям: «1) что переселение должно быть совершено на их собственный счёт и никаких средств на то от казны им выдано не будет; 2) что точно так же они не могут рассчитывать на получение денежной субсидии от Турецкого правительства; 3) что прежде переселения должны быть уплачены все числящиеся на них недоимки»⁵⁵.

Таким образом, правовое обоснование для переселения было получено. Каковы же были причины, заставившие карачаевцев и балкарцев покинуть Родину почти через 80 лет после вхождения в состав России?

По крайней мере, основная причина переселения высвечивается при исследовании архивных документов, касающихся подготовки проекта земельной реформы на Северном Кавказе и

различных землеустроительных акций. Особенно показательны в этом отношении «Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения Карачаевского народа Кубанской области» (председатель комиссии юриконсульт при военном окружном совете Кавказского военного округа действительный статский советник И.Г.Абрамов), опубликованные в 1910 году в «Кубанском сборнике»⁵⁶.

Данная Комиссия собрала богатый фактический материал о поземельных отношениях в Карачае, о хозяйственном укладе горцев вплоть до переселения значительной части карачаевцев в Турцию в начале XX века.

После покорения западного Кавказа и переселения большинства местного населения (адыгов и абхазов) в Турцию, царское правительство немедленно приступило к поземельному устройству Терской и Кубанской областей и выработало особые для этого правила, но, как отметила Комиссия, «за исключением территории, занимаемой карачаевским народом, населявшим высокогорный Эльбрусский округ, где земельный строй, создавшийся веками, войною не был разрушен, а характерная особенность землевладения и землепользования требовала изучения земельного вопроса на месте; вследствие чего поземельное устройство этого народа оставалось без движения до настоящего времени»⁵⁷.

Однако, как мы показали в первом параграфе этой главы, «движения» эти были и носили откровенно целенаправленный характер. Для проведения крестьянской реформы и в целях обеспечения земельными наделами освобождаемых зависимых сословий, Карачаю были отмежеваны дополнительно 40 т. десятин взамен отошедших к Терской области Эшкаконских пастбищ. В новых поселениях, образованных на этих территориях (Новый Карачай), было установлено общинное право землевладения.

Это было сделано правительством в расчёте на то, что земля будет распределена между общинниками поровну. Но такой порядок не соответствовал земельному устройству феодального Карачая, где владетельные фамилии обладали безусловным правом частной собственности на землю и определяли все формы землепользования.

Поэтому в результате проводимой российским правительством крестьянской реформы значительная часть карачаевцев, оставшаяся после освобождения от крепостной зависимости без земли, была вынуждена переселиться в 1884-1887 годах в Турцию.

Фактически право частной собственности на землю продолжало действовать в Карачае и Балкарии, за исключением тех земель, которые были объявлены общинными. Более того, произошёл резкий рост землевладельцев, возникновение целого класса мелких собственников в 80-90-е годы XIX века в связи с включением Карачая и Балкарии, как и всего Северного Кавказа, в общее русло развития экономики и права Российской Империи.

Между тем, исследование поземельного строя карачаевцев и балкарцев продолжалось, так как юридического оформления определение поземельных прав горцев так и не получило. Периодически властями поднимались вопросы о необходимости урегулирования земельных отношений у горских народов Северного Кавказа на плоскостных землях и в Нагорной полосе.

Исследователи и чиновники отмечали прогрессирующее малоземелье в горах и неустроенность беднейших выходцев с гор в новых селениях, где было определено правительством общинное землевладение. Но расчёт на то, что все временно проживающие в новых селениях малоземельные и безземельные семьи получат свои паевые участки, не оправдался. Общинные земли оказались в руках более зажиточных слоев населения.

За весь пореформенный период с конца 60-х годов XIX столетия царская администрация не предприняла никаких мер по урегулированию земельного вопроса у северокавказских народов. Более того, совершенно без объяснений отбирались в пользу казны карачаевские леса - главное природное богатство народа. «Казённое Управление в лице своих лесничих, постепенно захватывая земли карачаевцев, установило границы... по правому притоку Теберды Гоначхиру и тем завладело 12 000 дес.», - указано в архивных документах по разбору трудов и проектов комиссии Абрамова⁵⁸.

Только в 1909 году, после переселения мухаджиров, Тифлисское Собрание признает факт захвата карачаевских земель казною: «Теперь подлинно установлено, что казна владеет чужой землёй, стало быть, её надобно возвратить, не начиная судебного процесса... Возвратить находящийся во владении казны чужой земли безотносительно к юридической казуистики

является выразителем житейской правды. Поэтому узаконение в собственность заведомо чужой земли посредством судебной власти не причисляется Государственному учреждению»⁵⁹.

В Карачае почти отсутствовали пахотные земли. Карачаевцы из всех северокавказских народов были самыми обездоленными по количеству земельных наделов на душу населения. Первый карачаевский учёный, исследователь истории народов Северного Кавказа Умар Алиев писал: «Карачаю своего хлеба хватало только на месяц - полтора, а остальное время он жил за счёт ввозимого хлеба. Карачаевцы, ведя полукочевое скотоводческое хозяйство, могли содержать в национальных границах в незначительной части населения около 1/3 своего хозяйства, а остальным приходилось содержать свой скот на арендуемых землях у казаков, кабардинских князей и казённых»⁶⁰. Единственным богатством был скот, за счёт продажи которого существовали карачаевцы.

Такое же положение было и у балкарцев. В Терской области землеустройство населения Нагорной полосы (балкарцев) признано было возможным произвести только после подробной инструментальной съёмки всех её земель, проводимой с 1886 года по 1905 год.

В 1905 году в Тифлисе была образована Комиссия для исследования земельного вопроса в этой части Терской области, куда прибыли и уполномоченные от карачаевского народа из Кубанской области с просьбой, чтобы на Комиссию было возложено исследование поземельного вопроса и в Карачае. Ходатайство было удовлетворено, и Комиссия начала работать 1 мая 1906 года в г. Владикавказе.

Цели и задачи этой Комиссии, направленные на усиление роли общины и ущемление прав собственности землевладельцев (в основном, среднего класса «узденей»), шли наперекор вековым традициям в народе и, кроме того, не соответствовали государственным интересам России, с начала XX века усиливающей права частных собственников. Поэтому проект Комиссии так и не был принят.

Но в процессе работы, фактически с конца 90-х годов XX века, данная Комиссия отразила тенденцию чиновничества не признавать права собственности на землю в Карачае и Балкарии.

Начнём с того, что она ревизовала прокламацию бывшего Командующего войсками области графа Евдокимова от 19 февраля 1862 года, в которой земли Карачая от имени Его Императорского Величества предоставлялись карачаевскому народу в неотъемлемую собственность. Комиссия сочла, что, так как крепостное право отменено, то и вся земля должна принадлежать всему народу, без различия сословий. Член комиссии коллежский советник Иваненков в рапорте председателю комиссии настаивал: «Проект положения о правах признаёт только право обществ на общественное пользование землёю и право пользования семейств «трудовыми участками»; частное владение, в смысле владения на правах полной собственности, проект не допускает»⁶¹.

В своих объяснениях на письменные заявления карачаевцев Комиссия даёт радикальный лозунг для «отсталого и тёмного» народа: «Народ мог и имел право, опираясь на точный смысл акта 19-го февраля, предъявить в суде требование об изъятии из неправильного и незаконного владения кышлыков (зимних пастбищ) и о передаче их во владение народа; но только духовная его темнота и некультурность были причиною тому, что около 50 лет эти земли остаются в незаконном владении настоящих заявителей»⁶².

Напуганные предстоящей экспроприацией, землевладельцы и скотопромышленники не видели для себя перспектив в России, тем более, что на их памяти, в конце 60-х годов, происходило ущемление прав на частную собственность биев (князей) и насаждалось общинное землевладение. После отмены крепостного права и переселения части населения в Турцию, в Карачае и Балкарии, согласно новой политике российского правительства, возник средний класс частных владельцев. И вот легитимность их прав тоже ставилась под сомнение, проект Комиссии заканчивается недвусмысленным, хотя совершенно недоказанным и необоснованным заявлением, что собственники «потеряли свои права на обладание землёй и разбор этих прав в настоящее время может быть разрешён в отрицательном направлении»⁶³.

Не дожидаясь результатов работы Комиссии, многие землевладельцы стали продавать свои наделы, скот, имущество и подавать прошение о переселении в Турцию. «Свои участки продают довольно охотно»⁶⁴, - отмечает исследователь В.Сысоев. «Земли его собственные и продаёт их и покупает, как всякую другую собственность»⁶⁵, - констатирует бывший член Комиссии старший

землемер Терской области Тульчинский. Понятно, что такое было бы невозможным при отсутствии прав частной собственности.

Между тем основной своей целью Комиссия ставила показать катастрофическую нужду карачаевцев в земле и предложить проект по земельному устройству горцев. С искренним сочувствием описывают чиновники трудовую жизнь карачаевцев: «Летние пастбища в Карачае отличаются малодоступностью, но это не препятствует горным жителям, в поисках за кормом для скота, пробираться со своими стадами в самые возвышенные и труднодоступные заоблачные пространства... Обыкновенно пустынные и безлюдные покатоности, угрюмые скалистые хребты с конусообразными вершинами, летом оживляются постоянно движущимися стадами овец, скота и лошадей, звонкой песней пастухов и живописно расположенными летними кошами горцев»⁶⁶.

Тщательное исследование на протяжении нескольких лет земельного вопроса в Карачае привело Комиссию к заключению, что «площадь пахотных земель незначительная... и по топографическим условиям не может быть расширена, а скорее сокращается, под влиянием внешних причин, а выгоны и пастбища почти наполовину покрыты камнями и эксплуатируются только для пастбы в течение 3-4 месяцев. Следовательно, земледелием горец существовать не может, хотя имеет большое стремление стать хлебопашцем, а главное хозяйство и единственный источник для удовлетворения жизненных потребностей - это ското-овцеводство, как это вызывается условиями горной природы»⁶⁷.

Так как степень обеспеченности землёй в Карачае для ведения скотоводческого хозяйства Комиссия определила катастрофически малой, она поставила вопрос о неудовлетворительном жизненным потребностям населения современном земельном устройстве в этой местности. То есть она сделала акцент на то, что в Карачае, наравне с общинным землевладением, процветает частное владение землями, якобы незаконное. Как и после освобождения зависимых сословий в 1868 году, царские чиновники видели способ более равномерного распределения земель в насаждении общины и ущемлении прав землевладельцев.

В «Проекте правил о формальном обмежевании всех земельных владений в Карачае Кубанской области» Комиссия к свободным землям, которые могут быть предоставлены карачаевскому народу, относит: 1. Казённые нагорные пастбища пространства в верховьях р. Малый Зеленчук, в урочищах: Архыз, Маруха и Аксаут. 2. Казённый Хумаринский участок. 3. Земельные участки, ныне состоящие в фактическом пользовании отдельных лиц карачаевского общества⁶⁸.

Таким образом, из изъятых в пользу казны в XIX веке горских земель предлагалось вернуть самые высокогорные участки, не нашедшие применения у казачества. Хумаринский же участок был облюбован властями для участкового начальства, кроме того, на него претендовали и жители с. Георгиевско-Осетинского, которых переселили в Карачай в 70-х годах по распоряжению Наместника Кавказского, и «на вечные времена 150 семействам из горной Осетии» были отведены по 15 десятин из скудных карачаевских земель⁶⁹. Что же касается земель в долине р. Марухи (Морх), то о них в «Отчёте об осмотре казённых свободных земель Нагорной полосы между реками Тебердой и Лабой» сказано: «Долины же Аксаута и Марухи надобно признать почти негодными, так как небольшие участки, разбросанные в разных местах по берегу рек между лесами и составляющие вместе весьма небольшое пространство, едва ли заслуживают того, чтобы их принимать в расчёт, как места, годные для поселения»⁷⁰.

Лишённому всех своих кошей и пастбищ вне территории Эльбрусского округа, карачаевскому народу предлагался, по сути, единственный выход: отобрать земли у богатых...

Один из первых карачаевских историков *Ислам Тамбиев*, прекрасно знавший условия жизни и быта своего народа, показывая спасительную роль Советской власти в Карачае, так описал дореволюционное состояние аграрного вопроса: «В прошлом здесь преобладало частновладельческое землепользование. Вся земля была захвачена помещиками, князьями и мелкими собственниками, последние составляли основную массу владельцев «тау-кышлыков», которые (30 709,6 дес.) принадлежали в 126 местах 53 фамилиям почти исключительно из княжеского и узденского сословия»⁷¹.

Стремясь простым перераспределением убогого земельного фонда Карачая обеспечить жизненные потребности в пастби-36 шах горцев-скотоводов, чиновники вольно или невольно второй раз за полвека подвели народ к эмиграции. И это при том, что российское правительство не было

заинтересовано в переселении карачаевцев и балкарцев и всячески пыталось удержать горцев на их территориях.

Например, начальник Кубанской области писал, что «занимаемая ими (карачаевцами) ныне горная местность может сделаться безлюдной ввиду того, что русское население едва ли будет в состоянии водвориться там по невозможности, вследствие неблагоприятных условий местности, обеспечивать себя материальными средствами существования»⁷².

Об этом свидетельствуют и воспоминания наших информаторов в Турции, которые помнят из рассказов старших, что власти настойчиво пытались пресечь агитацию за переселение. В 1989 году 98-летняя Аминат Салпагарова рассказывала, как за подводами тебердинских мухаджиров до самого Армавира ехали казаки, уговаривая их вернуться назад⁷³. Другие информаторы, со слов своих отцов и дедов, говорили, что даже после посадки на корабли в Новороссийске к ним обращались присланные от начальника Кубанской области чиновники с предложением ещё раз всё обдумать и остаться⁷⁴.

Но объективная картина складывалась таким образом, что карачаевское общество было разделено на два лагеря. Обострилась классовая борьба между общинниками и землевладельцами. Комиссия отмечает, что «споры возникли за право владения пастбищными и другими угодьями между сельскими обществами, отдельными лицами или фамилиями и, наконец, с казной»⁷⁵.

Комиссия предъявила представителям народа все выработанные ею проекты после исследования землепользования и землевладения в Карачае. В поступивших письменных заявлениях от доверенных лиц карачаевцев Комиссии прямо было заявлено по поводу грядущего перераспределения земель, что «меры эти не устраняют земельного бедствия карачаевцев, а, наоборот, ещё больше ухудшат и посеют раздоры между жителями»⁷⁶.

Что касается балкарцев, то в «Деле по разбору трудов и проектов Комиссии Абрамова по земельному устройству жителей Нагорной полосы» в архиве городского головы Баева Г. В. также констатируется, что «такое категорическое отрицание давностного владения за частными владельцами Нагорной полосы положительно противоречит действительному положению вещей»⁷⁷.

Забегая вперёд, скажем, что проекты Комиссии под председательством Абрамова не были одобрены правительством. В 1910 году было принято «Положение о поземельном устройстве горского населения Нагорной полосы Терской области и Карачая Кубанской области»⁷⁸, закрепившее право частной собственности на землю. Но это произошло уже после переселения части карачаевцев и балкарцев в Турцию.

В конце же XIX века чиновники усиленно добивались отчуждения княжеских земель в казну. Об этом свидетельствует и многолетнее судебное разбирательство по поводу жалобы балкарского князя Исмаила Урусбиева на захват его частных земель, отразившееся в прессе тех лет. В 1893 году в газете «Новое обозрение» появляется первое упоминание о «тягбе Урусбиевых с казной относительно строевого соснового леса в Баксанском ущелье»⁷⁹. В 1898 году там же освещается «судебный процесс за лесную дачу в верховьях Баксана между Урусбиевыми и казной, бедствия простых балкарцев из-за этого процесса»⁸⁰. Как видно из статьи в газете «Казбек», «спор между правительством и селением Урусбиева за баксанский лес»⁸¹ продолжался и в 1900 году.

В условиях феодального строя отчуждение земель у княжеской верхушки вело к обнищанию простых людей, которые были прикреплены к этим землям. Обогащались же средние слои общества, которые могли купить землю, скот и эксплуатировать безземельных крестьян. Но уверенности в своих правах на частную собственность у них не было, так как аграрный вопрос не был решён. В связи с этим один из первых карачаевских историков Ислам Тамбиев писал: «Засилье помещичьей верхушки (высокие цены на землю), чрезмерное безземелье ещё в 1905г., в первую русскую революцию, вызвали сильное движение против земельных собственников, но окончательно земельный вопрос разрешён только с установлением Советской власти в Карачае»⁸². В 1904-1906 годах в Карачае обстановка была столь накалена, что землевладельцы не верили в благополучное для себя решение аграрного вопроса. Беднейшие слои населения, не дожидаясь справедливого раздела земель, встали на путь захватов чужих или общинных участков.

Об этом свидетельствуют архивные материалы о многочисленных судебных разбирательствах по земельным тяжбам. Показательно ходатайство Начальнику Кубанской области от Дахира

Боташева из с. Мара о передаче в его пользование участка в 400 десятин, арендованного им у князей Крымшамхаловых.

Свои притязания он объясняет следующим образом: «Тот участок есть не его (Крымшамхалова), а как высочайше дарованный принадлежит всему Карачаю. Ввиду самого критического положения в потере части скота за неимением корма, покорнейше прошу распоряжения вашего превосходительства об отобрании того участка, находящегося у Крымшамхаловых в местности «Индыш-Башы» в пользу общества, как законного его владельца. Не лишним считаю присовокупить, что карачаевцы хотя и сильно нуждаются в землях, но в среде его жителей мало найдётся лиц, могущих открыто просить на пользу отобрания с незаконных владельцев подобных участков, хотя все неимеющие отнеслись бы весьма сочувственно и вечно были бы обязанными и благодарны вашему превосходительству за столь великие помощи в этой важной задаче бедных безземельных карачаевцев. У общества хотя имеются общекарачаевские доверенные, но и они, имея такие же участки, не могут касаться этого вопроса»⁸³.

Интересно, что уже в 1902 году бедняк из горного карачаевского селения оперирует тезисами проекта Абрамовской Комиссии, который был опубликован только в 1910 году. Очевидно, что народ подталкивали к противозаконным действиям, пытаясь убедить его, что прав частной собственности на землю ни у кого нет. Но даже из приведённого заявления видно, что мало было людей в Карачае, готовых оспаривать права землевладельцев.

В Карачае и Балкарии право на частную собственность высшего сословия - биев признавалось бесспорным всеми слоями населения. Отмечали это и дореволюционные исследователи хозяйствования в Карачае. Например, С. В. Ваганов писал: «Вся карачаевская земля была собственностью нескольких княжеских и дворянских семейств, а крестьяне - кулы обрабатывали её и пасли на ней скот своих господ. Право собственности на землю ещё и до наших дней продолжает оставаться за некоторыми дворянскими фамилиями»⁸⁴. М. В. Орлов, защищавший общинное право на земли в Карачае, всё же признавал, что «часть членов карачаевского общества имеет частную земельную собственность»⁸⁵.

В результате вмешательства правительства в традиции землевладения и землепользования во второй половине XIX века появился новый класс землевладельцев из среднего сословия - узденей. В отличие от биев, они не несли никакой ответственности за народные массы, а были заинтересованы только в личном обогащении. Обострившаяся классовая борьба и безосновательные надежды бедняков на справедливый раздел частных, общинных и казённых земель дестабилизировали обстановку в обществе.

Отношение властей к нуждам местного населения иллюстрирует и рапорт начальника 1-го участка Баталпашинского отдела корнета Абаева о волнениях в с. Марухском. Здесь крестьяне, составив общественный приговор, самовольно захватили казённую поляну и участки земель частных лиц, пытаясь таким образом «обратить внимание начальства на их положение, так как неоднократные их жалобы и просьбы до сего времени остаются неудовлетворёнными»⁸⁶.

Признавая, что поземельное положение крестьян с. Марухского незавидное, «вся местность гористая, почва бесплодная, годных под посев мест почти нет, трава плохого качества, ...на двор приходится несколько сажень земли под картофель»⁸⁷, начальник участка находит справедливым передать крестьянам хотя бы часть поляны, отобранной у них в пользу казны. Из документа видно, что общество посылало просьбы об отводе дополнительного надела Министру Земледелия, Начальнику Кубанской области, чиновнику особых поручений Медкову. Но вопрос не был решён. Единственное, чем озаботилось начальство: не было ли среди крестьян агитаторов-революционеров, призывающих к беспорядкам и неповиновению властям.

Известно, что с 1904 года на Северном Кавказе действовал Кубанский комитет РСДРП, который в годы первой революции имел разветвлённую сеть социал-демократических организаций почти во всех городах Кубанской области. «Большевистская организация Минеральных Вод также посылала своих агитаторов в горские аулы Карачая»⁸⁸. Под их влиянием в сёлах агитацию против земельного неравенства, за справедливый передел земли развернула группа карачаевской интеллигенции: Иммолат Хубиев, Курман-Али Курджиев, Сайд Халилов и др.

В связи с этим было проведено расследование аграрных беспорядков, в том числе и в с. Марухском. Начальник участка доложил Атаману Баталпашинского отдела И. Н. Браткову: «Данных предположить, чтобы среди крестьян с. Марух были агитаторы, возбуждающие их к совершению

аграрных беспорядков, не обнаружено. Но так как марушане возят древесный уголь в Пятигорск и как о революционном, так давно и об аграрных движениях в некоторых внутренних областях им было известно, надо полагать, под влиянием этого они решили составить приговор с угрозами, но привести в исполнение свою угрозу едва ли решатся, ввиду своей малочисленности среди чуждого им туземного и казачьего населения, тем более после данных им разъяснений и сделанных внушений»⁸⁹.

Классовые противоречия будоражили и балкарское население. «В 1905 году в Чегеме и Верхней Балкарии крестьяне отказались платить налог и взбунтовались против богачей»⁹⁰, - пишет со слов мухаджиров турецкий историк карачаевского происхождения У. Таукул.

Рост аграрных выступлений в Карачае и Балкарии, как и в других районах Северного Кавказа, на фоне сложившейся революционной ситуации в России, серьёзно беспокоил атаманское правление. Оно никак не могло пойти на уступки казённых и казачьих земель горцам, предпочитая принимать экстренные меры по устрашению народных масс.

Так, в декабре 1905 года Совет Министров издал постановление о порядке хранения и продаже огнестрельного оружия, по которому горцы были ограничены даже в ношении кинжалов, неотъемлемой части кавказского костюма. Так пытались предотвратить «возможность борьбы с вооружённым населением при возмущениях».

В Карачае раздорами воспользовались протурецки настроенные эфенди (мусульманские священнослужители), которые активизировали агитацию за переселение в Османскую Империю, где султан обещал через своих эмиссаров обеспечить горцев не только пастбищами, но плодородной землёй под «сабаны» (пашни). Эфенди в большинстве случаев получали теологическое образование в Стамбуле, совершали «хадж» (паломничество) в Мекку, входящую в состав Османской Империи. Они были своего рода эмиссарами турецкого султана Абдул-Хамида на Кавказе и неустанно призывали земляков переселиться на «мусульманские земли», умело спекулируя религиозными предрассудками и рисуя страшные картины нашествия иноверцев.

Во второй половине XIX века наблюдалась активизация христианских священников на Северном Кавказе, попытки склонить в свою веру кавказцев. Учреждённое в 1860 году «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» распространило своё влияние на осетин и кабардинцев. В 1898 году была основана противомусульманская миссия, которая «вела свою религиозно-просветительскую работу среди кочевников-туркмен и горцев-карачаевцев, черкесов, адыгейцев»⁹².

В эти годы начинается настоящее паломничество в горы Карачая, где сохранились с X века уникальные христианские храмы предков карачаевцев - алан. Исторические памятники чиновники и священники пытались реставрировать и использовать для возрождения христианской веры у горцев. Например, в конце XIX в. в Карачае у древнего Сентинского храма был открыт монастырь и по предложению владыки Агафодора «была в 1899 году открыта церковноприходская школа для обучения детей карачаевцев»⁹³.

В 1900 году в своих выступлениях перед паствой преосвященный Владимир говорил: «Вы хотите мира и любви, так знайте, что для этого прежде всего надо быть христианами»⁹⁴. Подобные неудачные инициативы только способствовали росту недоверия к российской власти.

Но, надо отметить, деятельность христианских миссионеров была скорее декларативной и ограничивалась небольшим влиянием на некоторую часть осетинского и кабардинского населения. Что касается горцев Карачая и Балкарии, то перед ними никто и не ставил вопроса о выборе религии. Более того, в русских школах, которые были открыты во многих аулах, для преподавания «закона божьего» (ислама) привлекались местные священнослужители - эфенди. Наши информаторы в Турции подчёркивали, что их предки не ощущали притеснений по религиозным мотивам.

Мы говорили об этом и с издателем журнала «Бирлешик Кавказья» в Турции Илмазом Неврузом, внуком одного из карачаевских эфенди, преподававшего ислам в русской школе с. Учкулан. Говоря о причинах переселения мухаджиров, он убежденно сказал, что Россия со времён Екатерины II не проявляла религиозной нетерпимости к мусульманам.

Разговоры о грядущих гонениях со стороны христиан были выгодны только тем, кто агитировал соотечественников переселиться в Турцию, в страну единоверцев.

Неслучайно, предводителями переселенческого движения в Карачае выступили эфенди, которые пользовались доверием и авторитетом в народе. Это были Кипкеев Рамазан-эфенди, Карабашев Туган-хаджи, Голаев Осман-хаджи, Салпагаров Герий-эфенди, Халкёчев Алиюк-хаджи, Турклиев Юсуп-хаджи и другие.

На страже интересов Российского правительства стояли выборные старшины, пытавшиеся пресекать агитацию за переселение и удерживать народ на своей земле. В первые годы XX столетия в Карачае старшинами были: в Карт-джюрте - Гаджаев Тенгиз, в Учкулане - Джанибеков Сосран, в Хурзуке - Тохчуков Зулкарнай, в Дуууте - Кочкаров Локман, в Джазлыке - Батчаев Локман, с 1903 года - Гаджаев Рамазан, в Теберде - Батчаев Юнус, в Сынты - Джаубаев Зекерья, в Каменномосте - Динаев Асий, в Маре - Блимготов Кючюк, в Джегуте - Крымшамхалов Туган⁹⁵.

Противостояние между сторонниками и противниками переселения нередко оборачивалось личными трагедиями в семьях. Участниками одной из них стали молодой эфенди Рамазан Кипкеев и тебердинский старшина Юнус Батчаев. Эта история хорошо сохранилась в народной памяти благодаря популярной исторической песне «Рамазан и Акбийче». Рамазан Кипкеев и Акбийче (Хапизат) Болурова, племянница старшины Юнуса Батчаева (Качхан), любили друг друга с ранней юности. Когда жених увёз свою невесту, Юнус поехал за ними и забрал племянницу силой. Затем спрятал Акбийче в своём доме, но, поняв, что не сможет удержать её, злодейски убил. На смерть девушки, по традиционному песенному жанру как бы от её имени, и была сложена эта песня. По известному ныне в Карачае варианту, конфликт возник из-за социального неравенства парня и девушки. Девушке из сословия узденей нельзя было выходить замуж за кула. Этот вариант песни оставляет много вопросов и неясностей. Во-первых, такая яростная ненависть Юнуса к Рамазану ничем не обусловлена, между фамилиями Кипкеевых, Болуровых и Батчаевых никогда не было сословного неравенства: «Кип-келары-ёзден, Болурлары-ёзден, Батчалары-ёзден»⁹⁶. Неслучайно родители девушки не противились браку дочери с Рамазаном. Во-вторых, в начале XX столетия подобное убийство не могло остаться безнаказанным. Но ...осталось. Почему?

В Турции известны несколько иные варианты данной песни, одна из них исполняется как бы от имени погибшей девушки, другая - от имени её жениха. Дело в том, что сочинила и исполнила эти песни - плачи младшая сестра погибшей Акбийче. Её звали Устаджан, после траура она вышла замуж за Рамазана по воле родителей, вместе с ним уехала в Турцию. Их потомки живут в Конийском вилайете. По словам наших информаторов⁹⁷, Устаджан часто пела свою песню и рассказывала трагическую историю сестры.

Акбийче ждала своего возлюбленного четыре года, пока он учился в Стамбуле. Перед отъездом на Кавказ он встречался с султаном Абдул-Хамидом. Приехал молодой эфенди на родину с твёрдым намерением призывать земляков переселиться на жительство в Османскую Империю. Агитацию он вёл очень активно, ссылаясь на личные обещания султана обеспечить карачаевцев землёй, построить дома и выделить средства на покупку скота. Тебердинцы поддались на его агитацию, стали продавать свои скудные наделы, скот, имущество. Составляли списки, писали прошения на выезд в Турцию, собирали деньги.

Взбудораженное село было на грани массового переселения, ответственность перед властями за это нёс старшина Батчаев Юнус. Очевидно, что он видел в Рамазане своего идейного врага и воспротивился его браку со своей племянницей. Пользуясь доверием и покровительством властей, Юнус Батчаев избежал наказания за своё преступление. Но тебердинцы, возмущённые убийством невинной девушки и безнаказанностью старшины, получили ещё один повод к недоверию российской власти.

О том, что тебердинский старшина урядник Юнус Батчаев пользовался покровительством начальства, свидетельствует и архивный материал. История с убийством девушки описана в отчёте за 1902 год Начальника Баталпашинского отдела, в котором даны характеристики всем сельским старшинам Карачая, в том числе и Батчаеву.

Вот этот документ: «Тебердинский старшина урядник Юнус Батчаев, житель того же селения, был раньше до поступления три трёхлетия общекарачаевским казначеем и вёл своё дело прекрасно. Поступив на место старшины, собрал с жителей все недоимки и штрафы, запущенные его предшественниками. Привёл в порядок правление, настоял на открытии ремесленного отделения при училище. Строго руководствуясь изданными распоряжениями, неослабно следит за

праздношатательством и сворами молодёжи. Одним словом, Батчаев старшина на месте и такие старшины желательны.

За бывший беспорядок (драку) на сходе подвергнут его превосходительством начальником Кубанской области административному взысканию. А так как беспорядок этот произошёл из-за увоза родной племянницы старшины, отобранной им, в настоящее время, благодаря смерти этой девушки, недовольный её жених Рамазан Кипкеев, подстрекаемый и руководимый лишённым по решению Тифлисской судебной палаты, прав состояния Наны Токовым, старается ложными жалобами загрязнить доброе имя старшины Батчаева. Они заставили сомневаться начальство в личности старшины, о котором производится дознание, возбудили в тёмной среде нелепые слухи и довольны; им больше ничего и не нужно.

А между тем эти лжедоносы подрывают авторитет старшины, надламывают его веру в свои справедливые требования к подчинённым, в своё отношение к делу. Могут ли быть терпимы подобные лица в среде, которая гибка, как стебель молодой травы»⁹⁸.

Очевидно, что убийство возмутило тебердинцев, был по этому поводу большой сход, на котором Батчаев был заклеимён как убийца. Вряд ли бы дошли вести о простой «драке» до Начальника Кубанской области. Но секретный рапорт атамана Баталпашинского отдела сыграл свою роль, убийца был лишь подвергнут административному взысканию.

О Кипкееве же в рапорте было доложено, что он занимается агитацией за переселение в Турцию, нанимает адвокатов по переселенческому делу, собирает деньги с населения на выезд, «завербовав таким образом в свои руки около 340 дворов»⁹⁹. Таким образом, эта трагическая история в Теберде явно свидетельствует о преследовании властями организаторов переселения карачаевцев.

Об этом свидетельствуют архивные документы из ГАККа. В Фонде 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска» сохранились рапорты атамана Баталпашинского отдела Кубанской области под грифом «секретно» о надзоре и попытках пресечения деятельности агитаторов за переселение в Турцию Рамазана Кипкеева, Тугана Карабашева, Османа Голаева. Так, в рапорте от 24 июля 1902 г. о положении в с. Тебердинском и с. Сентинском докладывается, что вызванные в ст. Баталпашинскую к атаману отдела агитаторы не стали ничего опровергать и представили «расписку адвоката В.В. Канатова в получении от них денег в счёт вознаграждения на ходатайство по переселению 355 семейств».

Донося о действиях Кипкеева, Карабашева, Голаева, Атаман Баталпашинского отдела просит Начальника Кубанской области привлечь этих лиц к ответственности за возмущение жителей Карачая к переселению за границу и незаконные сборы денег с жителей.

Но в том же году Кипкеев, Карабашев и Голаев сами обратились к начальнику области с прошением, в котором жаловались на воспреещение им отлучек из своих селений, так как «они взяли на себя труд ходатайствовать перед начальством о разрешении некоторым из их односельцев переселиться в Турцию»¹⁰⁰.

В связи с этим атаман Баталпашинского отдела получил приказ от Начальника Кубанской области «провести тщательное дознание о том, во-первых, действительно ли просители Т. Карабашев, Р. Кипкеев, О. Голаев являются доверенными от некоторых из своих односельчан, добровольно пожелавших предпринять переселение в пределы Турецкой Империи, и не вербуют ли они желающих переселиться среди жителей Карачая, соблазняя их разными несбыточными обещаниями, и, во-вторых, не прибегают ли они, собирая деньги на вознаграждение поверенного, к каким-либо обманам»¹⁰².

Это дознание среди жителей карачаевских селений проводили начальники участков Баталпашинского отдела. Карачаевцы, желающие переселиться в Турцию, подтвердили полномочия своих доверенных лиц и просили не препятствовать их переселению. Главными причинами, побудившими их к этому шагу, они называли: «неопределённое и стеснённое пользование землёй и лесом, фанатизм и боязнь воинской повинности («солдатчины»)»¹⁰³.

Как видим, простые карачаевцы в своих объяснениях однозначно называют главной причиной своего решения переселиться в Турцию, в первую очередь, неопределённость прав в землепользовании. Разрушение поземельного устройства в Карачае и в Балкарии без позитивной альтернативы ломало судьбы и лишало перспективы на родине большей части народа. Власти же упорно видели проблемы горцев только в малоземелье.

Временно исполняющий дела атамана Баталпашинского отдела, войсковой старшина Пивень, описывая в рапорте Начальнику Кубанской области тяжёлые хозяйственные условия в Карачае, отмечал, что «земля их пригодна исключительно для скотоводства и что главная отрасль их хозяйства в этом и заключается, между тем, земли для означенной отрасли хозяйства в Карачае мало, сена накопить негде, соседние земли: частновладельческие, казённые, войсковые и станичные страшно в арендном отношении вздорожали. Таким образом, не находя вблизи себя достаточного количества земли, им приходится и лето, и зиму вести кочевую жизнь..., находиться на кошах на чужих землях Баталпашинского, Майкопского и отчасти Лабинского отделов, а некоторые даже имеют наёмные земли и в Терской области. Кроме того, так как земли Карачая находятся в общем пользовании, то здесь сплошь и рядом является право сильного. Земельный налог находят очень высоким, так как земля пригодна только лишь для пастьбы. Лесопользование, в общем, ограниченное и стеснённое»¹⁰⁴.

Затем, исполняющий дела атамана отдела Пивень высказывает предположение, что, удовлетворив земельные нужды карачаевцев, «можно будет приостановить начавшееся переселение в Турцию»¹⁰⁵.

Разрешить земельный голод в Карачае без серьёзных уступок со стороны российского правительства было невозможно. Поэтому переселенческие настроения охватывали всё большее количество горцев, многие из которых были вынуждены соглашаться в силу родственных уз или неизжитой сословной зависимости от тех, кто твёрдо решил переселиться в Турцию.

Начальник Кубанской области генерал-лейтенант Я. Д. Малама приказал «предоставить Карабашеву, Кипкееву и Голаеву право беспрепятственного получения видов на отлучки»¹⁰⁶. Агитация за переселение широко развернулась во всех селениях Карачая и в соседней Балкарии.

В рапорте Войсковому наказному атаману Кавказских казачьих войск от 27 октября 1903 года ген.-лейт. Малама докладывал, что получил разрешение Турецкого императорского консульства в Севастополе на переселение горцев Кубанской области в Сирию и «полагал бы возможным удовлетворить их ходатайство, тем более что на полную преданность горцев-мусульман Русскому правительству рассчитывать нельзя»¹⁰⁷.

В карачаевских и балкарских аулах под предводительством эфенди составлялись посемейные списки желающих переселиться, началась распродажа имущества.

Заметим, что в 1905-1906 годах из Теберды переселилась самая многочисленная группа мухаджиров, так как произвол чиновников здесь был самым вопиющим. Кроме того, исторически в Теберде, в основном, селились именно представители среднего класса (ёздени), которые и составили во второй половине XIX века ядро землевладельцев, вынужденных под угрозой экспроприации их земель переселиться в Турцию.

Переселенцы спешно продавали свои земли, а некоторые крупные землевладельцы закладывали их в банк. Об этом свидетельствует, например, объявление Харьковского земельного банка в газете «Кубанские областные ведомости» за 1906 год «о продаже с торгов заложенных земель жителей аула Учкулан Кара-башева Адамея (403 дес.), который задолжал банку 7 752 руб., и Байрамкулова Давлет-Гирея (2 554 дес.), задолжавшего 4 922 руб.»¹⁰⁸.

Только угроза лишения прав на частную земельную собственность могла толкнуть на переселение таких людей, как Карабашев Адамей - подпоручик, участник русско-турецкой войны, награждённый орденом св. Станислава¹⁰⁹.

Совершенно бесправными оказались к концу века князья (бии). Одновременно с комиссией по земельному устройству в Карачае и Балкарии работала правительственная комиссия по определению сословных прав коренного населения Кавказского края. Материалы по её работе обобщены в книге делопроизводителя канцелярии Наместника Императора на Кавказе В. Линдена.

Проект по определению сословных прав горцев готовил бывший Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант кн. Голицын. В 1901 году он сообщил Министру Юстиции, что, по его мнению, «...было бы справедливым предоставить права потомственного дворянства тем лицам (с их потомством), кои службою своею нашему правительству заслужили чины или ордена, ... а также имеющим соответственные чины, ордена и образовательный ценз, или принадлежащим к одной из тех профессий, которые по закону дают право на получение почётного гражданства»¹¹⁰.

В 1904 году кн. Голицын посылает свой окончательный отзыв по вопросу прав туземного (преимущественно мусульманского) населения Кавказа, в котором указывает, что «массовое представление дворянских прав туземцам несправедливо в отношении дворянства русского ...и по отношению к остальному русскому народу, вынесшему на своих плечах все тяготы государственных, способствовавшему своим потом и кровью образованию и устройению государства и в то же время не пользующемуся правом на дворянское состояние в той степени, как инородческое население»¹¹¹.

Предлагая отказать в предоставлении дворянского звания и прав высшим сословиям горского населения, Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе ген.-адъютант кн. Голицын ссылается на то, что якобы, по его утверждению, «на всём Северном Кавказе существовал общинный порядок владения землёй, частной же поземельной собственности, в строгом значении этого слова, не было. Поэтому владение землями также не может служить одним из признаков дворянского достоинства среди горцев Терской и Кубанской областей»¹¹².

Как видим, игнорирование прав землевладельцев имело ещё одну, вполне очевидную цель: уничтожить само понятие о высших сословиях горского населения. Никаких особенных привилегий к концу XIX века у биев и узденей уже не было. Но авторитет и влияние, которыми они по-прежнему пользовались в народе, серьёзно беспокоили российскую власть.

В ноябре 1904 года Комиссия по разбору сословных прав горцев представила в Государственный Совет свой проект, по которому высшему горскому сословию, в том числе карачаевским биям и балкарским таубиям, предлагалось предоставить «потомственное почётное гражданство, а остальным права состояния сельских обывателей»¹¹³.

Этот проект, как и проект по земельному устройству Абрамовской Комиссии, не был принят. В феврале 1908 года Высочайшего утверждения удостоилось предложение правительства подтвердить права высших сословий и «признания за ними прав частной поземельной собственности»¹¹⁴.

В период же 1905-1906 годов карачаевские и балкарские землевладельцы, в основном это были представители сословия узденей, а также основная часть оставшихся на родине после отмены крепостного права князей, спешно распродав свои фамильные и купленные земли, составили основной контингент мухаджиров второй волны.

Из княжеского сословия остались, в основном, только те, кто поступил на службу российскому престолу и искренне верил в прогресс и просвещение для своего народа в составе России. Многие из них, получив высшее образование в России, активно включались в общественную жизнь, выступали за справедливый раздел земли, участвовали в открытии школ и больниц, строительстве мостов и дорог. Среди них были Исмаил Урусбиев, Науруз Урусбиев, Александр Крымшамхалов, Иналук Крымшамхалов, Бекмырза Крымшамхалов, Ислам Крымшамхалов, Туган Крымшамхалов, Ислам Дудов, Султанбек и Мисост Абаевы, Ахмат и Ильяс Байрамуковы, Исмаил Акбаев, Солтан Байчоров и др.

Наследник правившей фамилии прапорщик Ислам Крымшамхалов вошёл в историю Карачая как первый профессиональный художник и просветитель. В Теберде он, как общекарачаевское доверенное лицо, кроме прочего, пытался создать молочную ферму, соответствующую последним достижениям науки. Но отказавшись от своих потомственных владений, не мог добиться поддержки в своих благих начинаниях от властей.

В объяснительной записке начальнику Хумаринского участка от 6 октября 1897 года он вынужден просить в долгосрочную аренду 20 десятин земли под ферму для разведения скота молочной породы, с тем, чтобы пропагандировать его среди карачаевцев. Князь указывает, что «прошедшее и будущее их благосостояние зависит исключительно от скотоводства и молочного хозяйства»¹¹⁵.

Инициативы Ислама Крымшамхалова по улучшению жизни и быта сельчан, по их просвещению встречали только преграды и отказы. Он безуспешно доказывал начальству необходимость и бескорыстность своих проектов: «Отношение ко всему, что я заявляю, слишком строгое и недоверчивое; жертва, которую я прошу со стороны управления государственных имуществ, настолько ничтожна, что едва ли мыслимо подозревать здесь какую-либо аферу с моей стороны в ущерб казне, это тем более неуместно, что не даром получу поляну, а за существующую цену (79руб. 50коп.), к тому же поляна отбирается, если я не выполню требуемых условий, кои будут поставлены со стороны казны и на какие я согласен заранее»¹¹⁶.

Тем не менее Крымшамхалов оставался верен своему выбору до конца жизни и связывал будущее своего народа с Россией, несмотря на потерю своих княжеских прав¹¹⁷.

Прогрессивные деятели Карачая: Ислам Крымшамхалов, братья Ахмат и Ильяс Байрамуковы и другие пророссийски настроенные представители высших сословий пытались предотвратить переселение своих земляков в Турцию, обещая скорую земельную реформу, которую правительство проведёт в интересах простого народа. Но действия царских чиновников только ухудшали обстановку в горах, нагнетая страх и неуверенность в будущем.

Семья Крымшамхаловых. Справа налево сидят: князь Ислам Крымшамхалов, его мачеха Гошаях Урусбиева и его жена Сафият Дулова. Курорт Теберда. Начало XX в.

Например, власти начали интенсивное освоение живописной Тебердинской долины. В планах превратить её в российский курорт игнорировались нужды местных жителей. Без всяких объяснений для «надобностей государства» был отобран левый берег р.Теберды. Постоянно ущемляемый в своих правах народ тяжело переживал и разного рода идеологические провокации. Одну из них описал позже известный публицист Ислам Хубиев (Карачайлы): «До войны и революции в Теберде сосредоточилась группа капиталистов во главе с неким инженером Смирновым (один из вождей монархистов-черносотенцев на юге). Эта группа задалась целью во что бы то ни стало добиться изъятия всей Теберды из рук карачаевцев... Смирнов проектировал полное выселение карачаевцев из Карачая, с тем, чтобы всю местность обратить в один сплошной курорт... Карачаевцы узнали о планах Смирнова и его друзей и сильно встревожились»¹¹⁸.

Наши информаторы в Турции в один голос указывают одной из главных причин недовольства карачаевцев и балкарцев нарушение властями договорённости о не привлечении их на военную службу¹¹⁹. Известно, что в «добровольно-принудительном» порядке горцы были призваны на русско-японскую войну. «Из горцев Кубани должно было быть сформировано две сотни: одна из горцев Карачая и Черкесии, другая - из горцев Адыгеи. Однако при наборе добровольцев в полк царские власти встретились с большими затруднениями. Целый ряд горских обществ, несмотря на строгие предписания властей, наотрез отказался дать добровольцев на фронт»¹²⁰.

Тем не менее сотни мужчин, в основном из беднейших семей, были отправлены на Дальний Восток. Это дало ещё один повод агитаторам за переселение в Турцию запугивать народ насильственной русификацией и уничтожением ислама. Состоятельные семьи, спасая от призыва в армию своих сыновей, подавали прошение на выезд в Турцию.

Но основной причиной переселения была неопределённость в землеустройстве в условиях катастрофического малоземелья. Исследователи аграрного вопроса в Карачаево-Черкесии В.П. Невская и Ф.П.Тройно дают следующие данные по дореволюционному периоду: «Из 1 549 700 десятин земли Баталпашинского отдела (в него входили Карачай и Черкесия) 560 тыс. десятин, или 36,1 % всей территории находилось во владении казачьих станиц, почти столько же - 538 тыс. десятин было отобрано в казну... В особенно тяжёлом положении находились карачаевцы. На душу населения приходилось менее 0,1 десятины (пашни - 3. К.)»¹²¹.

Серьёзной причиной, удержавшей карачаевцев от массового переселения, было то обстоятельство, что многие из них имели очень крупные поголовья скота, продать которые в короткий 50 промежуток времени было невозможно. Переселяющиеся горцы отдавали скот за бесценно. А вот имеющие земельные наделы обогащались за счёт продажи земли. Информаторы в Турции уверенно говорили, что их деды приехали с Кавказа «очень богатыми», «в золоте и серебре», что «бедными были переселенцы 80-х годов, а вторые стамбульцы были богатыми»¹²².

Переселение из Карачая и Балкарии прошло в два этапа: в 1905 и 1906 годах. Это было связано с тем, что горцам тяжело было в короткие сроки продать весь свой скот, который резко упал в цене. Начальник 1-го участка Баталпашинского отдела докладывал в рапорте Атаману Баталпашинского отдела от 25 сентября 1905 года о невозможности собрать всех желающих переселиться в ноябре, так как «жители Карачая, которые изъявили желание на переселение в Турцию, в настоящее время находятся в отсутствии, многие из них ввиду короткого срока к выходу в путь угнали свой домашний скот для продажи на рынки в города Майкоп и Пятигорск и на ярмарки»¹²³.

В рапорте Начальнику Кубанской области Атаман Баталпашинского отдела, представляя списки переселяющихся в 1905 году, пишет, что «сведения относительно отсрочки переселения до весны и о распределении переселенцев на две группы будут доставлены дополнительно»¹²⁴.

Осенью 1905 года первая группа отправилась в путь по маршруту: укрепление Хумаринское - ст. Баталпашинская - станция Невинномысская - станция Кавказская - г. Екатеринодар -г. Новороссийск - г. Стамбул (Турция).

Начальник Кубанской области лично контролировал ход переселения, обязав станичных атаманов и сельских (аульских) старшин оказывать законную помощь переселенцам, которые будут проходить через их поселения, а одному из участковых начальников приказал сопровождать переселяющихся с места их жительства до г. Новороссийска. Кроме того, он командировал ко времени прибытия мухаджиров в Новороссийск старшего помощника правителя своей канцелярии надворного советника Цыбульского для «сдачи их Турецкому консулу»¹²⁵.

26 ноября 1905 в рапорте Начальнику Кубанской области и наказному атаману Кубанского казачьего войска Цыбульский доложил об отправке в Турцию карачаевцев «в количестве 3 497 душ обоего пола, сданных 24 ноября Турецкому консулу в г. Новороссийске»¹²⁶. Эти мухаджиры были посажены 23 и 24 ноября на пароходы Русского общества «Одесса» и «Царь», а 25 ноября отправлены в Турцию.

Весной 1906 года выехала вторая группа, в основном из Тебердинского ущелья. На подводах они доехали до г. Армавира, затем по железной дороге в г. Новороссийск, где сели на пароходы до Стамбула.

Теперь обратимся к вопросу об общей численности мухаджиров 1905-1906 гг. из Карачая и Балкарии. Осенью 1903 года ходатайство о разрешении переселиться в Турцию подали 372 семейства карачаевцев¹²⁷. В июле 1904 года Начальнику Кубанской области была представлена справка с именованным списком желающих уехать по каждому селению Карачая. Количество семей распределялось следующим образом:

1. Теберда - 130	6. Карт-джурт - 29
2. Джазлык - 52	7. Учкулан - 29
3. Джегута - 38	8. Хурзук - 16
4. Дуут - 32	9. Ташкёпюр - 10
5. Сынты - 32	10. Мара - 4

Группа мухаджиров 1905 года из Карачая состояла из 368 семей. Учитывая, что семьи карачаевцев состояли в среднем из 10 человек, это не менее 3 500 человек. Вслед за ними переселилась большая группа и в 1906 году. Известно, что из новых селений Тебердинского ущелья под предводительством Рамазана-эфенди Кипкеева (Къургакланы) выехало более 300 семей¹²⁸. Здесь уже не было больших патриархальных семей, поэтому численность тебердинских переселенцев, вероятно, была около 1 500 человек.

Кроме того, несколько сот балкарцев переселились совместно с кабардинцами и дигорцами из Терской области. По подсчётам Т.Х. Кумукова за период с 1900 по 1906 год население Балкарии сократилось с 25 930 до 23 358 человек¹²⁹. Очевидно, число балкарских мухаджиров второй волны - это более 2 000 человек. Численность карачаевских и балкарских мухаджиров 1905-1906 годов составила примерно 7 000 человек. Итак, переселения карачаевцев и балкарцев в 1884-1887 годов и 1905-1906 годов охватили не менее 12 000 человек.

Общее количество эмигрантов из Карачая и Балкарии за последние два века было, очевидно, намного больше, но в данной работе исследованы только два массовых переселения. Именно эти мухаджиры основали мононациональные селения в Турции и сохранили свою этничность.

Таким образом, переселение карачаевцев и балкарцев было добровольным, проходило в мирных условиях. Основными причинами, вынудившими горцев Карачая и Балкарии покинуть родину, были кардинальные изменения в землеустройстве и внутренней структуре обществ после проведения российским правительством крестьянской и земельной реформ. Непоследовательность и нерешительность властей привели к обезземеливанию широких слоев населения и неопределённости прав землевладельцев.

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ.

§ 1. Формирование карачаево-балкарской диаспоры (конец XIX - начало XX века)

Массовое переселение части карачаевцев и балкарцев в Османскую империю в 1884 - 1887 гг. и в 1905 - 1906 гг. было последним в ряду массовых переселений северокавказских народов на протяжении всего XIX столетия. Всех мухаджиров с Северного Кавказа в Турции называли «черкесами», независимо от национальности. Инициаторы и предводители переселения вливались в армию султана в звании «паша» (генерал) и являлись его преданными сторонниками в борьбе с внешними и внутренними врагами.

Переселение части адыгов, осетин, чеченцев происходило в годы «Танзимата» (араб, преобразования)¹. С конца 30-х и до начала 70-х годов XIX века в Турции пытались проводить реформы, вызванные углублением кризиса Османской Империи, возникшего вследствие роста внутренних противоречий и обострения борьбы европейских держав за господство на Балканах и Ближнем Востоке. Прогрессивные круги Турции пытались спасти империю от распада и гибели.

Но «Танзимат» практически прекратил своё существование при султанах Абдул-Хамиде II (1876 - 1909), когда в стране воцарился самодержавный режим феодальной реакции - «Зюлюм» (араб, насилие). Предоставив привилегии иностранному капиталу, султан Абдул-Хамид всю систему «зюлюма» направил на подавление роста прогрессивных и национальных движений в империи. В основу своей внешней политики Абдул-Хамид положил идеи «панисламизма», толкуя его как единство интересов и прав всех подданных империи независимо от национальности². На самом деле это была попытка подчинить своему влиянию все мусульманские народы. «Внутренней опорой деспотического режима Абдул-Хамида были крупные феодалы турецкого и нетурецкого (черкесы, албанцы) происхождения»³.

Османскую империю сотрясали антитурецкие выступления греков, турков, армян. В 1880-1882 гг. произошло восстание курдов под руководством шейха Обейдулы. В 1904 г. началось восстание в Йемене. В такой общественно-политической ситуации состоялись переселения части карачаевцев и балкарцев, инспирированные эмиссарами султана. Очевидно, Абдул-Хамид надеялся преумножить число своих преданных сторонников, которых имел в лице переселившихся в первой половине XIX века адыгских и других народов Северного Кавказа. Но судьба карачаевцев и балкарцев сложилась иначе.

В Стамбуле в конце XIX в. получали религиозное образование десятки карачаевцев и балкарцев, в основном из среднего сословия. Тяга к образованию в Карачае была столь велика, что вакансий в русских учебных заведениях для карачаевцев и балкарцев не хватало, их заполняли дети князей. Поэтому попасть на учёбу в Стамбул было проще и доступнее, так как сословных различий шариат (мусульманское право) не признавал. Возвращаясь на родину, молодые эфенди получали наставления от самого султана.

Об этом свидетельствует история Кипкеланы Рамазана-эфенди из рода (атаула) Кургакланы. Сирота из сословия узденей (род. в 1875 г.), он учился в Стамбуле четыре года. Его потомки в с. Башхьюнок (Турция) рассказывают, что перед отъездом на родину Рамазана-эфенди пригласил во дворец султан Абдул-Хамид и спросил: «Мухаджирлени къандырылымыса?» (Мухаджиров сможешь уговорить?)⁴. Получив утвердительный ответ, султан отправил его на Кавказ, как и некоторых других, в качестве своего эмиссара.

Рамазан-эфенди вернулся в Теберду с твёрдым намерением агитировать народ за переселение в Турцию, обещая от имени султана каждой семье землю в частную собственность, дом, деньги на обзаведение скотом и имуществом. Миссия эфенди удалась: через два года султан лично встречал два корабля с переселенцами из Теберды.

Предводители мухаджиров из других селений также были религиозными людьми, бывавшими в Османской империи на паломничестве или на учёбе. Переселенцев из селений Большого Карачая возглавил Сылпагарланы Герий-эфенди (род. в 1850 г.)⁵. Он имел высшее теологическое образование, знал арабский, персидский, кабардинский, аварский и русский языки. Вместе с известным учёным-теологом кадием Хачирланы Джагафаром преподавал «Закон Божий» (ислам) в первой русской школе в Учкулане, что способствовало привлечению сюда детей карачаевцев.

Герий-эфенди написал в эти годы первые книги на арабском языке по истории религии. Но возможности опубликовать результат двадцатилетнего труда, 10 томов по истории и философии ислама, в России не было. Это явилось главной причиной, побудившей его переселиться в Турцию. Так как Герий-эфенди пользовался огромным авторитетом, то вместе с ним отправилось 70 семейств. В 1905 году они отплыли на корабле из Новороссийска в Стамбул. Поселив своих земляков и семью в с. Сулеймание, в 80 км от г. Эскишехира, Герий-эфенди поехал по приглашению своего друга, дагестанского учителя, в с. Гюней-кёу, ближе к Стамбулу, где он мечтал опубликовать свои книги. Обосновавшись, Герий-эфенди вернулся за своей семьёй, но, заразившись тифом, умер. Судьба его рукописей не известна⁶.

Не только религиозные деятели были предводителями му-54 хаджиров. Среди них были даже некоторые старшины, пользовавшиеся известными привилегиями российского правительства, например: старшина с. Джегутинского Крымшамхалланы Тууган, старшина с. Сынты Джаубаланы Зекерья, старшина с. Теберда Батчаланы Юнус. Все они были землевладельцами, и их отъезд свидетельствует о том, что главной причиной переселения были не религиозные мотивы, а мероприятия правительства, подрывающие основы внутреннего устройства общественно-экономической жизни горцев, главным образом экспроприация частных владений и отрицание в этот период существования¹ в Карачае и Балкарии прав на частную земельную собственность. Так как острая нехватка земли в Карачае и Балкарии делала практически неразрешимыми аграрные реформы российского правительства, горцы надеялись решить свою извечную проблему малоземелья в Османской империи.

Основная часть мухаджиров 1884-1887 годов прибыла в Турцию сухопутным путём через Закавказье. Некоторые - на пароходах в порт Самсун в центральной части Черноморского побережья. Они расселились в вилайетах Сивас, Токат и Кайсери.

Небольшая часть первых переселенцев была доставлена на одном пароходе в Стамбул. По их просьбе им выделили земли на южном берегу Мраморного моря в районе г. Ялова. Но впервые же годы поселенцы пострадали от эпидемии малярии, которая унесла жизни половины мухаджиров. Остальные основали здесь с. Чифтлик.

Кроме того, около двух тысяч карачаевцев и балкарцев настояли на переселении в Сирию, входившую тогда в состав Османской империи. Известно, что там они основали недалеко от Дамаска два селения: Блей и Бойдан⁷.

Мухаджиры 1905-1906 годов прибыли из Новороссийска в Стамбул, затем на поездах отправились в Сирию, но, в конце концов, остановились в центральной части Анатолийского плато и расселились в вилайетах Анкара, Эскишехир, Афьон, Конья.

В конце XIX - начале XX века в Турции сельское хозяйство находилось в упадке, засеивалась лишь небольшая часть пригодной для обработки земли. Карачаево-балкарским переселенцам предоставили возможность самим выбрать во внутренних районах Анатолии земли для поселений и обрабатывать столько земли, сколько освоят.

Первые годы для мухаджиров были самыми тяжёлыми. Непривычный климат, эпидемии, новые условия жизни привели к тому, что многие из них возвращались назад. Число умерших в первые годы превышало число родившихся. Наш информатор, издатель журнала «Бирлешик Кафказья» и публицист Илмаз Невруз, рассказывая об истории карачаево-балкарской диаспоры, сказал: «Наши отцы и деды, прибывшие с Кавказа, исчерпали всё своё терпение и надежду на возможность там жить. Но что они здесь нашли? Что увидели? Все горести переселения, различные инфекции, эпидемии, истреблявшие их. Половина переселенцев от них умерло. На наших кладбищах могил больше, чем живущих в селениях».

В 1905-1910 годах карачаевцы и балкарцы в Турции жили в 17 селениях: Чифтлик-кёу, Яллыпынар, Эртугрул, Сулеймание, Белпинар, Язылыкая, Килиса, Доглат, Гёкчайла, Чырдак, Яхилюрт, Башхюйюк, Эрейли, Эйрисоют, Эмирлер, Арпаджи, Чилехане.

Дома для них были специально построены по приказу Абдул-Хамида. Выделены в частную собственность земельные наделы не менее 10 десятин, безвозмездные ссуды для покупки скота.

В первое десятилетие XX века в окрестностях р. Порсук, где расселилась значительная часть карачаевцев и балкарцев, свирепствовала эпидемия малярии и тифа. Мухаджиры покинули эти места. Три села: Чырдак, Яхилюрт и Сулеймание - были полностью заброшены⁸.

Зарождение в конце XIX века буржуазно-революционного движения привело к Младотурецкой революции (1908) и крушению Османской империи. Носителями революционных идей выступили представители интеллигенции из среды офицерства и учащейся молодёжи. По национальности многие из них были не турками, а курдами, черкесами, албанцами и др. Они верили, что новое правительство решит их национальные проблемы, но младотурки понимали под панисламизмом не равноправие всех народов Турции, а насильственное отуречивание.

Отрицая наличие национального вопроса в Турции, младотурки хотели насильственно ассимилировать национальные меньшинства, разрешая «сохранить свою религию, но не свой язык и требуя сохранения единой и неделимой Османской империи»⁹.

Карачаевцы и балкарцы как мусульмане по вере и тюрки по языку, не подвергались жестким притеснениям, но всякие попытки развивать и использовать родной язык и культуру пресекались. Обучать детей, отправлять религиозные обряды и т.д. можно было только на турецком языке. В сельские мечети присылались священнослужители исключительно турецкой национальности.

Карачаево-балкарские мухаджиры, получив в собственность приличные земельные наделы, были заняты обустройством и мирным трудом в своих сёлах. Сбылась вековая мечта горцев иметь достаточно пространства для скотоводства и земледелия. Неслучайно, что у карачаевцев и балкарцев так много пословиц о земле. Например: «Джер - байлыкны анасы» (Земля - богатства мать); «Джер сюрмеген байинмаз» (Кто землю не пашет - тот не разбогатеет); «Джери байны - эли бай» (Кто (здесь: князь) землёй богат - у того село (здесь: народ) богато); «Джер ташсыз болмаз, эл бийсиз болмаз». (Земля без камней не бывает, селу (здесь: народу) без князя не бывать.

Равноправие в земельном вопросе, установление шариатского суда, не допускавшего судопроизводства по адатам (обычное право), смешанное расселение всех сословий и фамилий, окончательный распад больших патриархальных семей очень быстро лишило представителей высшего сословия карачаевцев и балкарцев - князей и дворян (сырма ёзденей) какого-либо преимущества и влияния на соотечественников.

Последним проявлением социальной нетерпимости можно считать то, что часть мухаджиров из высших сословий, отделившись от основной массы бывших крестьян, основали отдельные селения.

Так, в конце XIX века в Токатском вилайете князь Карамур-зин и представители некоторых высокородных фамилий ушли из с. Чилехане и основали село Арпаджи-карачай¹⁰.

В 1910 году князь Адамей Карабашев увёл большинство ёзденских фамилий из Коньи в Афьон. Они поселились в с. Якапынар".

В 1914 году Турция была вовлечена в мировую империалистическую войну на стороне Германии, у которой была в финансовой кабале. По плану германского командования Турция начала наступление на Кавказе. Однако русские войска разгромили турок в районе Сарыкамыша. Мухаджиров на кавказский фронт не призывали, но призрачная надежда увидеть родину увлекла, вероятно, немало добровольцев из числа горцев в военный поход на Кавказ.

Среди них был и один карачаевец из с. Башхюйюк Ахия Сабанчи (Теуналаны). О нём рассказала нам его жена, 80-летняя Зурият Сабанчи¹². Надо сказать, что отец Ахии Теунаев Зекерья был одним из немногих мухаджиров из горного аула Верхняя Мара, из которого не было такого массового переселения, как из других мест Карачая. Он отправился в Стамбул с женой и её родственниками из Теберды, надеясь выучиться на эфенди и вернуться назад. Но по приезде Зекерья с женой заразились холерой и умерли. Их маленький сын остался у родственников матери и вырос с мечтой уехать на родину отца в Мару.

Ахия получил религиозное образование, совершил хадж в Мекку, но упорно добивался разрешения покинуть Турцию. Легальной возможности эмигрировать у Ахии Сабанчи в этот период не было. Поэтому, вступив в турецкую армию, он отправился в Дагестан, или, как называют карачаевцы территорию лакцев, Кази-Кумух. Попав в Сарыкамыш, он сразу же сбежал в горы, зная, что его родина где-то в горных ущельях. Около сорока дней блуждал Ахия по Дагестану, то верхом, то пешком, тщетно пытаясь найти дорогу в Карачай. Ему это не удалось и он, присоединившись к отступавшим туркам, вернулся в Стамбул.

Письмо из Карачая, полученное Теуналаны (Сабанчи) Ахийей от двоюродного брата Чотчаланы Локмана в 1926 году. Турция, с. Башхюйюкж. (Передано автору Гюльсер Сабанчи в 1989 г.)

Председатель Карачаевского областного суда Чотчаев Локман с братом Хамзатом. Кисловодск. 1935 г.

Мухаджир Теуна-шны (Сабанчи) Ахия. г. Конья. 1930 г.

Потеряв надежду когда-нибудь уехать на родину, в сорок лет Ахия, наконец, женился. До конца жизни он тосковал и искал утешение в религии.

В 1915 году в состоялось сражение турков с греками на берегу Эгейского моря за г. Чанаккале, в котором участвовали отряды из горцев, среди которых были карачаевцы и балкарцы. Многие из них погибли или вернулись ранеными. Например, в карачаевском селении Якапынар на войну «ушло 80 человек, а вернулось всего 8»¹³. Младотурецкие лидеры довели страну до крайнего упадка. В 1915-1916 годах жестоким репрессиям подверглись угнетённые народы: арабы, армяне, айсоры и другие национальные меньшинства.

Война сделала неизбежным распад Османской империи, история которой продолжалась более 600 лет. На разделённых территориях империи началось национально-освободительное движение. В 1919 году из среды офицерства вышел руководитель турецких революционеров Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк), в его организацию вошли, наряду с представителями национальной буржуазии и прогрессивной интеллигенции, крупные помещики и религиозные деятели.

Один из соратников Ататюрка Бозкурт, выходец из Кавказа, возглавил движение мухаджиров из карачаево-балкарских сёл, которые встали на сторону революционных сил. Несмотря на то, что многие черкесские паши оставались верными старому режиму, который их облагодетельствовал, основная масса трудящихся-мухаджиров с оружием в руках боролись против самодержавного антинародного строя. «Сотни офицеров, жизнью своей пожертвовавшие за новую и светлую будущность государства, были исключительно горцы и черкесы»¹⁴. На стороне Ататюрка сражались многие генералы адыгского происхождения, мечтавшие склонить нового турецкого лидера к созданию на территории Турции Черкесской республики. В 1919 году их заговор был раскрыт, черкесские генералы во главе с Этем-пашой были высланы в Грецию. Стало ясно, что Ататюрк будет проводить жёсткую политику в отношении национальных меньшинств.

22 апреля 1920 года в Анкаре собрался новый парламент - Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). В 1924 году была принята Конституция, утвердившая республиканский строй в Турции. Первой внешнеполитической акцией ВНСТ было обращение Ататюрка к В.И. Ленину с предложением установить дипломатические отношения между Турцией и Россией¹⁵. Советское правительство дало положительный ответ и оказало серьёзную моральную и материальную поддержку молодой республике.

До середины 30-х годов сохранялась и укреплялась дружба между нашими странами. Потепление отношений России и Турции с энтузиазмом было встречено на Северном Кавказе. Множество семей получили весточки от своих соотечественников, переселившихся в Турцию. У мухаджиров впервые появилась возможность переписываться с родственниками на Кавказе.

Важнейшим результатом турецкой революции явилось не только избавление от господства иностранного капитала и самодержавия, но и завершение формирования турецкой нации. Одной из важнейших реформ Ататюрка явилось очищение турецкого языка от иноязычных, в первую очередь арабских и персидских, заимствований и создание новой тюркской лексики и терминологии. Деятельность реформаторов была направлена на «максимальное использование внутренних ресурсов турецкого языка и родственных тюркских языков»¹⁶. Карачаево-балкарский язык, сохранивший древние основы тюркской лексики, рассматривался как один из самых верных источников для обогащения современного турецкого языка.

Старшее поколение карачаевцев в Турции помнит небывалый наплыв в их сёла учёных и учителей, которые спрашивали различные термины и наименования. При этом, как рассказывают карачаевские старики в диаспоре, они ссылались на слова самого Ататюрка: «Найдите народ карачай, они говорят на самом древнем и чистом тюркском языке»¹⁷. Об этом говорили и потомки сирийских мухаджиров в интервью газете «Ленинни байрагы»: «Когда Кямал Ататюрк начал кампанию по очищению турецкого языка от заимствований, он пригласил к себе лингвистов и сказал, чтобы они пожили в карачаевских селениях и взяли от них самые красивые слова»¹⁸.

Формирование турецкой нации завершилось формально с признания всех граждан Турции турками и введением в 1934 году закона о фамилиях (сой ат). Коренное население Османской империи не имело фамилий, поэтому был даже предложен перечень турецких имён, имеющих сугубо тюркское озвучение и смысл. Мухаджире по новому закону стали брать в основном фамилии по имени отца или деда.

Для карачаевцев и балкарцев их древние фамилии имели особенное значение. В них были заключены происхождение, история и сословие рода. С потерей фамилии терялось единственное указание на национальность. В настоящее время в Турции только старшее поколение карачаевцев и балкарцев, особенно среди городского населения, помнят свои истинные фамилии и генеалогию. Показателен в этом отношении рассказ нашего информатора из г. Эскишехир Илмаза Невруза".

Его настоящая фамилия Сылпагарланы ведёт счёт с XV века. Праотца звали Науруз, это известная историческая личность в Карачае. В 1934 году вся семья Илмаза была записана на фамилию Алдырыр, по имени деда Элдауура. В 1950 году, по просьбе несовершеннолетнего Илмаза, семья поменяла фамилию через суд на «Невруз». По-турецки «Науруз» озвучивается как «Не уруз». Илмаз Невруз приводит свою генеалогию от легендарного предка: Науруз - Сылпагар - Темирджан - Кичи-Науруз - Добай - Дебош - Элдауур - Герий-эфенди - Азрет-Али - Илмаз.

Основная масса карачаевцев и балкарцев носит фамилии по именам или прозвищам прадедов-мухаджиров. Например: Кьо-банлары - Демирджан (имя прадеда Темирджан), Теуналары - Сабанчи (прозвище прадеда Джумарыка), Кьочхарлары - Дели-бай (прозвище прадеда), Баучулары - Кандауур (имя прадеда), Тохчуклары - Таукул (имя прадеда), Бытдалары - Табакчи (прозвище прадеда), Байкуллары - Таулан (имя прадеда) и т.д.

До 50-х годов карачаевцы и балкарцы в Турции занимались преимущественно традиционным скотоводством. Вместе с тем у них появилась возможность реализовать свою вековую мечту: обрабатывать землю, сеять хлеб. У каждого мужчины было в частной собственности не менее 10 десятин плодородных сабанов (пашен). «Кто имел быков и мог обработать больше земли, брали ещё больше», - говорили нам старики в с. Башхюйюк²⁰.

На протяжении XX века карачаевцы и балкарцы не раз меняли своё местожительство, некоторые основанные ими селения были заброшены в 1910 - 1912 годах после эпидемий холеры и малярии, это: Сулеймание, Чырдак, Яхилюрт. Но основная часть диаспоры продолжала жить и работать в своих мононациональных селениях вплоть до середины XX века.

Старшее поколение бережно сохраняло и старалось передать молодёжи народные традиции, обычаи и обряды. В семьях раго-варивали только на родном языке, готовили национальные блюда, соблюдали карачаево-балкарский этикет.

§ 2. География расселения карачаевцев и балкарцев в Турции. Современная ситуация

В 1950 году в Турции на выборах победила народно-демократическая партия «Адалет» («Справедливость»), которая и сформировала правительство. Первым его мероприятием стала земельная реформа, по которой земельные наделы крестьян были увеличены и выделены ссуды для покупки сельскохозяйственных машин.

В карачаево-балкарских селениях, расположенных на просторах внутренних районов, правительство выделило дополнительно по 20 га из прилегающих земель каждому юноше, достигшему 18 лет.

Занятие скотоводством отступило на второй план, оно оставалось в основном в горных местах: с. Язылыккая, с. Доглат, с. Килиса, с. Белпинар.

В карачаево-балкарских селениях земледельцы сразу же стали объединяться в «кош нёгерлик» (кошевые товарищества) или «ортак» (испольная аренда), для работы нанимали турков или курдов из соседних сёл. Сеяли пшеницу и ячмень, занимались огородничеством.

Обилие земли и наём рабочих со стороны привели к резкому повышению благосостояния, появилась возможность посылать детей в школы, в университеты. С этого периода начинается дифференциация в карачаево-балкарской диаспоре на сельское и городское население.

Во второй половине XX века в городах Стамбул, Анкара, Ес-кишехир, Конья, Афьон поселились сотни карачаевских и балкарских семей, сохраняющих тем не менее прочные родственные и хозяйственные связи со своими сёлами.

В 90-е годы стали выращивать сельскохозяйственные культуры по государственному заказу и сдавать урожай в заготовительные конторы в районных центрах. Земля в Турции очень дорогая, поэтому продают её редко. После смерти отца дети делят сабаны (пашни) поровну, включая и дочерей (хотя по карачаевскому адату (обычному праву) наследниками могли быть только сыновья).

Отдав землю в «ортак» или в исполную аренду, сами землевладельцы стали переезжать в города, чтобы дать образование детям. Сотни карачаевцев и балкарцев уехали работать за границу. Таким образом, в США, Германии, Голландии в настоящее время сформировались диаспоры горцев - выходцев из Турции,

В последние десятилетия мировой процесс урбанизации проявился и в Турции, особенно пагубно отражаясь на численности малочисленных народов. В настоящее время большая часть карачаевцев и балкарцев проживает в крупных городах, теряет связь со своей этнической общиной и быстро ассимилируется.

В целях сохранения своей самобытности, родного языка и обычаев в городах Стамбуле, Анкаре, Эскишихере и Измире созданы национально-культурные центры (дернеги), выпускаются общественно-литературные журналы, функционируют ансамбли кавказского танца, проводятся фестивали и праздники.

Таким образом, мы видим, что в Турции никогда не создавались условия для сохранения национальных меньшинств как этносов, более того, предпринимались меры по ускорению вхождения мухаджиров в единую турецкую нацию. Только благодаря стремлению карачаевцев и балкарцев жить компактно, в отдельных сёлах, и работать на земле, имея её в частной собственности, они сумели сохранить свою диаспору до XXI века.

Одна из проблем изучения карачаево-балкарской диаспоры, как и других северокавказских диаспор, состоит в том, что в Турецкой республике не учитывается национальность граждан. Поэтому невозможно найти точных данных о численности той или иной этнической группы в этой стране. Но благодаря тому, что переселение части населения с Кавказа в середине XIX - начале XX веков осуществлялось большими организованными группами, в Турецкой империи представители различных народов поселились по этническому признаку в отведенных для них местах. На протяжении XX века карачаевцы и балкарцы не раз меняли своё местожительство. Некоторые из основанных ими селений были заброшены в 1910- 1912 годах после эпидемий холеры и малярии, например, - Сулеймание, Чырдак, Яхилюрт.

Большинство из основанных ими селений сохранились до сих пор, а выехавшие на жительство в города сохраняют родственные связи со своей общиной. Это позволяет произвести приблизительный подсчет численности диаспоры.

Основой для приблизительного подсчёта численности карачаево-балкарской диаспоры в Турции послужили данные полевого материала, собранного нами с 1989 по 1998 годы в поездках по Турции, в места компактного поселения карачаевцев и балкарцев.

Потомки мухаджиров из Карачая и Балкарии живут в настоящее время в 14 карачаево-балкарских селениях. Но за последние десятилетия большая часть семей переселилась в крупные города: Стамбул, Анкару, Эскишехир, Афьон, Конью, Адану и Измир. В этих городах потомки кавказских мухаджиров (переселенцев) объединяются в культурно-национальные центры, способствующие сохранению языка, культуры и этнического самосознания в диаспорах.

Селения.

1. Чифтлик-кёу. В Турции часть сельских поселений была образована при помещичьих усадьбах-чифтликах, в которых занимались преимущественно земледелием. Это название сохранилось за селением, основанным северокавказскими мухаджирами. Чифтлик-кёу находится около г. Ялова, на азиатском побережье Мраморного моря. Карачаевцы поселились здесь совместно с большой группой северокавказских переселенцев 80-х годов XIX века. В настоящее время в этом селе действует дагестанский национально-культурный центр, который возглавляет известный журналист кумыкского происхождения Шахабеттин Ёзден. Численность карачаево-балкарского населения в Чифтлик-кёу не превышает 100 семей, так как большинство переселилось в Стамбул. Среди оставшихся в селе карачаевцев свою фамилию помнят:

Батчалары, Бокайлары, Биджилары, Хубийлары. Это селение серьёзно пострадало от землетрясения в августе 1999 года. Точных данных о количестве жертв пока нет.

2. Яглыпынар. Название села состоит из двух слов: масляный - яглы (тюрк.), родник - пынар (иран.). Здесь действительно есть источник, в котором вода имеет привкус масла. Яглыпынар находится в 17 км от Анкары, рядом с г. Гёлбашы. В этом селе совместно проживают представители нескольких северокавказских народов. Потомков карачаевских мухаджиров, переселившихся из Тебердинского ущелья в 1905 году, в настоящее время здесь около 100 семей. Молодежь в основном получает образование в Анкаре и остаётся там на жительство.

Карачаевские мухаджиры - ветераны освободительной войны
Ататюрка на параде в честь Дня Турецкой Республики.
Анкара. 1960 г.

Мухаджир Теке улу Юзеир) Хызыр в карачаевском национальном кос-гюме. Анкара. 1960 г.

3. Якапынар. Название села переводится как «берег родника». Яка (джагъа) - берег, пынар - родник. Так его называют местные жители. На картах же село обозначено как с.Эртугрул, это его официальное название.

В 100 км от г.Эскишехира в сторону Анкары находится небольшой городок Сиврихисар, если проехать от него 20 км южнее по проселочной дороге, можно попасть в Якапынар. Эта местность известна развалинами античных памятников.

Здесь осела часть карачаевских переселенцев 1905 года из аулов Карт-джурт, Дуут, Джазлык. По распоряжению султана Абдул-Хамида для них было построено 200 домов, выделена ссуда для закупки скота и передано в частную собственность по 10 десятин земли²¹. Основным занятием стало скотоводство и пчеловодство, для интенсивного земледелия не хватало водных ресурсов, тем не менее, поля тщательно обрабатывались. Сеяли пшеницу и ячмень-сельскохозяйственные культуры, известные ещё предкам карачаевцев и балкарцев - аланам.

Основатели этого села отделились от основной массы мухаджиров по сословному признаку. Здесь живут потомки довольно знатных фамилий, а именно: Карабашлары, Акбайлары, Борлаклары, Аджилары, Кочхарлары, Сылпагарлары, Лепшоклары, Текелары, Бостанлары, Джанкезлары, Батчалары, Кипкелары.

После засухи 1948 года большинство семей переселилось в г.Эскишехир, где они составили основу карачаево-балкарской общины. Но связи со своим селом не прерывают, тем более что там сохраняются их землевладения, обрабатываемые наёмными работниками или сданные в аренду. Например, семья жителя г.Эскишехир Абдуллаха Йелмазтюрка (Акбайланы) владеет в Якапынаре 25 га сабанов, т.е. пахотных земель; Алааттин Башчы (Батчаланы) - 100 га, Аднан Джангёз (Джанкёзланы) - 20 га²².

Земельные угодья распределяются на всех членов семьи, включая и дочерей. Для работы на полях нанимают сезонных работников из турецких сел. Сейчас в селе постоянно живет не более 200 семей.

4.Белпинар. Селение расположено в средней части небольшого горного массива, богатого родниками, об этом говорит и его название: Бел (тюрк.) - средняя часть, пояс, половина и пинар (иран.) - родник.

Белпинар находится в 10 км южнее от небольшого городка Чифтеллер, который расположен в 50 км в южно-восточном 66 направлении от г. Эскишехир. Его основали карачаевцы-переселенцы 1905 года в основном из Большого Карачая и Джегуты.

Прибывших на корабле из Новороссийска карачаевцев видел из окна своего дворца Долма-бахче султан Абдул-Хамид и, по воспоминаниям стариков²³, прислал к ним своего визиря с предложением поселиться в Стамбуле, а юношей и девушек прислать к нему во дворец. Но старейшины мухаджиров отказались от военной карьеры для своих сыновей и «гаремного» счастья для дочерей. Они просили для себя только земли, на которой могли бы жить и работать по своим обычаям.

Около года карачаевцы, по распоряжению султана Абдул-Хамида, жили в качестве почетных гостей в Анкаре. За это время для них был построен 101 дом в с. Сулеймание в 80 км восточнее г.

Эскишехир, куда они переехали по железной дороге в 1907 году. Здесь карачаевцы прожили до 1941 года, когда из-за эпидемии тифа, уносившей в день жизни 10 человек²⁴, село в полном составе перебралось на свое нынешнее место. Старейший житель села Сеит Коркмаз, рассказывая нам о тех годах, отметил, что местность эта была уже населена турками. Вся окрестность была ими распахана, но они безропотно уступили свои земли кавказцам, по его словам, «испугавшись их высокого роста и силы». Но, скорее всего, свою роль играло покровительство султана, которым пользовались переселенцы с Северного Кавказа.

Надо сказать, что, кроме традиционного скотоводства, в Белпинаре занимаются и обширным земледелием. На просторных полях выращивают пшеницу, ячмень, а так же свеклу. Каждая семья имеет в своей собственности от 20 до 100 га сабанов (пахотных земель) и по три трактора.

Здесь живут Лайпанлары, Чотчалары, Коркмазлары, Абай-ханлары и др. Всего насчитывается около 200 семей.

5. Язылыккая. Название села переводится с турецкого языка как «исписанная скала». Язылы (джазыулу) - исписанная, кая (къяя) - скала.

Язылыккая находится в 35 км от г. Афьон. Основали его переселенцы из Тебердинского ущелья Карачая. В 1884 году прибывшую группу мухаджиров по приказу султана Абдул-Хамида поселили в районе Кёпрюбашы нынешнего города Эскишехир. В то время это было заболоченное топкое место в бассейне р. Пор-сук, здесь свирепствовал малярийный комар. Для горцев, родина которых изобилвала чистыми родниковыми водами, перемена климата обернулась трагедией. Люди сотнями умирали от малярийной лихорадки. Тогда мухаджиры отправили всадников исследовать окрестности и найти более подходящее место для поселения.

Вот что пишет, по воспоминаниям своего деда, турецкий журналист карачаевского происхождения Яшар Шансы (Текеланы):

«Достигнув северных отрогов хребта Каябашы, всадники поразились живописным видом гор, покрытых густым сосновым лесом. Они спешили и с возгласами «Мы нашли наш Кавказ» поклонились этой земле и поцеловали её»²⁵. Вскоре сюда переселились все карачаевцы из Кёпрюбашы и основали своё село.

Таким образом, селение свое они основали на избранном самими местности, замечательной не только своей природой, но и древней историей. О древних насельниках этих мест, хеттах и фригийцах, напоминают археологические памятники: развалины крепости, могильники, каменные жертвенники. В расщелине долины находится хеттский Пантеон с храмом, где совершались жертвенные ритуалы. Сохранились барельефы с изображениями божеств. На скальном святилище остались следы древней письменности. Поэтому эту местность назвали Язылыккая - «исписанная скала».

Таким образом, напротив исторического комплекса, на северных отрогах горы Каябашы, образовалось это карачаевское селение. Основной деятельностью было традиционное животноводство и производство молочной продукции: сметаны, сыра, айрана. Благодаря изобилию плодородной земли и родниковых вод, стало возможным заняться и земледелием. Сначала выращивали привычные для горцев культуры: ячмень, пшеницу, кукурузу, но быстро освоили и новые: горох, перец, баклажаны и т.д.

В 1960 году в Язылыккая появились первые туристы, и эта горная местность, благодаря уникальным историческим памятникам и прекрасной природе, становится одним из центров туристического бизнеса в Турции. Прокладываются дороги, проводится электричество, строятся гостиницы. Местные жители вовлекаются в новую для себя сферу деятельности. Занятие земледелием и скотоводством становится нерентабельным. Меняется внутреннее устройство в карачаевской общине, так как ослабевают экономические связи между её членами.

В эти же годы начинается отток населения в города Эскише-хир и Афьон для обучения детей в школах и университетах.

В село ведут две асфальтированные дороги. Одна от районного центра Чифтеллер - 100 км, другая от Сейитгазы - 72 км.

В настоящее время с. Язылыккая - это современный курортный городок с благоустроенными отелями и отличным сервисом. Девственная природа здешних мест ассоциируется с Кавказом, поэтому именно здесь проходит ежегодный национальный праздник «Нартланы той кюню» (праздник нартов). Его проводит карачаево-балкарский культурный центр, созданный в 1993 году

в г. Эскишехир. На встречу съезжаются не только потомки карачаевских и балкарских мухаджиров, но и гости из Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, Америки и Европы. Постоянно в селе проживает около 120 семей. Это такие фамилии, как: Боташлары, Ёзденлери, Коркмазлары, Сылпагарлары, Байрамуклары, Кочхарлары, Батчалары (Чычханлары), Хубийлары (Котурлары) и др.

б.Килиса. Село основано возле развалин древнего христианского храма, это отразилось в его названии: церковь - килиса (тюрк).

Находится это карачаевское селение южнее Язылыкая, в 10 км по направлению к с. Алан-юрт. Его основали переселенцы 1884 года в основном из Тебердинского ущелья и Джегуты. Переселенцев из Джегуты возглавлял Турклюланы Юсюп-эфенди, один из первых религиозных деятелей, получивший теологическое образование в Стамбуле.

Другое название села и живописных окрестностей - Гёкчейайла - голубеющие пастбища (тюрк.). Эта местность 20 лет назад попала под государственную охрану, так как нависла угроза истребления ценного леса, растущего на отрогах горных массивов. В целях сохранения природы карачаевцам запретили заниматься традиционным трудом - скотоводством и предложили переехать на новое место жительства. Для тех, кто согласился покинуть эти места, государство построило новый район в г. Болвадин, в трёх часах езды от Килисы. Каждая семья получила новый дом и материальную компенсацию²⁶. В настоящее время в Килисе осталось не более 80 семей.

7. Доглат. В названии этой местности сохранилась память об одном из племён кочевавших здесь огузов - туркмен.

Село находится в 48 км от г. Афьон, в 26 км севернее районного центра Исчехисар. Селение Доглат основали в 1887 году и первоначально называли его Бурханийе, в честь брата основателя государства сельджуков Сулеймана, которого звали Бурхан. Село переименовали после свержения султана и установления власти младотурков.

Здесь живут потомки балкарцев из Чегема, Былыма, Кёнделена, Нальчика и карачаевцев из Верхней Теберды. Их предки покинули Кавказ в 1884 году. Разлученные с благословенной природой своей родины, они тяжело перенесли переезд и с трудом приспособились к непривычному климату Стамбула. Группа переселенцев обратилась за помощью к султану, и он распорядился пропустить их во внутренние районы Анатолии²⁷.

Об этом пишет турецкий журналист карачаевского происхождения Ведат Балкан: «Его высочество падишах османов Аб-дул-Хамит объявил: «Прибывшие с Кавказа - мои братья. Они могут поселиться там, где захотят. Их желание - мой приказ». По этому султанскому фирману переселенцы были свободны в своем выборе места для поселения. После долгих поисков более 100 семей мухаджиров осели в горной, лесной местности, напоминавшей родину, и основали село Доглат»²⁸.

Село окружают горы, возвышенности которых используют ся как летние пастбища. В густом лесу, общей площадью 32 650 га, растёт дуб, сосна, можжевельник. Здесь изобилие чистой ключевой воды, есть источники минеральной воды. Недостаток пахотной земли не позволяет заниматься обширным земледелием, поэтому карачаевцы заняты в основном отгонным скотоводством. Несколько семей, объединив свои отары, отгоняют их на определенные участки горных плато и пасут совместно. В селе многие имеют свои кошары (кьошла). Но перспектив у скотоводства, по-видимому, нет. Остро ощущается нехватка кормов.

Кроме того, в последние годы в здешних местах налажена добыча сурьмы, боксита, черного мрамора, которые поставляют на рынки сбыта в г. Афьон. Это способствует переориентации трудовых ресурсов села, обеспечивая работой мужское население.

В Доглате есть мечеть, начальная школа, кафе, магазины, аптека. Действуют курсы для обучения ковроткачеству. В медресе (мусульманская школа) дети учатся чтению Корана и религиозным обрядам. Нет проблем с электричеством, телефонной связью, водоснабжением.

Тем не менее население села сокращается из года в год. Чтобы дать образование детям, семьи переселяются в города. По подсчетам активистов карачаево-балкарского культурного центра в г. Анкаре, в 1960 году в Доглате было около 500 человек в 70-80 дворах, в 1985 году осталось 283 человека в 45 дворах^М. Выходцы из этого села живут в основном в городах Эскишехир, Афьон и Измир.

Родовые фамилии, которые хорошо помнят люди старшего поколения, подтверждают преобладание балкарцев в группе мухаджиров, основавших село Доглат. Приведем их: Атаккулары, Балалары, Баразлары, Батчалары, Байчеккулары, Байказылары, Джанатайлары, Джебеллары, Чеченлары, Эбзелары, Энейлары, Гебеклары, Гонайлары, Къайталары, Къысхалары, Къочхарла-ры, Къудайлары, Сайбарлары, Сюдюмлары, Шауалары, Таб-басханлары, Топчулары, Тохалары, Тёппелары. Но большинство семей в настоящее время проживает в Афьоне, приезжая в село только летом. В Доглате постоянно живут около 70 семей.

8. Болвадин. Находится в горной местности Эмирдаглары, недалеко от озера Эбергёлю, в 40 км к востоку от г. Афьон.

Карачаевцы переселились сюда из района Гёкчейайла, объявленного государственным заповедником в целях сохранения реликтовых лесов. Так как жителей ограничили в занятии скотоводством, многие покинули с. Килиса и воспользовались предложенной им помощью в переселении. На окраине городка Болвадин для них были построены дома и выделены в частную собственность земли под пастбища.

Свой район карачаевцы называют так же, как и прежнее место жительства - Гёкчейайла или Акхисар, а жители г. Болвадин знают своих новых соседей как «черкесов» и называют их квартал «Черкес махалле» (черкесский квартал). Карачаевцы продолжают заниматься скотоводством. Но, надо сказать, в последние годы мужское население все чаще устраивается работать на американскую фармацевтическую фабрику, вся продукция которой идет за границу. Дешевая рабочая сила привлекает в Турцию западных инвесторов. И в первую очередь здесь создаются опасные, вредные для здоровья человека производства.

Один из жителей Болвадина, карачаевец Юсуп Ишбилир (Семенланы), говорил, что вынужден работать на этой фабрике, как и большинство здешних мужчин, чтобы прокормить семью из пяти человек. Единоличное или кошевое скотоводство - совсем не прибыльное занятие в Турции, изобилующей дешевыми продуктами питания. Поэтому пристрастие потомков горцев к содержанию больших отар и стад есть скорее дань традиционному укладу быта, который выражал самобытность и своеобразие карачаевцев и балкарцев. В последние годы сельчане все чаще продают свои угодья, дома и переселяются в Эскишехир или Афьон. В настоящее время в селе проживают около 250 семей.

Среди них потомки переселенцев из Теберды, которые помнят, к какому атаулу (ответвлению) какой фамилии они относятся. Например: Айдабуллары (Семенлары), Базарчилары (Къоркъмазлары), Шайтанлары (Аджилары), Къая (Байчоралары).

9. Эрейли. Это маленькое карачаевское селение находится в 10 км южнее районного центра Сарайёню в Конийском вилайете, за ним сохранилось греческое название этой местности. Первыми поселенцами в Эрейли были мухаджиры 1905 года, переселившиеся из Тебердинского ущелья. Здесь им были выделены земельные угодья для посевов пшеницы и пастбища для скота. В настоящее время почти все жители Эрейли, продав свои земли и дома, переехали в г. Конья. Население с. Эрейли сейчас составляет около 30 семей.

10. Башхюйюк. Название села состоит из двух слов: баш (тюрк.) - голова, вершина и хюйюк (др.тюрк.) - курган. В этой безлюдной местности переселенцы действительно увидели несколько древних курганов и поселились недалеко от них.

К северу от г. Конья по трассе в г. Афьон на 40 км находится городок Сарайёню. В 6 км восточнее от него расположилось самое большое карачаевское селение в Турции - Башхюйюк.

Основали его в 1910 году выходцы из Тебердинского ущелья Карачая, переселившиеся в Турцию в 1905 году. Прибыв на кораблях из Новороссийска в Стамбул, они три дня не сходили на берег, отказываясь селиться в городе, и требовали отправить их в Шам (Сирию), ближе к святым местам Мекки и Медины. По преданию, среди мухаджиров были эфенди, которые внушали им, что «в судный день все правоверные соберутся в Сирии»³⁰.

Кроме того, в Стамбуле карачаевцев встретили их соотечественники, переселившиеся в Турцию в 1884-1887 годах и осевшие вблизи г. Ялова. Они рассказали, что в прибрежных районах свирепствует малярия, и посоветовали уезжать в глубь страны. По железной дороге карачаевцы приехали в Анкару, тогда это был небольшой захолустный городок. Часть мухаджиров поселилась недалеко от Анкары, в местечке Гёлбашы. Большинство же стремилось попасть в Сирию. Тогда им предоставили поезд, на котором карачаевцы доехали до г. Копья, где их остановили по

распоряжению султана, описали тяжелые условия климата в пустыне и предложили выбрать любое место в Конийском вилайете.

Предводитель тебердинцев Кипкеланы Рамазан-апенди (эфенди) упорно отказывался от заманчивых предложений вали (губернатора) и настоял, чтобы его соотечественники не оставались на жительство в городе. До сих пор помнят в селе его слова: «Мы скотоводы, мы горцы. Нам не нужны магазины, ремесла. Мы должны прикрепиться к земле. Скот будет пастись, поля будут вспаханы, а мы будем все вместе и не забудем наш язык и наши песни»³¹.

Рамазан-апенди выбрал место для поселения на равнине, покрытой густой, высокой травой. Старики вспоминают, что когда в поле быки ложились, их не видно было из-за травы. Для скотоводов это было решающим фактором. У карачаевцев есть пословица: «Гелёу кёрсенг - джер сорма, кёлбет кёрсенг - эр сор-ма» (Если видишь сочную траву - не спрашивай, какова земля, если видишь румяную женщину - не спрашивай, каков муж.)

Пока на выбранном месте для переселенцев строились дома, сами они были личными гостями конийского губернатора и жили в Конье. Когда карачаевцы поселились в новом селении, то называли его «Юмран Хамидие», что означает «Подарок Хамида», т.е. султана Абдул-Хамида. После свержения монархии село переименовали в Башхююк. Так образовалось самое большое и богатое из карачаевских селений в Турции. Первопоселенцам было выделено в частную собственность по 10 десятин на каждую семью, те, кто имел тягловый скот и мог обработать больше земли, взяли по 14 десятин. В 1951 году каждому юноше, достигшему восемнадцатилетия, было дополнительно выделено по 20 га. На сегодняшний день вся округа на протяжении 35-40 км занята полями жителей этого села.

Почти каждая семья имеет тракторы, грузовики. Для работы на полях нанимают сезонных рабочих - курдов. Сеют по заказу государства пшеницу, ячмень. В районном центре Сараёну находятся заготовительные конторы, скупающие весь урожай. Земля здесь стоит дорого и приносит хорошую прибыль. Поэтому даже давно выехавшие из села и живущие в городах или даже за границей не спешат продавать свои наделы, а отдают их в «ортак» (испольная аренда) тем, кто постоянно живет в селе и имеет тракторы, комбайны. Они руководят работами и расплачиваются половиной урожая с землевладельцами. Отметим, что в настоящее время в Башхююке насчитывается в частном владении 60 тракторов и 35 комбайнов.

В селе три мечети, школа, стекольный завод. Главной достопримечательностью здесь является искусственное озеро, созданное в 1995 году.

Тебердинцы расселились в Башхююке так, как традиционно селились в Карачае: каждый род имел свой квартал (тийре). Называли его по фамилии рода. До сих пор в селе выделяют тийре: Канаматлары, Хабичлары, Шобайдаклады, Къайтарлары, Эльджоркалары, Кипкелери, Болурлары, Кечеруклады, Кочкарлары, Текелери, Къобанлары, Сылпагарлары, Джабалары, Ча-гарлары и т.д. Немного особняком, в нижнем районе, есть тийре Сынтыла, где живут потомки выходцев также из Тебердинского ущелья, но не из Верхней Теберды, как основная масса переселенцев, а из Нижней Теберды, т.е. аула Сынты, например: Аппалары, Алчаклары, Джаубалары. Постоянно в Башхююке проживает около 600 семей.

11.Эйрисоют. Название переводится как «кривая верба», по преданию, там, где основано село, росло причудливо изогнутое большое дерево. Находится в 120 км к югу от г. Кайсери, возле городка Пынарбашы. Его основали переселенцы 80-х годов XIX века. Они прибыли сюда из Большого Карачая и Балкарии. В основном в Эйрисоюте поселились выходцы их Баксанского ущелья, которые называют себя «басханчи къарачайлыла» (баксанскими карачаевцами). Надо отметить, что самоназвание «малкарлы» (балкарец) неизвестно переселенцам этого периода.

В настоящее время жители Эйрисоюта почти полностью переселились в города. Осталось 20 - 30 семей: Сотталары, Къурманлары, Токълары и др.

12.Эмирлер. В древности в этой местности были резиденции сельджукских эмиров, что и дало название селу. Оно затеряно в горной местности Челтектагъы, к северу от г. Сивас, возле районного центра Йыддызэли. Здесь поселились мухаджиры 1884 года, прибывшие из Дагестана, Кабарды, Осетии, Балкарии и Карачая. Эмирлер основали в основном выходцы из Чегемского ущелья Балкарии. В настоящее время почти все они переселились в города. В селе осталось не более 100 семей.

13. Арпаджи. Село называют чаще Арпаджи-карачай, это связано с тем, что первые поселенцы - карачаевцы сразу же стали сеять свою традиционную сельскохозяйственную культуру - ячмень (тюрк. арпа). Арпаджи - сеятель или продавец ячменя.

Село находится севернее г. Токат, в районе г. Сулусарай.

Среди мухаджиров 80-х годов большинство было из низшего сословия (кулы), оставшегося после отмены крепостного права на родине без земли. Они приехали в Турцию в надежде получить в собственность земельные наделы, как обещали им турецкие эмиссары.

Но были и представители высших сословий (бии и ёздени), надеявшиеся сохранить свои привилегии. Так как земля была распределена в районе г. Токата между мухаджирами поровну, почвы для социального неравенства не было. Тогда, отказавшись жить в одном селении с бывшими кулами, бии и ёздени Кара-мырзалары, Къобалары, Чотчалары, Алийлары, Къобанлары и др. основали свое село Арпаджи. Сейчас здесь проживает примерно 100 семей.

14. Чилехане. Название состоит из двух слов: страдание, несчастье, суровые условия (тюрк, чиле) и дом (тюрк. хане). Связано это с тем, что когда-то здесь скрывались от мирской суеты мусульманские фанатики - дервиши. Они строили убогие дома-землянки, где проводили жизнь в уединённых молитвах.

Чилехане находится в 75 км севернее г. Токата, в районе небольшого городка Решадие, на северных отрогах Кёшедаглары. Основали мухаджиры 1884-1887 годов. Здесь живут Халкёчлары, Къуатлары, Гаджалары, Ахтаулары, Саркитлары, Боташлары, Коркмазлары, Акбайлары.

Переселенцев возглавлял один из авторитетных карачаевских старейшин из Большого Карачая Халкёчланы Алиюк-хаджи. В настоящее время в Чилехане живет около 150 семей.

Можно с уверенностью констатировать, что компактное расселение карачаевских и балкарских мухаджиров в сельской местности, в мононациональных селениях способствовало сохранению этнической самобытности этих народов в Турции. До середины XX века внутренняя жизнь общины протекала в полном согласии с национальными обычаями и законами, в материальной культуре, в быту сохранялись традиционный уклад и хозяйствование.

Начиная с 50-х годов, население карачаево-балкарских селений втягивается в процесс урбанизации, охватившей Турцию. Вскоре численность городских жителей в диаспоре стала намного превышать численность сельских. В настоящее время большая часть потомков карачаевских и балкарских мухаджиров проживает в крупных городах: Стамбуле, Анкаре, Эскишехире, Конье, Афьоне, Адане, Измире.

Города.

Стамбул. В самой многолюдной столице европейского континента более 10 миллионов жителей. Через город протекает пролив Босфор, соединяющий Черное и Мраморное моря. На берегах пролива стоят живописные дворцы и особняки бывших султанов, сановников-османов, визирей и послов европейских держав. На европейском берегу Босфора расположен дворец Долма-бахче Сарай - последняя резиденция османских султанов.

Мухаджиры - первопоселенцы с. Башхюйюк: слева направо (идят) Текеланы Идрис, Теуналаны Ахия, турецкий эфенди, Темир-токаланы Хомат, (лежат) Дотталаны Махамат, Джумбашланы Исса.

1970 г.

Первая мечеть в с. Башхюйюк. Турция. 1912 г.

Именно отсюда наблюдал из бинокля султан Абдул-Хамид, как высаживаются с кораблей последние кавказские мухаджиры - карачаевцы и балкарцы. По его личному распоряжению им было предложено остаться на жительство в Стамбуле или самим выбрать любое место во внутренних районах Анатолии. Пожелавших остаться были единицы, в основном это были лица княжеского происхождения, поступившие на военную службу, а также те, кто приехал с целью получить религиозное образование.

Небольшая группа переселенцев осела на азиатском побережье Мраморного моря в районе г. Ялова. Остальные отправились в поиски плодородной земли, чтобы основать свои сёла и жить по своим обычаям.

В настоящее время в Стамбуле проживает довольно много карачаевцев и балкарцев, уехавших из сёл для учёбы и работы. Они осели со своими семьями в различных районах города.

Так как в Стамбуле проживают потомки мухаджиров всех северокавказских народов, они объединились в общий культурный центр «Кафказьялылар Кюлтюр Дернеги». Он расположен в европейской части на бульваре Февзи-паша. Здесь функционирует ансамбль кавказского танца, в котором молодые люди разных кавказских национальностей обучаются горским танцам. Центр выпускает с 1993 года литературно-общественный журнал «Еди Йилдыз» на турецком языке, редактор - журналист адыгского происхождения Ёмер Айтек Курмел.

В Стамбуле, по подсчётам активистов национально-культурного центра, не менее 1000 семей карачаевцев и балкарцев.

Анкара. В столице Турецкой республики, расположенной в центре анатолийского степного плато, на высоте 800 м над уровнем моря, проживает 4 миллиона жителей.

Мухаджиры из Карачая и Балкарии прибыли сюда на поездах из Стамбула в 1905 году. На жительство в городе карачаевцы и балкарцы не остались, лишь небольшая группа вместе с переселенцами других национальностей осела в 10 км от столицы, в местечке Гёлбашы.

В настоящее время в Анкаре живет довольно значительная часть диаспоры в основном интеллигенция. В столице Турции издается историко-литературный журнал «Карачай-Малкар» на турецком языке. Редактор и издатель - известный фольклорист Адилхан Адилоглу (Аппаланы). В журнале публикуются материалы об истории народа, о жизни диаспоры, тексты эпоса «Нарты», песни и пословицы, записанные из уст стариков, а также произведения авторов из Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Активно участвуют в издании журнала наиболее известные личности в карачаево-балкарской общине столицы: советник министра культуры и образования Хурриет Эрсой (Маршанкулланы), Хусамеддин Коркмаз (Кьоркьмазланы), доктор исторических наук Уфук Таукул (Тохчукланы), художник Эрол Батыр-бек, архитектор Селим Итез (Текеланы), адвокат Дилбер Кьаншау (Кипкеланы). В Анкаре живет генерал Шакманланы Акай, бывший Главнокомандующий сухопутными войсками турецкой армии, балкарец.

Всего в Анкаре известно около 500 карачаевских и балкарских семей, не прерывающих связей с диаспорой.

Эскишехир. В последние годы Эскишехир из провинциального городка в заболоченной местности в бассейне р. Порсук превратился в благоустроенный современный город с развитой инфраструктурой и несколькими университетами, с почти полумиллионным населением.

В Эскишехире самая многочисленная карачаево-балкарская община, так как сюда переехали большинство жителей близлежащих селений: Якапынар, Язылыкая, Килиса, Белпинар, Долат, Сулемания. Здесь активно работает «Карачаево-балкарский центр культуры и взаимопомощи» под руководством Аднана Джангёз (Джанкёзланы). Центр ежегодно в последнее воскресенье июля проводит праздник «Нарт кюню» в с. Язылыкая, на котором пропагандируют национальные танцы, песни, игры. На этот праздник приезжают из всех карачаево-балкарских селений.

Под эгидой центра выпускаются общественно-политический и историко-литературный журнал «Бирлешик Кафкасыя» на турецком языке и литературный журнал «Карт-джюрт» на карачаевском языке. Редактирует издания главный врач военного госпиталя Илмаз Невруз (Сылпагарланы), внук одного из первых карачаевских ученых-теологов, преподавателя Уччуланского медресе в конце прошлого века Сылпагарланы Герий-эфенди.

Илмаз Невруз получил высшее медицинское образование в Германии, работает начальником военного госпиталя в Эскишехире. Он собиратель карачаево-балкарского фольклора, у него хранится архив известного карачаевского историка и писателя Махмута Асланбека (Дулова). В настоящее время в своих журналах Илмаз Невруз публикует много неизвестных или неопубликованных ранее материалов из истории, культуры, фольклора северокавказских народов. В журнале публикуют статьи писатели, журналисты, ученые адыгского, кумыкского, балкарского, крымского, аварского, ногайского, осетинского, чеченского происхождения.

В Эскишехире проживает не менее 600 карачаевских и балкарских семей. В диаспоре пользуются большим авторитетом заместитель министра лесной промышленности Суюнчланы Шарафуддин, архитектор Кубадийланы Орхан, биолог Карабаш-ланы Сейхан, преподаватели университетов Кочхарланы Текин и Коркмазланы Шадан, президент крупной торговой фирмы Батчаланы Хаджимурат и др.

Афьон. Афьон находится в центре западной Анатолии, между Анкарой и Измиром, в горной местности. В городе численность населения всего 350 тысяч. Карачаевцев и балкарцев здесь проживает около 400 семей. Это выходцы из близлежащих селений: Килиса, Долат, Белпинар, Акхисар, Язылыкяя.

Конья. Город находится в центре анатолийского плоскогорья, на высоте 1 тыс. метров над уровнем моря. Население составляет более 1 миллиона человек. Конья, один из древнейших городов в мире, уходящий корнями в цивилизацию хеттов, называвших город Куванна. В 1097 году Конья стала столицей тур-ков-сельджуков.

Своего расцвета город достиг в 1219 году при султানে Аладдине Кейкобаде, который окружил его мощной крепостной стеной со 108 башнями, построил дворцы и мечети. Он же покровительствовал персу Джелаледдину Руми (Мевлана), основавшему секту танцующих дервишей и распространившему суфизм. Гробница Руми и его последователей в монастыре Мевлана, сейчас это Музей исламского искусства, является до сих пор местом паломничества мусульман-мистиков.

Вообще, Конья - большой приверженец традиций, хотя на месте древней городской стены сейчас разбиты зеленые бульвары европейского типа, и здесь действуют престижные университеты. Женщины часто носят традиционное покрывало, магазины полны религиозной литературы и атрибутики.

Так как Конья - самый близкий крупный город для карачаевцев из с. Башхюйюк, то в первую очередь сюда они стали посылать своих детей для получения высшего образования. После окончания университетов они оставались здесь работать, создавали семьи, покупали квартиры.

Постепенно в Конье осела большая часть выходцев из Башхюйюка, но связи с селом они не теряют. Проводят в селе каникулы, отпуска, выходные. Кроме того, имеют там свои земельные наделы, которые сдают в аренду или нанимают сезонных работников. Например, Февзи Демирджан (Кубанланы) владеет в селе 40 десятинами, Ихсан Къара - Къарча (Алчакланы) - 35 десятинами, Алтай Малконду (Малкондуланы) - 20 десятинами и т.д.³² В настоящее время карачаевцев в Конье около 400 семей.

Адана. Это четвертый по величине город Турции, с населением более 1 200 000 человек. Древняя столица Киликии, Адана за последние годы из сельскохозяйственного поселка, окруженного плодородной равниной, превратилась в индустриальный город. Здесь одни из лучших в стране университетов и лицеев. Перспективы найти хорошую работу, открыть свой бизнес, дать детям отличное образование привлекли сюда и многих карачаевцев, в основном из с. Башхюйюк.

В Адане и близлежащих приморских городах проживает не менее 100 семей карачаево-балкарской диаспоры. Почти все они имеют свой собственный бизнес. Например, Мустафа Демирджан (Къобанланы) владеет одной из крупнейших на юге Турции строительной фирмой «Джан».

Измир. Измир (античная Смирна) - третий по величине город Турции, после Стамбула и Анкары. Он находится на берегу Эгейского моря, у подножия горы Кадифекале. В одном из районов города - Гюлчешме компактно проживает около 200 семей карачаевцев и балкарцев. Здесь есть Кипкелары, Бытгалары, Чомалары, Гюрджюлары, Боллулары и др.

Основу общины заложили мухаджиры, которые уехали в Сирию, но, не сумев приспособиться к жаркому климату и пустыне, успели вернуться в Турцию до 1918 года. В диаспоре о них говорят: «Шамгъа барыб иссиден къырылдыла, къайитдыла» (В Сирию уехав, от жары стали вымирать и вернулись)". Сирия, получившая независимость после распада Османской империи, запретила выезд из своей страны. Таким образом, карачаевцы и балкарцы оказались разделёнными между разными странами во второй раз.

Карачаево-балкарская диаспора в Сирии. До 1918 года Сирия входила в состав Турецкой империи. Так как главным идеологическим мотивом переселения мухаджиров с Северного Кавказа было стремление попасть на мусульманские земли, совершить «хадж», т.е. паломничество в Мекку, то многие горцы отказались поселиться в предложенных им местах и настояли на продолжении пути

в Шам (Сирию). Там они осели и после получения Сирией независимости оказались разделёнными с основной массой кавказской диаспоры.

Карачаевцы и балкарцы, переселенцы 1884-1885 годов, основали в Сирии два села: Блей и Бойдан³⁴. Блей (Матых кёу) находится в 40 км от столицы Сирии Дамаска, посреди пустыни. В селе две улицы: Холамская и Чегемская, по названиям ущелий в Балкарии, откуда прибыло большинство переселенцев. Старейшины диаспоры рассказывают, что основателями села были «600 семей из Холама, Чегема и Баксана»³⁵. Занимались разведением скота, но условия были тяжелейшие. Оказавшись в безводной пустыне, горцы вынуждены были приспособляться к совершенно новой для них природе. Кроме того, аборигены этого края - бедуины постоянно нападали на них. Многие успели вернуться в Турцию до развала Османской империи и поселиться в г. Измир, на берегу Эгейского моря.

В 50-х годах село было заброшено, осталось несколько семей. Основная часть сельчан переселилась в столицу, расположенную в горной местности. В настоящее время они живут компактно в одном из кварталов Дамаска. Численность карачаевцев и балкарцев в настоящее время не превышает 1 000 человек. Разница в культуре и языке привела к тому, что неизбежные для малочисленной диаспоры межнациональные браки ускорили процесс деэтнизации кавказцев в Сирии.

Стремясь противостоять неумолимой ассимиляции, потомки северокавказских «мухаджиров»: адыгейцы, черкесы, абазины, карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, осетины, чеченцы и ингуши - объединились в общественно-культурную организацию «Хаса». Надо отметить, что всех их в Сирии, как и в Турции, называют «черкесами». Кабардинцы, адыгейцы и черкесы называют себя «адыге». Карачаевцы и балкарцы - «кьарачайлы», а друг к другу обращаются «алан».

Целью объединения «Хаса» является сохранение национальных обычаев, родных языков, взаимопомощь, а также создание условий для встреч и знакомства членов кавказской диаспоры. По словам одного из руководителей «Хасы» карачаевца Гогуйланы Зияда, в Дамаске проживают представители 40 карачаево-балкарских фамилий³⁶. Среди них: Акбайлары, Будуйла-ры, Будайлары, Газалары, Гебохлары, Гергоклары, Гогуйлары, Огьурлулары и др.

Бесспорно, городские жители диаспоры сильнее подвержены процессам деэтнизации. В условиях большого города разрозненные семьи потомков мухаджиров объединяют только национально-культурные центры. Они играют роль социальных институтов по сохранению родного языка, культуры и самобытности.

Говоря о численности карачаево-балкарской диаспоры в Турции, надо отметить, что за последние 10 лет из-за неуклонной ассимиляции её численность не увеличилась. Хотя естественный прирост остается довольно высоким, в среднем каждая семья состоит из 5-6 человек.

Другой причиной уменьшения численности диаспоры является увеличение потока турецких рабочих в страны Европы и Америки. Ежегодно в их числе покидают Турцию сотни этнических карачаевцев и балкарцев.

В настоящее время в Америке насчитывают около 5 000 карачаевцев. Их объединяет национально-культурный центр в г. Патерсон. В Германии и Голландии выходцев из карачаево-балкарских селений Турции примерно 2 000 человек.

Таким образом, мы можем определить минимальную численность карачаево-балкарской диаспоры в Турции. Не прерывающих родственных связей со своей этнической средой, называющих себя карачаевцами или таулу (балкарцами) насчитывается около 5 330 семей, что составляет примерно 26 650 человек.

В настоящее время в Турции карачаевцы и балкарцы проживают в 14 мононациональных селениях: Чифтлик-кёу, Яллыпынар, Якапынар (Эртугрул), Белпинар, Язылыккая, Килиса, Доглат, Болвадин (Черкес махале), Эрейли, Башхюйюк, Эйрисоют, Эмирлер, Арпаджи-карачай, Чилехане. Уменьшение численности населения карачаево-балкарских селений привело к тому, что некоторые из них в ближайшее время, вероятно, перестанут существовать. В настоящее время такие сёла, как Язылыккая, Эрейли, Килиса, Чифтлик обитаемы в основном только летом, в период каникул и сбора урожая.

Чифтлик-кёу 2. Яллыпынар 3. Якапынар 4. Белпынар 5. Язылыккая 6. Килиса 7. Доглат 8. Черкес махале 9. Эрейли 10. Башхюйюк 11. Эйрисоют 12. Эмирлер 13. Арпаджи 14. Чилехане

Постепенно родственные и хозяйственные связи ослабевают, так как земельные наделы, делясь между наследниками, уменьшаются. Многие их продают, теряя собственность в селе. В настоящее время единственное селение в диаспоре, насчитывающее более 2 000 человек, это Башхюйкж в Конийском вилайете.

Рост благосостояния и образования приводит к тому, что большинство семей предпочитает жить в городе. Если в начале XX века карачаевцы и балкарцы населяли только внутренние сельские районы Анатолии, то сегодня потомки мухад-жиров обитают почти во всех крупных городах Турции. Наиболее многочисленные общины карачаево-балкарской диаспоры на сегодняшний день в Стамбуле, Анкаре, Эскишехире, Копье.

ГЛАВА III. КУЛЬТУРА И БЫТ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ДИАСПОРЕ В ТУРЦИИ

§ 1. Культурно-бытовые традиции в жизни карачаево-балкарской диаспоры

Изучение зарубежных диаспор народов Северного Кавказа актуально не только для восстановления более полной исторической картины прошлых веков. Исследование быта и культуры диаспоры как этнической группы, проживающей за пределами своей исторической родины, дает уникальный материал для определения этноса и его самоидентификации в новых исторических условиях, вне ареала исконного расселения.

Карачаевцы и балкарцы в Турции ощущают реальную угрозу деэтнизации, т.е. потери основных составляющих неповторимой национальной самобытности. На этом этапе в судьбе малочисленного этноса происходят необратимые явления: утрачивается древняя материальная культура, не получают развития никакие формы национальных социальных институтов, умирают за невостребованностью многие традиции.

На примере карачаево-балкарских обычаев в Турции попытаемся выявить некоторые основные характеристики национальной самобытности, ещё сохраняющиеся в условиях надвигающейся ассимиляции: язык, культуру и самосознание.

Потомков карачаевских и балкарских переселенцев 1884 -1886 и 1905 - 1906 годов, сохранивших устойчивую связь со своей национальной общиной, насчитывается в настоящее время около 30 000 человек. Благодаря расселению в мононациональных селениях и тесным родственным отношениям, они до сих пор сохранили многие обычаи и традиции своих предков: экзогамные браки, подчинение старшим по возрасту, почитание женщин, строгость в воспитании детей, взаимопомощь, гостеприимство, трудолюбие, миролюбие и т.д.

Особый интерес представляют в этом отношении культурные традиции, которые можно определить как «социальные институты для развития и функционирования данной общности»¹. Они же являются последним, самым устойчивым элементом самобытности этноса, сохраняющимся в условиях деэтнизации. Традиции несут в себе не только культурологическое, но и функциональное значение. Прежде всего, это свадебный обряд, аккумулировавший в себе многие специфические особенности национальной культуры.

Рассмотрим подробнее карачаево-балкарскую свадебную церемонию, которую мы наблюдали в с. Башхюйок (район г. Конья) в 1989, 1997 и 1998 годах, а также воспользуемся заметками турецких исследователей карачаевского происхождения Невруза Илмаза и Левента Итеза, описавших некоторые моменты национального свадебного обычая.

В карачаево-балкарской диаспоре хорошо сохранились обычаи, способствующие знакомству и общению молодых, поэтому браки совершаются по взаимному согласию и осознанному выбору. Брак малознакомых девушки и парня осуждается как поспешный. Не принято здесь сватать девушку, предварительно не заручившись ее согласием. Так называемое «умыкание», или похищение невесты, случается крайне редко, только в случае упорного несогласия на брак родителей девушки, но при ее желании.

Традиционный карачаево-балкарский брачный обычай требует обязательного сватовства, сговора, согласия молодых и их родителей, выполнения всех свадебных обрядов: избегание женихом и невестой будущих родственников (тил тутхан), скрывание жениха во время свадьбы (болуш юй), дарообмен между родней (берне и сый), торжественное открывание лица невесты (ау алгъан),

национальные танцы, игры, забавы (той), отдельное торжество по случаю приглашения зятя в дом родителей жены (кюёу кёргюстген) и т.д. Только в этом случае признается, что брак совершен по карачаевскому обычаю (къарачай адет).

Парень, получив согласие девушки, оповещает о своем желании вступить с ней в брак родителей. Но не лично, а через сестру или сноху. Родители решают, когда и кого посылать сватами (келечиле) в дом девушки, сами в сватовстве не участвуют. Обычно в роли сватов выступают двое-трое наиболее уважаемых мужчин из числа близких родственников.

В доме девушки встречаются сватов подчеркнуто приветливо и доброжелательно, угощают. Отец и мать благодарят за визит почетных людей, но окончательного ответа не дают, ссылаясь на то, что они еще не знают воли дочери. Через несколько дней сватовство повторяется, родители девушки на этот раз говорят, что должны посоветоваться с родственниками. Это воспринимается как фактическое согласие. На третий раз сватов торжественно встречают не только родители, но старшие и почетные родственники со стороны матери и отца девушки. Они выслушивают сватов, дают официальное согласие или же несогласие на брак, поздравляют, произносят традиционные здравицы (алгъышла). Сватовство считается завершенным, этот акт называется сговором (сёз таусхан). Здесь же обговариваются размеры калыма (къалын) и день помолвки.

Помолвка (нишан) в кавказской среде заимствована из турецкой культуры. Проходит она в ресторане, а в селах собираются в «салоны», специальные помещения для культурных мероприятий. Жених и невеста обмениваются кольцами. Близкие родственники и друзья преподносят подарки, обычно это золотые браслеты или деньги.

К этому дню приурочивают и приглашение священнослужителя (эфенди) для совершения религиозного обряда бракосочетания (неках). После этого обрученные уже не принимают участия в молодежных встречах или праздниках. Встречаться друг с другом могут только при свидетелях. Будущих родственников старательно избегают.

Что касается калыма, или «выкупа за невесту», то надо отметить, что этот обычай претерпел значительную трансформацию. Старшее поколение эмигрантов еще помнит, что размеры калыма были значительны: конь, золотые украшения и деньги. Объясняли это необходимостью обеспечить женщину в случае вдовства или развода. Кстати, это не противоречило и мусульманскому праву (шариат). Затем в диаспоре сумму в качестве калыма определили чисто символической, чтобы он не мог быть препятствием для вступления в брак. Попытки увеличить по своей инициативе размеры калыма пресекались старейшинами, которые говорили: «Элге адет болмасын» (в народе обычаем пусть не станет). В последние годы «калымом» называют золотые украшения, которые дарят невесте родители и родственники жениха. Например, на наблюдаемой нами свадьбе в с. Башююк в августе 1997 года женились выходцы из этого селения Ахмед Зюгюль (Хубийланы) из Стамбула и Юмран Сабанчи (Теуналаны) из Голландии. На вопрос сватов о калыме, отец невесты ответил: «Элде джюрюген адетча болсун» (Пусть будет так, как принято в селе). Золотые браслеты, цепочки, кольца, преподнесенные Юмран, весили 1 кг. Это было названо «калымом» как дань традиции, функциональное значение которой полностью утрачено.

Случаи разводов здесь крайне редки, а если супруги расходятся или муж умирает, то в любом случае женщина не возвращается в родительский дом, а живет самостоятельно. Раздел имущества, как и раздел наследства, происходит по цивилизованным нормам закона. Как и большинство молодых супругов, Ахмед и Юмран сразу после свадьбы отправились в свадебное путешествие, а затем вернулись в свое собственное жилье в Стамбуле. Родители жениха помогли сыну, хотя он единственный сын в семье, снять отдельную квартиру, а родители невесты купили мебель. Все подарки родственников, обычно это золотые украшения и электробытовые приборы, остаются молодоженам.

Можно сказать, что обычай выплаты калыма, как потерявший свое практическое значение и не имеющий культурологической привлекательности, в карачаево-балкарской диаспоре уже утрачен. Сохраняются только те обычаи, которые способствуют образованию новых семей. Калым же в современной жизни к этой категории не относится.

Что касается подарков (берне) и приданого (юй керек), то они остаются важным элементом при заключении брака, но полностью принадлежат жене. Состоит из постельных, столовых, бытовых принадлежностей и подарков родственников. Не утрачен и старинный обычай, связанный с

приданым, «кьюрукъ», (буквально переводится как «жердь»). За день до свадьбы во дворе дома невесты вывешивается на общее обозрение все ее приданое.

Функциональное значение этого обычая в том, чтобы показать благосостояние девушки и ее мастерство, умение рукодельничать. Здесь обязательно присутствуют платки, салфетки, покрывала, полотенца, вышитые руками самой невесты. Украшением «кьюрука» считается наличие старинных шелковых шалей с бахромой, расшитых узорами вручную (чилле джаулукъ), которые сохранились от национального свадебного наряда. Но в основном все здесь фабричного производства. Женщины всего селения могут приходить во двор, где вывешен «кьюрукъ», чтобы посмотреть приданое, похвалить его и поздравить родителей невесты.

Между помолвкой и свадьбой проходит несколько месяцев. Свадьбы играют в августе, обычно два дня: в субботу и воскресенье. В первый день в доме жениха собираются родственники, друзья, соседи, а сам он скрывается. Молодежь во дворе или под навесом устраивает под гармонику танцы (той). Дети играют в различные национальные игры (оюн). Во дворе кипят котлы с мясом жертвенных баранов (кьюрманлыкъ). За угощение на свадьбе отвечает специально назначенная для этого одна из близких родственниц, хорошо знающая национальные обычаи и блюда. Ее называют хозяйкой дома (юй бийче). Так в старину называли в патриархальных карачаевских семьях, состоявших из нескольких семей женатых братьев, живущих в родительском доме, самую старшую или авторитетную женщину. Обычно это была мать братьев или одна из снох². Интересно, что на Кавказе карачаевцы используют это слово в значении «супруга». В Турции горцы оставили за ним значение «главная в доме» или «отвечающая за домашнее хозяйство», употребляя только во время национальных торжеств, когда готовят угощение для большого количества гостей. В обыденной жизни слово «юй бийче» перешло в разряд историзмов.

Тяжелую работу на свадьбе выполняют молодые парни, как правило, - зятья жениха. Они режут жертвенных баранов, рубят • мясо, разжигают огонь и т.д.

Молодежь в это время устраивает во дворе «той» (танцы). Людей, не умеющих танцевать национальные танцы, здесь практически нет. В диаспоре с детства обучают карачаевским танцам «Тюз тепсеу», «Абезек», «Ючеулен», «Шамиль», «Джангыз», «Мычхы», «Асхак», «Чобан», «Апсуа», «Каретейна», «Зийа Бий». На гармошке играют мужчины, и обязательно стоя. Вокруг гармониста иногда собираются в кружок парни и сопровождают танцы лирическими или шуточными песнями в адрес девушек. Танцуют незамужние девушки и неженатые парни, исключение делается только для близких родственников или почетных гостей. В круг обычно выходят по три пары сразу. Отметим, что для участия в танцах съезжается молодежь даже из самых дальних городов страны и из-за границы. В родных селах парни и девушки из Германии, Голландии, США знакомятся друг с другом, общаются, делают свой выбор. Здесь же стараются сыграть свои свадьбы, если их родители выходцы из одного села. Поэтому свадебному тою придают очень большое значение и сохраняют всю атрибутику бережно и ревниво. Можно сказать, что в диаспоре обрядовая сторона традиционного «тоя» не претерпела никакой трансформации. И это несмотря на то, что для турецкого менталитета карачаевский той до такой степени чужд и предосудителен, что в присутствии гостей-турок молодежь свои танцы не начинает.

Гости же других кавказских национальностей с удовольствием принимают участие в танцах, которые в таком случае принимают характер соревнования. Несмотря на многие общие черты, у карачаевцев, адыгов, осетин, абазин есть отличительные моменты в манере танцевать, в темпераменте, в отдельных движениях, в темпе музыки. Все это служит поводом для подшучивания над национальными особенностями друг друга и выделения отличительных черт каждого этноса.

На второй день утром еще до прибытия невесты накрывают столы. Гостей угощают по очереди: сначала стариков, затем отдельно мужчин и женщин и в последнюю очередь молодежь. Длительных застолий здесь не бывает, т.к. спиртное не подается. Каждый из приглашенных обязательно должен отведать кусок мяса жертвенных баранов (кьюрманлыкъ).

В это время жених со своей сестрой, а невеста в сопровождении подруг отправляются в ближайший городок, где встречаются в специализированном салоне для новобрачных. Невесте делают прическу, макияж, надевают свадебный наряд. Жених и невеста фотографируются для обязательного свадебного альбома. Этот обычай, надо отметить, очень красивый. Хотя он нару-

шает ход карачаевской свадьбы, т.к. молодые не должны встречаться в этот день, а тем более показываться вместе на людях. Это современное новшество, связанное с расширением сферы бытовых услуг, прочно вошло в свадебную церемонию всех народов Турции.

После посещения салона невеста возвращается к себе домой, а жених скрывается в доме родственников или соседей (болуш юй), что буквально означает «помогающий дом». Там он временно поселяется на время своей свадьбы.

Машины, на которых поедут за невестой дружки жениха, украшают коврами и лентами. Так в старину снаряжали коней для свадебного поезда. С тех пор сохранился и древний карачаевский атрибут - знамя жениха (киёу байракъ). В настоящее время это длинная жердь, на которую навешаны парчовая ткань, полотенца, платки. Знамя везут с собой дружки жениха (киёу нёгерле). Среди них назначается главный (тамада), он должен быть старше остальных по возрасту и хорошо знать горские обычаи. Объехав все село, свадебный поезд подъезжает к дому невесты, играют национальные мелодии на гармошке, поют свадебную песню «Орайда».

У ворот дома невесты собирается почти все село, чтобы посмотреть на приезд за невестой, на игры и танцы дружков жениха. Их встречают шутками, насмешками, пытаются кого-либо из них «умыкнуть» для последующего выкупа. Пока молодежь веселится во дворе, старших торжественно проводят в дом.

Часа через два дружки жениха направляются к дверям комнаты невесты и поют песню «Орайда», призывая ее выйти. Выходит она в сопровождении двух женщин, держащих ее под локти. По традиции это снохи, одна со стороны невесты, другая со стороны жениха. Значительная роль в свадебной церемонии отводится снохе невесты (къыз нёгер къатын), она выступает как наставница и проводит со своей подопечной несколько дней. В старину эту роль играла «дигиза» (нянька), которую отец невесты посылал с дочерью, чтобы она помогала молодой женщине освоиться в новой семье.

Когда свадебный поезд с невестой отправляется в путь, им устраивают различные препятствия с требованием обрядовых выкупов. Объехав все улицы, одаривая местных детей, перегораживающих дорогу, машины подъезжают к дому жениха. Здесь собираются старейшины рода, гости. Невесту выводит из машины тамада и старается провести ее так, чтобы она наступила на кровь жертвенного животного, зарезанного в ее честь (къурманлыкъ). Старшая из женщин подходит к невесте с благопожеланием: «Огъурлу, хайирлы аякъ бла келгин», что можно перевести как: «Да *приди ты*, ступая доброй, «прибыльной» ногой», - и обнимает ее. Кто-либо из самых красноречивых мужчин, держа перед собой ритуальную чашу (гоббан или бал аякъ) с медовым напитком (бал суу), громко, нараспев произносит нартские здравицы (алгъыш) в честь невесты. Затем эфенди читает молитву (дуа).

После этого женщины выносят во двор на большом подносе конфеты и деньги. Их разбрасывают над головами всех собравшихся. Наконец, старшая из родственниц выполняет ритуал «ау алгъан»: снимает с головы невесты покрывало, которое закрывало ее лицо. Родители и близкие родственники жениха обнимают невесту. Ее торжественно вводят в дом. Здесь она остается со своей наставницей и несколькими девушками в приготовленной для новобрачных комнате (отоу).

Карачаево-балкарская традиция требует, чтобы невесту в дом жениха сопровождали юноши из числа ее близких родственников (къыз нёгер джашла). Они исполняют роль телохранителей и почетных гостей на свадьбе. В старину, когда свадьбы длились 7 - 10 дней, их количество достигало 40 - 50 человек. Им предоставляли ночлег и угощение на несколько дней. Уезжали они только после брачной ночи. В настоящее время в Карачае и Балкарии бывает 5-7 «къыз нёгеров». В диаспоре этот обычай сочли слишком обременительным для семьи жениха и лет 20 назад исключили из свадебного сценария. Вот как пишет об этом исследователь Невруз Илмаз: «Из-за них в доме было тесно, других гостей не было возможности разместить. Они вели себя вызывающе, проходили на лучшие места, требовали угощения, во время танцев танцевали с лучшими девушками... Утром после брачной ночи от них избавлялись с облегчением. Такие гости были в тягость. Сейчас никто не посылает «къыз нёгерле». Этот обычай, может быть, был и ценен как фольклорный, но он ни на что не годился. Очень хорошо, что он исчез»³. Отметим, что парни в роли «къыз нёгеров» вели себя столь требовательно и шумно не из-за невоспитанности. По обычаю, таким образом они испытывали гостеприимство и терпение хозяев.

В Карачае и Балкарии этот обычай еще сохранился и «по традиции все время своего пребывания в доме жениха дружки невесты считаются самыми дорогими гостями. Что бы они ни говорили, как бы требовательно и вольно ни вели себя - им все позволено»⁴. С присутствием «къыз нёгеров» связано немало различных игр, шуток, забав. Старший из «къыз нёгеров» - «тамада» нес ответственность за поведение остальных. Ведь в случае непозволительных или скабрёзных шуток они компрометировали род невесты. Надо сказать, что ценность этого обычая не столько фольклорная, сколько этнографическая. Он позволяет глубже рассмотреть корни свадебной обрядности. Очевидно, что большая группа мужчин, которые должны вести себя агрессивно, скорее напоминает войско.

Об этом говорит и свадебный атрибут «къыз нёгеров» - знамя невесты (келин байракъ), с которым они прибывают в дом жениха. Все это подтверждает глубокую древность карачаево-балкарского свадебного церемониала. Этим можно объяснить и торжественный прием с обильным угощением после обряда «ау алгъан» гостей со стороны невесты (джыйин), торжественную раздачу подарков родне и многое другое.

Интересно, что родственники невесты (кроме родителей) приезжают на свадьбу группой до ста человек, привозят приданое невесты и богатые подарки всем членам семьи жениха, включая его бабушек и дедушек, а также родных дядей и теток. Обычай идет со времен большой патриархальной семьи, когда вместе с родителями жили взрослые сыновья со своими женами и детьми. Хотя давно уже карачаевцы и балкарцы живут малыми семьями и часто отдельно от родителей, подарки близким родственникам жениха делаются как дань традиции чтить родственные отношения.

Надо отметить, что степень родства у карачаевцев и балкарцев до сих пор как на родине, так и в Турции определяется иначе, чем у других этносов. Счет ведется не с родных, а с двоюродных братьев или сестер. О них говорят «бирде турадыла», т.е. «в первой степени находятся», о троюродных - «экиде турадыла», т.е. «во второй степени находятся» и т.д.

После отъезда гостей во дворе молодежь устраивает танцы (той), а дом освобождают для брачной ночи. Жених тайком приходит к невесте ночью в сопровождении своего дружка (киеу нёгер). Они должны пройти в комнату невесты незамеченными дружками невесты (къыз нёгер).

Невеста ожидает его в компании своей наставницы (къыз нёгер къатын), которая должна подготовить новобрачную к брачной ночи, постелить постель. Молодых оставляют одних. Закрыв дом снаружи, дружка жениха (кюёу нёгер) сторожит у двери всю ночь. В старину бытовал обычай досаждать новобрачным, шуметь под окном, забрасывать что-нибудь в форточку. Сейчас это забыто, но дружка жениха по-прежнему начеку. Утром он уводит жениха в «болуш юй» так же незаметно, как и привел.

В «отоу» заходят ее наставница и одна из снох со стороны жениха. Они должны взять простыню и отнести к пожилым женщинам, чтобы они убедились в непорочности невесты. Надо сказать, что этот обычай в диаспоре почти не поддерживают, не видя в нем никакой необходимости. Исследователь Невруз Ил-маз по этому поводу отмечает: «Здесь среди карачаевцев еще не было случая, чтобы невеста оказалась не девственной. Я думаю, что нет в мире женщин, более берегущих свою честь, чем карачаевки»⁵.

В диаспоре воспринимают обычай проверять простыню как оскорбляющий честь и достоинство девушки и отказываются от него. Таким образом, теряется и функциональное значение наставницы, тем более, что современная молодежь теоретически достаточно осведомлена в вопросах секса. Поэтому в последние годы начал исчезать и специфический карачаево-балкарский обычай присутствия рядом с невестой замужней женщины из числа ее снох.

Например, в августе 1998 года мы были на свадьбе у Джабаевых в с. Башюкж. Невеста оставалась в доме жениха без наставницы (къыз нёгер къатын) и без телохранителей (къыз нёгер джашла).

Вечером, после обряда «ау алгъан», во дворе собирается на «той» почти вся сельская молодежь и гости из других мест. Здесь не бывает нетрезвых, да и за столы молодые обычно не садятся. Девушки и юноши становятся друг против друга, чинно ожидая своей очереди танцевать. Первый танец по обычаю всегда «Абезек». Это парный круговой танец, на который каждый парень приглашает девушку. Затем на остальные танцы она обычно сама выходит к своему партнеру.

Музыка, движения, неповторимая стилистика и каноны старинного «тоя» сохранены без малейших изменений.

Глубокой ночью, после танцев, молодежь, разделившись по возрастным группам, собирается в отведенных для них комнатах в доме жениха или его родственников на «посиделки». Этот обычай, полностью забытый на родине, в Турции сохраняется карачаевцами и балкарцами особенно ревностно. Называют его «накьырда». В русском языке эквивалентами этого слова являются «шутка», «острота», «насмешка». Они верно передают атмосферу обычая, когда парни и девушки могут свободно заигрывать друг с другом, подшучивать. Особенностью этих шуток является то, что они не могут иметь каких-либо последствий и моральных обязательств, т.е. произносятся для игры.

Тем не менее при знакомстве или «испытании чувств», если юноша еще не готов сделать серьезное предложение или девушка не может пока сделать свой выбор, обычай «объяснений в шутку» помогает молодым лучше узнать друг друга и проверить свои чувства. У карачаевцев есть поговорки: «Накьырда - кертини келечиси» (Шутка - посредник правды), «Накьырда ны арты кертти болур» (Конец шутки может оказаться правдой).

Всю ночь девушки и парни проводят, соревнуясь в остроловии и находчивости. Наиболее удачные остроты, прибаутки, реплики становятся своего рода фольклором и передаются из уст в уста. Самые талантливые сочиняют стихи и песни, подражая образцам народных любовных (инар) и шуточных (чам) песен. Также здесь играют в национальные игры. Например, в «колечко» (джюзюк): ведущий вкладывает кольцо в закрытые ладони одной из девушек, а кто-то должен отгадать, кому именно оно попало. Проигравший обычно поет или танцует. Главное условие этих посиделок в том, что все шутки, песни, остроты должны быть на тему любви. Поэтому в диаспоре бытует еще одно название этого обычая - «сьюген» (влюбленный, влюбиться). Отметим, что молодежь собирается именно в то время, когда у новобрачных наступает брачная ночь.

Обычай «накьырда» или «сьюген» языческий. Вероятно, он связан каким-то образом с обычаем демонстрировать простыню после брачной ночи. Описывая сохранившиеся традиции у карачаевцев в Турции, автор книги на турецком языке «Карачаевцы - один из северокавказских народов» Левент Итез отмечает, что еще в середине XX века на ночных посиделках играли в игру-ребус «Чаршаф, будай саттым, бир - эки - юч, казан капак» (Покрывало, пшеницу я продал, один, два, три, крышка котла.), а девушку и парня, обменивающихся шуточными объяснениями в любви, планами на совместную жизнь, называли «сьюген» (влюбленными)⁶.

Шутки, песни, объяснения любовного характера проходят в форме состязания: кто остроумнее, тот побеждает. Иногда юноша состязается сразу с несколькими девушками, а девушка - с двумя парнями. Это - игра, которая позволяет молодым преодолеть скованность, отчужденность, не навлекая на себя обвинений в нескромности.

По горскому этикету предосудительным является уединение молодых, разговоры наедине. В этом нет противоречия с мусульманскими этическими нормами, которые выражены в пословице «Если мужчина и женщина сойдутся в каком-либо месте наедине, то третьим становится шайтан». Карачаевцы и балкарцы также осуждают уединенные встречи, называют их «улли айиб» (большой стыд). Поэтому свадебные игры «накьырда» привлекают молодежь как возможность, вполне легитимную, встретиться друг с другом и пообщаться в непринужденной, веселой компании. Встречи наедине становятся, таким образом, излишними.

Отметим, что турецкий менталитет абсолютно не воспринимает карачаево-балкарский обычай «накьырда», находя его предосудительным. Шутки на тему любви или супружества не приняты в турецком обществе, любые слова на эти темы понимаются однозначно как ухаживание с целью жениться. На таком фоне раскованность и непринужденность горцев выглядит как весьма характеризующий элемент национального менталитета.

Турецкий историк карачаевского происхождения Невруз Илмаз, исследуя национальные обычаи горцев в Турции, отметил, что «накьырда» - весьма распространенный обычай не только в среде карачаевцев и балкарцев, но и у некоторых других кавказцев. «Из кавказских народов карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, осетины, абазины и кумыки не только признают, но и считают «адетом» (обычай) - шутки, остроты, комплименты в отношениях между молодыми. Не понимают и не поощряют этого обычая чеченцы, ингуши и большинство дагестанских народов»⁷.

Невруз Илмаз видит причину такой разницы в том, что в Дагестан, Чечню и Ингушетию раньше проник и утвердился ислам, и обычай «накъырда» был попросту «забыт». Но, скорее всего, особенности в менталитетах кавказских народов намного глубже и уходят корнями в их этногенез. О том, что обычай подшучивать характеризует национальный характер, свидетельствуют карачаево-балкарские пословицы, сохранившиеся в среде потомков мухаджиров. Например: «Чамланычуну джашау къысха, чамчыны джашауу узун» (У того, кто сердится, жизнь короткая, у шутника жизнь длинная).

Култ рода, свойственный горцам, диктует свои законы в морали и этике свадебных обрядов. Обязательным условием для любовных шуток «накъырда» является отсутствие родственных связей между девушкой и парнем. Поэтому знакомство и разговор начинается с выяснения фамилий и перечисления родственников по отцовской и материнской линиям до седьмого колена. А на юношу, оказавшегося родственником, накладывается обязанность покровительствовать девушке как сестре. Девушка, если ей по какой-либо причине не нравится юноша и она не желает с ним играть, чтобы не обидеть его, прибегает к самому верному способу: объявляет его братом. После этого юноша уже не может с ней заигрывать.

Законы родовой экзогамии, т.е. запрет на брак внутри рода, традиционно сильные у карачаевцев и балкарцев, в Турции подверглись жесткому испытанию. Во-первых, турецкое общество никогда не было им подвержено, здесь обычны браки между двоюродными братьями и сестрами. Поэтому нет такого культа родственных отношений, как у горцев. Уединение и даже совместное пребывание в одной комнате девушки с родственником считается предосудительным, как и с любым посторонним мужчиной.

Уезжая из своих сел и расселяясь смешанно с турками, кавказские эмигранты подверглись в какой-то мере ассимиляции и культурному влиянию коренного населения. Во-вторых, сама карачаево-балкарская диаспора так немногочисленна, что родственными отношениями, если считать до седьмого колена, охвачено большинство. В настоящее время не редкость браки между четверюродными (юзде тургъан) братьями и сестрами. Единственный выход - это межнациональные браки. В настоящее время в них состоят почти 2/3 карачаевцев и балкарцев. В больших городах еще больше. Например, в крупном городе Адане из 20 исследованных семейных пар в 16 муж или жена турецкой национальности. В таких семьях общим языком является турецкий, горские этические нормы и обычаи уступают турецким. Как следствие, меняется менталитет детей, они утрачивают национальное своеобразие и самоидентифицируются как турки. Таким образом, стремление к сохранению своей этничности вынуждает карачаевцев и балкарцев, в историческом прошлом активно вступавших в межнациональные браки, поддерживать обычаи и традиции, способствующие созданию семей с партнерами своей национальности. Это предубеждение против межнациональных браков есть естественное стремление противостоять процессам деэтнизации, т.е. потере своих этнических черт.

Несмотря на единую религию, схожесть языка и благоприятные условия для совместного проживания в инонациональной турецкой среде, карачаевцы и балкарцы на протяжении века упорно сопротивляются ассимиляции.

Почти полное отсутствие национальных традиций в материальной культуре, преобладание городского населения над сельским в диаспоре, увеличение межнациональных браков, постепенное утрачивание родного языка - вполне естественный процесс в исторической судьбе малочисленного этноса, не имеющего своего государственного или административного статуса в Турции.

На этом фоне национальные культурные обычаи выступают как элемент важнейшей характеристики этнического самоопределения: ощущения своей самобытности и стремления к ее сохранению.

Это тем более очевидно по сравнению с глубокой трансформацией в материальной культуре.

Важнейший компонент самобытной культуры карачаевцев и балкарцев в диаспоре - традиционный быт - претерпел значительные изменения, особенно во второй половине XX века. В процессе эволюции и неуклонной ассимиляции в окружении намного превосходящего по численности местного этноса потомки мухаджиров утратили почти полностью специфические особенности в хозяйствовании, типах поселений и жилищ, пище и одежде.

§ 2. Материальная культура

Патриархальный характер старого горского быта в Карачае и Балкарии зависел от тяжёлых природно-климатических условий в горах и основного вида хозяйственной деятельности - отгонного скотоводства (малчылыкь). Доктор исторических наук К. М. Текеев приводит следующие данные в монографии о традиционной материальной культуре карачаевцев и балкарцев: «В 1867 г. у карачаевцев насчитывалось 186 471 голов овец при населении около 13 тыс. человек, а в начале XX в. овец насчитывалось около 500 тыс. голов при населении около 31 тыс. человек»⁸. Количество скота на душу населения у карачаевцев и балкарцев значительно превышало численность скота у других народов Кавказа и составляло основу их материального благополучия.

Во второй половине XIX века, после отмены крепостного права, образовались новые селения в предгорьях, жители которых занялись и земледелием (подробно об этом см. в главе I, §1.) До этого периода земледелие играло незначительную роль в экономике Карачая и Балкарии. Тем не менее исследователи убеждены, что предки карачаевцев и балкарцев, несомненно, были прекрасными земледельцами. Об этом свидетельствует их отношение к земле, умение за ней ухаживать, орошать, культивировать соответствующие условиям сельскохозяйственные культуры. «Земледелие не было развито в этот период лишь по причине недостатка земель, пригодных для пашни»⁹. Мечта о свободных землях под пашни (сабаны) подняла значительную часть карачаевцев и балкарцев с места и заставила переселиться в Турцию.

Уклад хозяйствования определял самобытные черты поселений, жилищ, утвари, пищи и одежды. В Турции мухаджиры расселились на равнинах и предгорьях Центральной Анатолии, в районах, с естественно-географической точки зрения пригодных для занятий земледелием и богатых пастбищами для занятия скотоводством. Карачаевцы и балкарцы отказывались селиться в крупных городах, на побережье Чёрного моря, в заболоченных районах. Исконные скотоводы нашли для своих поселений места, позволяющие им свободно заниматься традиционными видами деятельности (подробно об этом см. в главе II, §2.).

В первой половине XX века в Турции традиционное скотоводство ещё играло определяющую роль в хозяйстве мухаджиров. Объединяясь в кошевые товарищества (кьош нёгерлик), мужчины каждую весну выгоняли свои отары на летние пастбища. На альпийских лугах в горных местностях Гёкчейайла, Язы-лыккая, Якыпынар до 60-х годов сохранялась традиция проживания в летних пастушечьих жилищах (кьошла)¹⁰. Разводили главным образом мелкий рогатый скот: овец и коз. Уход за скотом, его лечение, заготовка кормов всегда было исключительно мужским трудом.

Скотоводство давало сырьё для работы женщин: шерсть для ковров, половиков, одеял и т.д., нитки для вязания различных вещей. Продукты скотоводства составляли основную пищу карачаевцев и балкарцев: мясо, сыр, айран, молоко, масло.

Во второй половине XX века в структуре хозяйствования карачаевцев и балкарцев в диаспоре произошли значительные изменения. В Турции природные условия и достаток в земельных наделах позволил потомкам мухаджиров постепенно отойти от скотоводства как основного занятия и заняться земледелием. Ускорила этот процесс механизация и государственная поддержка земледелия. В крестьянских хозяйствах уменьшилось поголовье скота, так как сократились площади под пастбища и луга. Из сельскохозяйственных культур на полях жителей карачаево-балкарских селений преобладают зерновые, главная из которых - пшеница (будай). Кроме того, в вилайетах Кайсери, Сивас и Токат значительны посевы ячменя (арпа), а в вилайете Конья - ржи (къара будай). Для обработки земли, посевов и сбора урожая потомки мухаджиров, как и их предки, часто объединялись в общину или вступали в арендные отношения (ортак)". В настоящее время землевладельцы нанимают работников в соседних турецких или курдских сёлах.

Переходу мухаджиров от скотоводства к земледелию - основному виду деятельности - способствовали более благоприятные, чем в феодальных обществах Карачая и Балкарии, социально-экономические условия, созданные для них в Турции. Земли, выделенные им султаном Абдул-Хамидом, были распределены между семьями поровну. В частной собственности каждого взрослого мужчины оказалось не менее 10 десятин. Имущественные и другие права высшего сословия турецким законодательством признаны не были. Частная собственность на земельные

участки до сих пор составляет для большей части сельчан основу благосостояния. Урожай сдают в государственные закупочные конторы. В случае необходимости продают свои земельные наделы более состоятельным односельчанам. Это привело к возникновению относительно крупных латифундий. Например, в частной собственности Аднана Малконду в с. Башхюйюк сосредоточена почти половина земельных угодий этого селения. Случаи продажи земель участились в последние два-три десятилетия, так как усилился процесс переселения на жительство в крупные города или за границу.

Ремесла и промыслы у карачаевцев и балкарцев исторически были развиты слабо, так как основные виды деятельности: скотоводство и земледелие - вполне обеспечивали все хозяйственные нужды. Занимались в основном ремёслами, необходимыми для нужд семьи и быта: выделкой кожи и выработкой из неё различных изделий, ткачеством, прядением, изготовлением одежды.

Часть продукции женского труда: сукно, бурки, папахи, башлыки и т.д. - поступала на базары и ярмарки. Мужчины в свободное время занимались производством деревянных изделий: посуды, мебели, детских люлек, ульев для пчеловодства и т.д. Из специально обработанной кожи животных карачаевцы и балкарцы изготавливали уздечки, хомуты, плети, подпруги, детали сёдел и т.д.

В Турции до середины XX века, пока скотоводство оставалось основным видом хозяйственной деятельности, навыки традиционных ремёсел ещё сохранялись. Женщины производили почти всю необходимую одежду и обувь для своих семей. Мужчины мастерили из дерева необходимые в быту традиционные вещи. Первопоселенцы пользовались ткацкими станками (чепкенагъач), маслобойными специальными кадками (джыкькьыр), сохами (каладжюк), ручными мельницами (къол тирмен), различными мешками для хранения и перевозки пищи из кожи домашних животных (гыбыт, тулук, къабчык) и другими предметами собственного производства¹².

К середине XX века покупные вещи фабричного и заводского производства постепенно вытеснили старинные традиционные предметы из быта и хозяйства карачаевцев и балкарцев в Турции.

В настоящее время сохранились такие сугубо женские виды ремесла, как вязание, вышивание, шитьё. Используют покупные нитки и ткани, а также, в основном, заимствованные турецкие формы и узоры. Но традиционно каждая девушка должна приготовить собственными руками для своего приданого вышитые полотенца, салфетки, платки, постельные принадлежности. В диаспоре сохранился обычай выставлять на всеобщее обозрение приданое невесты, которое перед свадьбой во дворе родительского дома вывешивается на специальных жердях (къурукъ). Поселения и жилища в карачаево-балкарской диаспоре также претерпели значительные изменения. На Кавказе карачаевцы занимали территории по верхнему течению Кубани и её притоков, балкарцы - по левому притоку Терека, в верховьях Череха, Чегема, Баксана. Обилие воды было свойственно всем местностям, где жили карачаевцы и балкарцы.

Традиционные поселения в Карачае и Балкарии носили характер однофамильных родовых поселений или кварталов (тийре), где жили представители одного рода. «Каждый тийре назывался в соответствии с живущей в нём фамилией»¹³. Наиболее крупные фамилии имели свои кладбища и мечети.

Жилища карачаевцев и балкарцев отличались основательностью и добротностью. Основным строительным материалом для строительства в горных условиях являлся камень, для Карачая, кроме того, были традиционны срубные дома из брёвен. Своеобразен был и двор (арбаз). Основные жилища (юй), дом для молодожёнов (отоу), дом для гостей (къонакъ юй), подсобные помещения (гёзен), загон для скота (бау) располагались в виде замкнутого четырёхугольника с выходами внутрь. Замкнутый двор перекрывался земляной крышей, имеющей отверстия для света или дыма от очагов. Такие массивные сооружения сохранялись в Карачае до XIX века.

В карачаево-балкарских селениях Турции сохранились только фрагменты национальной традиции поселений и жилищ.

Первоначально мухаджиры стремились расселиться в долинах рек. Но заболоченность и распространение малярии по течению р. Порсук вынудили их искать другие места. В результате некоторые селения (Язылыккая, Килиса, Доулат, Белпинар, Якапынар) карачаевцы и балкарцы основали в холмистой или гористой местности, богатой родниковыми водами и лесом.

Самое крупное селение Башхюйюк, расположенное в Конийском вилайете, имеет достаточно земли под пашни и пастбища. Но недостаток воды и леса является главным недостатком этой

местности. Жители усиленно стараются озеленить своё селение, высаживая из года в год деревья, выкапывают колодцы. В 1989 году здесь доставали воду с глубины 20 метров, а в 1998 году уже из глубины 60 м¹⁴. В 1995 году на окраине села было создано искусственное озеро, в котором разводят рыбу.

Что касается типа поселений, то, например, селение Башхойюк было заселено первопоселенцами строго по традиционному принципу патронимических кварталов. До настоящего времени здесь сохранились тийре Эльджоркаевых, тийре Канаматовых, тийре Шобайдаковых, тийре Болуровых, тийре Кочкаровых, тийре Кипкеевых, тийре Джаубаевых и т.д.

Старинные постройки, сохранившиеся с нач. XX в.

Один из домов, построенных для карачаевских мухаджиров по приказу султана Абдул-Хамида II. Башхойюк. 1998 г.

Карачаевский двор (арбаз) с пристройками. Башхойюк. 1998 г.

Очаг (отджагъ) во дворе Зурият Сабанчи. Башхойюк. 1998 г.

Прядение шерсти в старом дворе. Килиса. 1998

Некоторые селения в диаспоре первопоселенцы основали по сословному принципу. Представители высших сословий надеялись сохранить свои привилегии в Турции. Поэтому они приложили немало усилий, чтобы склонить к переселению значительную часть трудового крестьянства. Но земли по указу султана были поделены поровну между всеми мухаджирами, а права князей и узденей упразднены. Тогда многие семьи высшего сословия, отказавшись жить вместе с бывшими подвластными, ушли на новые места и основали свои отдельные селения. Так было основано мухаджирами первой волны (1884 - 1887 гг.) селение Ар-паджи-карачай в районе г. Сулусарай Токатского вилайета. А мухаджирами второй волны (1905 - 1906 гг.) - селение Якапынар в 100 км от г. Эскишехира.

Почти все поселения имеют строгую планировку, так как специально проектировались и строились по приказу султана Абдул-Хамида для расселения мухаджиров. Каждая семья получила стандартный двухкомнатный дом с 3-4 окнами и подворье¹⁵.

В Анатолии почти повсеместное наличие глины, пригодной для производства кирпича. Это сделало её основным и дешёвым строительным материалом для возведения домов для мухаджиров. Немало этих первых домов сохранилось до настоящего времени. Только старые плоские земляные крыши поменяли на двускатные, покрытые черепицей.

Постепенно карачаевцы и балкарцы пристраивали к основному дому жилище для женившегося сына, подсобные помещения, загон для скота, зернохранилище, придавая своему двору традиционный вид прямоугольника. Эта традиция жила до середины XX века.

В настоящее время во многих сёлах ещё сохранились подобные дворы. Во дворе Зурият Сабанчи в с. Башхойюк в замкнутом четырёхугольнике двора сохранился даже очаг (отджагъ) у стены между двумя сараями. Прямоугольную форму имеет старый двор Ссита Коркмаза в с. Белпинар. Открыта только сторона, примыкающая к огороду и саду.

В настоящее время жители карачаево-балкарских селений строят современные одноэтажные или двухэтажные дома со всеми удобствами. Хозяйственные и другие постройки со двора убирают.

Каждое селение имеет общие мечети и кладбище. Где бы ни умер выходец из данного селения, по традиции, он должен быть похоронен в своём селе. До последнего времени на сельские кладбища привозили хоронить умерших даже из США, Германии, Голландии, где часть карачаевцев и балкарцев проживает по два-три десятилетия. В настоящее время эта традиция часто нарушается в интернациональных семьях, давно живущих в крупных городах. Если муж или жена турецкой национальности, они чаще всего настаивают, чтобы похороны состоялись на городском кладбище, так как все мусульмане равны, тем более после смерти. Национальная традиция уступает мусульманской.

Интерьер и утварь в домах карачаевцев и балкарцев до XX века не отличались особым разнообразием. В основном деревянную посуду и мебель изготавливали сами. В Турции мухаджиры также пользовались предметами собственного производства: чашками различных размеров (аякъ, гоппан, чёмюч, чара), ложками (къашыкъ, чолпу), кадками (джыкъкъыр) и кадучками (бёчке) и т.д. Традиционной была и мебель: кровати (орундук), маленькие стульчики (шиндик), столики (тепси), полки (тапха), сундуки (кюбюр).

Под влиянием турецкой культуры в интерьере комнаты для гостей появились большие плоские подушки на полу, где рассаживаются обычно для беседы.

В настоящее время элементы традиционной культуры в интерьере можно заметить только в сельской местности. Например, сохранились маленькие треногие столики-подносы (тепси), национальные люльки для младенцев (бешик) со специальным приспособлением (сыппа), сундуки для хранения приданого дочерей (кюбюр), ковры ручной работы (кийиз).

Ковры, обычно турецкого фабричного производства, стелят только на пол, на стены не вешают. Как в городе, так и селе пользуются современной мебелью и утварью.

Национальная кухня карачаевцев и балкарцев достаточно самобытна, на Кавказе она сохранилась и пользуется популярностью не только у карачаевцев и балкарцев, но и у других народов России.

Основные национальные блюда состояли из продуктов животноводства. Самыми распространёнными блюдами являлись тишлик (шашлык), джёрме и сохта (блюда из внутренностей), къыйма (колбаса), эт хычын (мясной пирог), шорпа (мясо с бульоном), айран (кислое молоко), гыпы (кефир), бышлакъ (сыр), кумыс и т.д. Из-за нехватки своего зерна мучная пища была представлена гораздо беднее.

В Турции изобилие зерновых, овощей и фруктов привело к тому, что постепенно пища карачаевцев и балкарцев была заменена турецкими блюдами. Вошли в повседневный рацион различные салаты, рыба, восточные сладости, чай и кофе.

Но во многих семьях любимым блюдом остаётся национальный пирог с мясной или картофельно-сырной начинкой (хычын).

Изменения в пище привели и к трансформации в обрядовой сфере. Ритуальные трапезы сохранились, но престижно-знаковые функции тех или иных блюд постепенно были утрачены. В первую очередь это касается способа разделки и раздачи жертвенных барашков. Традиционно к каждому праздничному событию: свадьбе, рождению ребёнка, приезду гостя и т.д. - карачаевцы и балкарцы резали барана и разделяли его строго по суставам. Должно было получиться не менее 20 долей (юлюш).

Каждая кость имела своё название: грудинка (ногъана), четыре порции по два ребра лопатки (джуорун), плечевые кости (бузук), кости предплечья (къысха илик), берцовые кости (ашыкъ илик), тазовые кости (джансюек), рёбра (иеги), части позвоночника (омраула). Их преподносили соответственно престижности тамаде, старикам, гостям, соседям, детям. Тамаде за столом непременно приносили голову жертвенного барана (баш джар-ты) и одну из лопаток (джауорун), старикам и самым почётным гостям доставались грудинка (ногъана), плечевые кости (базук), тазовая часть (джансюек).

После подачи на стол мяса жертвенного животного эфенди или кто-либо из старейшин читал молитву (дуа), произносил здравицы (алгыш). Любимым развлечением было гадание по лопатке, после которого кость выбрасывали, обязательно разломав тонкую часть.

Этот обряд праздничной трапезы бытует в Карачае и Балкарии до сих пор. В Турции он утрачен: редкий мужчина может правильно разделать животное, вспомнить название и предназначение тех или иных кусков мяса, забыты правила гадания по лопатке.

В последние годы даже на свадебное торжество вместо целых частей барана чаще готовят для угощения гостей плов с мясом жертвенных животных. Подают различные другие блюда турецкой кухни.

В праздничных трапезах карачаевцев и балкарцев, как и их далёких предков, большую роль играли национальные хмельные напитки (боза). За столом тамаде всегда помогал виночерпий (шапа), которым назначался самый младший из присутствующих мужчин, обычно младший зять. Тамада давал слово для тоста всем по очереди, в зависимости от возраста, родственных отношений, социальному статусу. Только по разрешению тамады шапа разливал всем спиртное. В таком виде праздничные застолья сохранились на Кавказе.

Известно, что ислам полностью запрещает употребление алкоголя, это отразилось и в быту потомков мухаджиров в Турции. Так как в диаспоре совершенно исключены спиртные напитки на торжествах, то длительных застолий с многочисленными тостами нет. За стол садятся только поесть, обязательно произнося сакральные для всех мусульман фразы: до еды «Бисмиллях» (Во имя Аллаха), после еды «Алхамдулиллях» (Хвала Аллаху).

Отметим, что в еде карачаевцы и балкарцы исключительно умеренны и скромны, считается неприличным показывать голод или хороший аппетит. Без приглашения за стол никогда не садятся и даже не ходят на торжества. Сохранились пословицы, указывающие на правила хорошего тона: «Чакъырылмагъ-ан джерге барма, чакъырылгъан джерден къалма» (В место, куда тебя не пригласили, не ходи, а от приглашения не отказывайся). «Тойгъа барсанг - тоюп бар, эски тонунгу къююп бар» (На свадьбу идёшь - сытым иди, старую шубу оставив, иди). «Бастанг болмагъан джерге къалагъынгы урма» (Не суй ложку туда, где твоей басты (каши) нет).

Праздничные трапезы карачаевцев и балкарцев не ограничивались едой и питьём. Устраивались настоящие соревнования в остроумии, находчивости, умении петь исторические песни, рассказывать предания и легенды про старину. Эта традиция сохранилась в диаспоре. Только для беседы пересаживаются на диваны или специальные подушки на полу в отдельной комнате. Летом собираются во дворе, под навесом.

В диаспоре сохранился обычай потчевать мужчин, женщин и детей отдельно. За один стол они садятся только в своих семьях, но только не в гостях. Это соответствует и турецкому этикету, также не допускающему совместных трапез мужчин и женщин.

Национальная кухня карачаевцев и балкарцев, имеющая древнюю и богатую традицию, в настоящее время почти полностью утрачена в диаспоре.

Старшее поколение женщин с удовольствием готовят хы-чыны, но молодые хозяйки предпочитают менее трудоёмкие блюда богатейшей и очень дешёвой турецкой кухни.

С 1992 года национально-культурным центром ежегодно на второй день после Курман-байрама стал проводиться в с. Башхюйюк праздник «Хычын кюн» (День хычына). Женщины готовят это блюдо и накрывают столы для односельчан и многочисленных гостей, съезжающихся со всей диаспоры. Это свидетельствует о сожалении об утрачиваемых традициях в быту и стремлении их возродить.

Одежда и украшения горцев, приводившие в восторг путешественников и исследователей, в Турции были запрещены ещё в 1923 году¹⁶. Тогда правительством Ататюрка были разогнаны национальные центры этнических меньшинств в целях предотвращения сепаратизма.

Богатые золотые и серебряные нагрудники (кюбе тюбле или тюймеле), пояса (кямар), газыри (хазырла), кинжалы (къа-мала) большей частью были или проданы, или переплавлены в турецкие украшения. Женские и мужские платья (чепкен) с национальными украшениями многие отдавали в музеи. Так, некоторые жители с. Башхюйюк в 40-х годах передали их в Музей исламского искусства (бывший монастырь Мевлана) в городе Конья¹⁷.

Карачаевцы и балкарцы заимствовали некоторые элементы турецкой национальной одежды. В сёлах пожилые женщины и теперь часто носят распространённые турецкие штаны (шальвар), широкие сверху и сужающиеся книзу, длиной до лодыжек. Их надевают иногда поверх платья. Они удобны и функциональны, так как обычно женщины рассаживаются для бесед на напольных подушках. Для мужчин привычными стали тёплые турецкие безрукавки (йелек), которые надевают поверх рубашки. В основном карачаевцы и балкарцы перешли на одежду собственного или фабричного производства общеевропейского покроя.

Надо сказать, что во многих семьях женщины сохранили национальную одежду как реликвию. Особенно серебряные женские пояса, которые передаются в семьях от матери к дочери. А традиционные вышитые шёлковые шали с кистями (чилле джа-улукъ) и до настоящего времени остаются престижной частью приданого. Но функциональное значение их уже утрачено. Дело в том, что для центрального обряда свадебной церемонии - снятия с головы невесты платка (ау алгъан) теперь используют более лёгкие платки, более гармонирующие с современным нарядом невесты.

В настоящее время национальные костюмы в Турции шьют для танцевальных коллективов в северокавказских культурных центрах, возрождённых в последние десятилетия.

Длительное проживание в Турции, в новых исторических условиях, отразилось наиболее отчётливо в материальной культуре. Изменения в хозяйственной деятельности, влияние образа жизни, быта, традиций турецкого населения привели к трансформации самобытных специфических черт в жилищах, одежде, пище, утвари малочисленной общины горцев. Этому способствовала и государственная политика, направленная на нивелирование этнических особенностей национальных меньшинств в Турции.

§ 3. Фольклор, литература и наука в диаспоре

Фольклор - поистине бесценное наследие наших предков. В произведениях устного народного творчества реализованы нравственные законы, философские идеи, исторические уроки предшествующих поколений. В Карачае и Балкарии проделана огромная работа по собиранию и изучению карачаево-балкарского фольклора. Но она будет неполной, если к ней не присовокупить «золотые страницы», записанные в среде мухаджиров в Турции.

Сохранение и бытование карачаево-балкарского фольклора в диаспоре свидетельствует о его огромной роли в воспитании у подрастающего поколения национального менталитета и стремлении сохранить самобытность.

В 1949 - 1951 годах собиранием фольклора занимался замечательный карачаевский историк и фольклорист, автор книг на турецком языке, в разное время живший в России, Германии, Турции, Америке, неутомимый собиратель народных песен, сказок, пословиц, здравий Махмут Асланбек. Его неопубликованный архив хранится у издателя литературно-публицистического журнала на турецком языке «ВШезИс КаГкагуа» Илмаза Невруза (Сылпагарланы). Часть рукописного наследия Махмута Аслан-бека находится у дочери Айбике и двоюродного брата Садыка Дуда в г. Дурхам (США).

В этом журнале впервые в Турции, благодаря энтузиазму его издателя, опубликовано немало оригинальных, неизвестных у нас вариантов карачаево-балкарских народных песен. Некоторые из них уникальны. Например, «Нарик улу Чора» - одна из самых старинных песен, повествующая о событиях XVI века, в период противоборства Московского царства и Крымского ханства (текст с подстрочным переводом дан в Приложении).

К сожалению, в стихотворной форме сохранились лишь несколько монологов, остальная история прославленного ногайского мурзы Нарик улу Чоры дана в жанре легенды с элементами сказки. Прозаический пересказ не столь консервативен, как поэтический. Заметны многие элементы вольного изложения с искажением некоторых важных исторических реалий. Тем не менее это произведение по праву может занять первое место в ряду уникальных исторических песен, сохранившихся у карачаевцев и балкарцев в диаспоре. Здесь присутствуют отличительные черты этого своеобразного жанра. Например, исторические персоналии и события названы и указаны. Повествование начинается с указания точного места рождения героя: «Нарик деген, Къарачайгъа хоншу бир ногъай элде» (В Нарике - соседнем Ка-рачаю селении). Описаны исторические события и эпизоды. Даны имена матери Минсели, жены Къутлукъыз, гостя, поправшего законы гостеприимства, Алибия.

Ахтаришин Алибий!
Алибий тюл, тели бий,
Тосча келип душманча кетесе,
Сары аджирны сормай къайры элтесе?
Ахтаришин Алибий!
Не Алибий ты, а глупый бий,

Историк и фольклорист Махмут Асланбек с женой Севим (Сылпагарланы) и дочерью Айбике. США, г. Дурхам. 1978 г.

Доктор филологических наук, автор монографии «Тема Кавказа в русской литературе» Садык Дуда с женой Софьей, сыном Тураном и дочерью Тюлюн. США, г. Дурхам. 1994 г.

Рукопись исторической песни «Азнауур». Записана Махмутом Асланбеком на карачаевском языке латинскими буквами. Анкара, 1951 г. Подарена автору двоюродным братом Махмута Садыком Дуда.

Как друг приехав, как враг уезжаешь,
Рыжего жеребца без спроса куда угоняешь?
(Подстрочный перевод автора.)

Убив в поединке коварного гостя, Чора отправился в Крым на помощь единоверцам. Героические подвиги и любовные приключения Чоры заканчиваются смертельным поединком между героем и его сыном, которого он признаёт по золотому кольцу, подаренному когда-то его русской матери. Образ Нарик улу Чоры столь поэтизирован, безупречен, что он напоминает сказочного богатыря. Отношение к нему восхищенное и любовное, несмотря на его инородность. Без сомнения, в те далекие времена связи между карачаевцами и ногайцами, во всяком случае между владельческими родами, были не просто добрососедскими, но и кровными, родственными. Фольклор дает немало свидетельств этому.

В ногайском героическом эпосе сказание о Чоре («Шора-батыр») по праву занимает одно из центральных мест¹⁸. Очевидно, карачаево-балкарский вариант поможет исследователям этого замечательного произведения полнее воссоздать образ и историю выдающейся исторической личности.

Сказание и песня «Нарик улу Чора» были записаны Махмутом Дуловым в 1952 году в с. Якапынар от Абаева Хаджимырзы, переселившегося в Турцию в 1905 году в возрасте 21 года". Впервые текст опубликован Илмазом Неврузом в журнале «Бирлешик Кафказья» в 1998 году.

Вариант народной песни «Ачемеи улу Ачемез», в отличие от других известных у нас текстов, интересен тем, что содержит прямое указание на то, что в Карачае попытки насадить крымскими ханами обычай «права первой ночи», как в Кабарде, не имел успеха. Ачемез гордо отвечает ханским послан на требование предоставить жену, красавицу Боюнчак:

Тиширыу намыс сатар элим - тийрем джокъ.
Боюнчакъны ханга къояр кюнюм джокъ.

Женскую честь продающих у меня селений -
кварталов (здесь: народа) нет
Боюнчак хану оставить у меня дня (здесь: возможности)
нет.
(Подстрочный перевод автора.)

Эта песня прекрасно иллюстрирует исторические реалии XVI - XVII веков. Махмут Дудов записал её в 1951 году со слов Шгида -кова Исмаила и Дудова Тенгиза²⁰.

Судьба сыновей карачаевского князя Бекмырзы Крымшам-халова и его красавицы невестки Гошаях Бийбердовой хорошо известна по лирико-эпическим песням «Къаншаубий» и «Гошаях-бийче»²¹. Историки и филологи не прекращают споров вокруг героев и их национальной принадлежности. Между тем внимательное и беспристрастное прочтение всех песен из этого цикла не оставило бы места вольному трактованию. Поэтому вариант, записанный Дуловым в Турции, также должен учитываться при анализе этого выдающегося памятника карачаево-балкарской поэзии. Большинство песен и сказаний, рождаясь в Карачае, имело широкое распространение и среди соседних народов.

Карачаевские лирико-эпические и героические песни отличаются удивительной конкретикой в том, что касается персоналий и реалий описываемых событий. Это позволяет отнести их к разряду исторических песен и использовать как один из важнейших источников для изучения истории народа.

В этом отношении весьма ценны песни о взаимоотношениях с соседними народами, о набегах с целью угона скота. В песне «Загошток улу Чепеллеу» герой угоняет скот и пленников у сванов в отместку за их постоянные набеги²². Он не мог, по обычаю, оставлять без отмщения подобное воровство из-за своего социального статуса. Князья в Карачае должны были защищать

подвластные им селения и регулировать отношения с соседями. Чепеллеу был княжеского рода и потому был вынужден идти в ответный набег. В начале песни он рассказывает жене сон, в котором покойный отец стыдит его:

Манга айланьп ачыуланды, урушду.
Андан титиреп, эки бутум кьурушду.
Ушамайса манга, деди, кьызбайса,
Къатын кибик юйге кирип тураса.
Джокьду сенде мен излеген кишилик,
Тукьумну этдинг, Тейри бедишлик.
Эбзелеге кьой кьошунгу сюрдюрдюнг,
Душманланы юсюбюзге кюлдюрдюнг.

(Отец) ко мне обернувшись, разозлился, отругал.
Его испугавшись, обе ноги у меня отнялись.
-Не похож ты на меня, сказал: ты трус,
Как женщина, в дом зайдя, живешь.
Нет в тебе, как я хотел, мужества,
Род свой покрыл, Тейри (здесь: клянусь богом), позором,
Сванам баранов стадо дал угнать,
Врагам дал над нами посмеяться.
(Подстрочный перевод автора.)

Чепеллеу с двумя друзьями сполна отомстил захватчикам, но смертельно раненый погиб. Песня «Джандар» повествует о героической защите своего коша молодым парнем, в одиночку встретившим напавших кы-зылбеков и убившим семерых из них²³. Вариант, записанный в Турции, примечателен более подробно очерченным женским образом Сатанай, известной исторической личности в Карачае:

Ёлюклерин джюклеп ёгюз чанагъа,
Ит тамлыла кьуюлдула Марагъа.
Бу кёзюуде таулу аскер джетеди,
Мара тарда къачар джолну кеседи.
Сатанайды оноу эткен Марагъа,
Хапар эшитип, келип кирди арагъа.
Таулулагъа тешип атды джаулугъун:
Мен суймеймс хоншуланы джаулугъун,
Тишириума, хатерими кёрюгюз,
Тамлыланы ёлюклерин беригиз.
Чана толу ёлюк саугъа элтсинле,
Бедишликге итле кибик кетсинле.
Къызылбекле тау кьошланы кьуртуду,

Ой, Къарачай батырланы джуртуду.
Убитых погрузив в бычьи сани,
Собаки - тамлинцы высыпали в Мару.
В это время горский отряд подоспел,
Из Марийской теснины путь им отрезал.
Сатанай управляет Марой.
Весть услышав, пришла, зашла в середину,
Перед горцами, сняв, бросила свой платок:
Я не люблю между соседями вражду,
Я женщина, честь мне окажите,
Тамлинцам убитых их отдайте,
Сани, полные трупов, в подарок пусть везут,
На позор, псам подобно, пусть уходят.

Кызылбеки - горных ко шей волки,
Карачай - богатырей отчизна.
(Подстрочный перевод автора.)

В карачаево-балкарской диаспоре сохранился полный текст поэмы «Азнауур»²⁴ (текст с подстрочным переводом дан в Приложении). Это одно из лучших произведений карачаево-балкарского устного народного творчества по своему поэтическому совершенству и богатству этнографического содержания. Историческое событие, составляющее сюжет поэмы, отражает обычаи, быт, нравственные законы горцев в XVII веке.

Молодые кабардинские князья во главе с Кайтук улу Хамза-том по своему обыкновению отправляются в набег за ногайскими табунами. Но чтобы пройти через горы, им не обойтись без проводника. Они упрашивают известного своей храбростью и непобедимостью горского князя Ийбак улу Азнауура. По законам гостеприимства и сословной солидарности он не может им отказать, хотя:

Азнауур джаратмайды кьонакъланы быллай
чюйре тилегин,
Аны быллай ишле алгъын кибик учурмайды джюрегин.

Азнаууру не нравится гостей такая оскорбительная просьба,
Его такие дела, как раньше, не вдохновляют сердце.

(Подстрочный перевод автора.)

Кроме того, князья слишком неопытны и чванливы, и Азнауур понимает, что вся тяжесть предпринимаемого похода ляжет на него. Ногайцы хорошо знают его белого коня и меткое ружье. Узнав издали Азнауура, они не станут сопротивляться, и кабардинцы припишут себе легкую победу...

Быллай иш болурму, кёргюзтсунле джашла
керти джигитлик,
Къыйин урушлада танытсынла, мени кибик, кишилик.

Такое дело возможно ли, пусть покажут парни
настоящее геройство,

В трудных битвах пусть проявят, мне
подобно, мужество.

(Подстрочный перевод автора.)

Азнауур меняет своего испытанного коня и знаменитое ружье. Но сон его жены, вещуньи Джансарай из рода Абаевых, оказывается вещим. Кабардинские князья погибают из-за высокомерия и самонадеянности, но и Азнауура убивает собственный племянник Мырзакан, сын сестры и ногайского мурзы, не узнав его на другом коне.

Завораживает сюжетно-композиционная последовательность, подробная и конкретная картина жизни и быта, яркие и убедительные образы, тонкий психологизм и поэтичность этого произведения. Оно может стать предметом исследования не только филологов, но и историков, изучающих историю народа XVI - XVIII веков.

Песню. «Гетман улу Ильяс» (текст с подстрочным переводом дан в Приложении) Дудов записал в 1948 году в Германии из уст Абукова Хубия и Халкечева Джагъафара²⁵. Здесь мы видим исторические реалии второй половины XIX века. Горские селения уже окружены казачьими хуторами и постами. Чтобы заручиться поддержкой местных феодалов при колонизации Северного Кавказа, царское правительство щедро одаривало некоторых из них «за верность» земельными наделами в частную собственность.

Один из таких землевладельцев князь Адамей Карабашев, Царский офицер, награждённый орденом св. Станислава за участие в русско-турецкой войне, является персонажем этой песни. Он отправляет троих своих верных людей в набег на казачий пост, расположившийся на его землях. Князь уговорил Хубиева Ильяса принять участие в угоне скота из казачьей станицы:

Не ючюн сюрмейсе, джаным, сен алгъын кибик,

ой, сарыкъулак голчула?

Аланы берир эдим, Тейри, ой, Уллу Морхда мени мюлк
алгъан борчума.

Почему не угоняешь, душа моя, ты, как раньше,

ой, желтоухих, криворогих?

Их отдал бы я, Тейри (здесь: Клянусь Богом), на Большом
Морхе за мои собственные земли долги.

(Подстрочный перевод автора.)

Эта песня прекрасно иллюстрирует жизнь горцев второй половины XIX в., когда из-за экспроприации горских земель в пользу казачества и угрожающего малоземелья в Карачае сложились условия, предопределившие массовое переселение карачаевцев в Турцию в 1884 - 1887 годах.

Надо отметить, что традиция карачаевской исторической песни всегда точно и по возможности полно указывает национальную принадлежность, имена, названия, передавать прямую речь героев, сводить до необходимого минимума авторские комментарии делает их информационную основу вполне заслуживающей доверия историков и этнографов.

В издававшемся в Анкаре журнале «Карачай-Малкар» историк и фольклорист Адилхан Адилгоглу (Аппаланы) опубликовал несколько сказаний карачаево-балкарского богатырского эпоса «Нарты»: «Цветок Сатанай», «Нарт Ёрюзмек», «Сатанай-бийче», «Ёрюзмек убивает рыжебородого Фука», «Нарт Ёрюзмек и Сатанай», «Ёрюзмек и шайтаны»²⁶. Он также написал содержательный комментарий на турецком языке к древнейшему эпосу с целью ознакомить с этой великой сокровищницей народного творчества более широкий круг читателей.

Одним из замечательных жанров карачаево-балкарского фольклора являются песни-плачи (кюу), которые создавались в ответ на трагические события. Эта традиция была жива в диаспоре до середины XX века. Люди старшего поколения ещё помнят некоторые из подобных песен. К ним относятся, например: «Песня ушедших в Стамбул», «Акбийче и Рамазан», «Марьят».

История трагической любви молодого эфенди, одного из активных агитаторов за переселение в Турцию, и племянницы старшины аула, царского офицера, отражена в популярной до сих пор песне «Акбийче и Рамазан» (текст с подстрочным переводом дан в Приложении). Неизвестный в Карачае вариант этой песни сложила родная сестра Акбийче Устаджан. Она умерла в 1987 году в с. Башхюйюк почти в столетнем возрасте. От неё эту песню записал исследователь Уфук Таукул²⁷. Судьба разлучённых влюблённых прекрасно иллюстрирует зловещую роль мухаджирства в личной жизни карачаевцев и балкарцев, потерявших навсегда своих близких родственников.

«Песню ушедших в Стамбул» (текст с подстрочным переводом дан в Приложении) хорошо знают и на родине, её принесли назад те из мухаджиров, которые не выдержали тяжёлых условий в Турции и вернулись в Карачай перед революцией. Она была любимой песней известного джырчы (народного певца-сказителя) Къапруч улу Муссы из Теберды. Он говорил: «Я плачу, когда пою о людях, расставшихся со своей родной землёй, когда представляю, как в далёкой Турции среди чужих людей, в тесноте чужих обычаев, чужих законов блуждают бедные горцы»²⁸. Эта одна из самых проникновенных и печальных песен, показывающих, какой трагедией было для горцев мухаджирство.

Песня «Марьят» интересна тем, что представляет собой образчик национального песенного жанра, сложена по всем канонам карачаево-балкарской песни-плача. В первые годы жизни в Турции карачаевцы и балкарцы пережили страшные эпидемии. Сотни людей умерли от малярии, холеры, кори. Оплакивая молодых невинных жертв национальной трагедии, умирающих на берегах чужой грязной Порсук-реки, женщины складывали песни-плачи, как это делали на родине.

Азраил келгенди, Тутарашлада къышлайды.

Агъы бурун келинлик къызлары бла

Кюеулук джашларындан башлайды.

Азраил (ангел смерти) пришёл, у Тутарашевых зимует.

Сперва с заневестившихся дочерей и
Женихов-сыновей начинает.
(Подстрочный перевод автора.)

Самым живучим в диаспоре оказался жанр шуточно-любовных песен-четверостиший (инар), которые молодые люди с удовольствием складывают и поют до сих пор на свадьбах, во время ночных посиделок. Они тоже сохранили все свои жанровые особенности, несмотря на то, что иногда из-за слабого знания родного языка их сочиняют и на турецком языке. Многие инары, передаваясь из уст в уста, сохранились со времён жизни на родине. Приведём несколько образцов четверостиший, записанных на свадьбе в диаспоре.

Уллу сууну кёпюрю,
Экибиз минсек кётюрюр.
Мен да сени алырем,
Ол гяуур атанг ёлтюрюр.

На большой реке мост,
Вдвоём если взойдём, выдержит.
Я бы на тебе женился,
Да тот гяуур («неверный») - твой отец меня убьёт.

Кьолумдагьы джюзюгюм
Кьоргъашынлай ауурду
Сени да манга бермеген
Джети орусдан гяуурду.

На руке моей кольцо,
Подобно свинцу, тяжёлое.
Тебя за меня не отдающий
Семерых русских «невернее».
(Подстрочный перевод автора.)

Также в связи с функциональным значением в свадебной обрядовости живы в диаспоре карачаево-балкарские здравицы (алгъышла), уходящие корнями в глубь веков. Приветствия и благопожелания молодожёнам, их семьям и родам традиционно речитативом произносят самые красноречивые из гостей. Обычно алгыши состоят из нескольких десятков строф. Талантливые ораторы могут импровизировать и вставить в общую канву несколько строф. Но основной текст очень древний, о чём свидетельствует обращение к верховному божеству древнетюркского пантеона Тейри, яркое проявление дуализма в образах, метафорах, почитание чаши с медовым напитком и т.д.

Тейри онг берсин,
Тейри джалбарсын,
Онг айландырсын.
Игиликни бери этсин,
Аманлыкъны кери этсин.

Тейри пусть свет даст нам,
Тейри пусть нас защитит,
На верный путь наставит.
Добро к нам повернёт,
Зло от нас отвернёт.

Алгъыш аякъ - бал аякъ.
Кьолубузгъа алайикъ,

Тилибиз бла джалайикъ.
Уллуду бу аякъны хурмети.
Джарыкъ болсун муну эткенни бети...

Чаша для алгыша - медовая чаша.
В руки давайте возьмём,
Языком оближем (пригубим).
Велика этой чаши благодать.
Светлым пусть будет лицо того, кто сделал её (чашу).
(Подстрочный перевод автора.)

Мусульманские догмы почти полностью вытеснили из духовной культуры потомков мухаджиров всякое упоминание языческих богов, традиций, обрядов. Поэтому в настоящее время в диаспоре имя «Тейри» в алгышах, как и в песнях и пословицах, заменяют на «Аллах», благопожелания заканчивают обязательным «Амин».

Амин деген тилегин табсын,
Амин демеген тилин къабсын.
Мен алгыш эте билмейме.
Сыйлы Аллах алгыш этсин,
Пайхамбар амин десин.

Амин сказавших просьбы пусть исполнятся, Амин не сказавшие языки пусть прикусят Я алгыш говорить не мастер. Всемогуший Аллах пусть алгыш сотворит, Пророк пусть амин скажет.
(Подстрочный перевод автора.)

Отметим также, что в диаспоре бережно сохраняется такой жанр народного творчества, как пословицы и поговорки, в которых заключена мудрость народа, его опыт и нравственные законы. Часть пословиц опубликована в журнале «Бирлешик Кафкасыя».

В обыденной жизни карачаевцы и балкарцы старшего поколения часто используют в разговоре пословицы и поговорки в целях воспитания, назидания. Так молодёжь усваивает ценностные ориентиры своих дедов: почитание родни, стариков, трудолюбие, скромность, верность. Приведём несколько примеров.

Джуукъсуз адам - тамырсыз терек (Без родни человек - без корней дерево). Джуугъу джокъну - сыйы джокъ (У кого родни нет - у того и почёта нет). Джол табхынчи - джолдаш таб (Прежде, чем выбирать дорогу - выбери товарища). Чакъырылгъан джерге эринме, чакъырылмагъан джерге кёрюнме (Туда, куда приглашают - не ленись, туда, куда не звали - не показывайся). Вир кюнню нёгер болсанг, минг кюнню салам бер (Один день другом если был, тысячу дней привет передавай). Джигерны тан-гы алгъа атар (У трудолюбивого и рассвет раньше наступит). Аман адам атасы анасы бла даулашыр (Плохой человек с отцом и матерью поспорит). Акъыллы эркиши малый махтар, тели эркиши къатынын махтар (Умный мужчина скотину свою хвалит, глупый мужчина жену свою хвалит). Къзынги эли юйде джатдыр ма, джашынга базар хантны татдырма (Дочь в чужом доме ночевать не оставляй, сыну к базарным блюдам вкус не прививай).

С выходом в свет карачаево-балкарского журнала «Карт-джурт» в диаспоре появилась возможность печатать произведения наиболее талантливых авторов на родном языке. Прежде всего, это религиозная литература. Так как в числе мухаджиров было очень много высокообразованных священнослужителей, то из их среды вышло и немало сочинителей религиозных поэм. Только в настоящее время записаны и опубликованы произведения Хачирланы Юсуфа, Уар Хамзата и др. Наряду с мусульманскими канонами в них пропагандируются лучшие качества национального характера, звучат призывы к миролюбию, трудолюбию, стремлению к знаниям и добропорядочности.

Можно сказать, что в диаспоре начинает развиваться поэзия. Стихи и поэмы потомков мухаджиров, написанные на родном языке, наполнены неизбывной тоской по незнакомой Родине, земле предков, стремлением сохранить свою самобытность и свою культуру.

Большое внимание уделяют в диаспоре сохранению карачаево-балкарского хореографического искусства. Детей с детства учат национальным танцам. А так как на свадьбы обычно приглашают очень много молодёжи из сел и городов, можно сказать, что традиция карачаево-балкарского тоя

(свадьбы) сохранилась в Турции намного лучше, чем на Кавказе. Преподаватель Анатолийского университета Кочхарланы Мухаммат-Текин написал замечательную книгу «Кавказские народные танцы», в которой обобщил свои знания и опыт руководителя ансамбля, созданного им в Стамбуле.

Национально-культурные центры северокавказцев в Стамбуле, Анкаре, Эскишехире создают ансамбли кавказского танца для студентов из среды потомков мухаджиров.

В диаспоре развивается историческая наука. Илмаз Невруз, Уфук Таукул, Адилхан Адылоглу, Дилбер Каншау, Хурриет Эр-сой, Къочхар Текин, Нуруллах Табакчи, Хайати Бидже и др. исследуют и обобщают различные аспекты истории карачаево-балкарского народа. В последние годы, получив доступ к российским источникам и литературе, они широко освещают этногенез и историческую судьбу своего народа. Просветительское значение таких работ очень большое для консолидации карачаевцев и балкарцев в диаспоре и возрождения национальной культуры. Наиболее плодотворно в этом направлении работают в карачаево-балкарской диаспоре Илмаз Невруз, Уфук Таукул.

Илмаз Невруз (Сылпагарланы) родился 11 марта 1938 года в с. Якапынар. Предки переселились в Турцию в 1905 году из с. Карт-джюрт. Высшее медицинское образование получил в Германии. Работает главным врачом военного госпиталя в г. Эскишехир.

Издатели журнала «Карачай» (слева направо) Хаят Бидже, Нуруллах Табакчи, турецкий журналист, Уфук Таукул. Анкара. 1990 г

В карачаево-балкарском культурном центре. Эскишехир. 1998 г.

Издатель журнала «Бирлешик Кафказья» Илмаз Невруз (Сылпагарланы). Эскишехир. 1998 г.

Доктор социологических наук Уфук Таукул (Тохчукланы). Анкара. 1998 г.

С 1993 года является издателем общественно-политического и художественно-литературного журнала на турецком языке «Бирлешик Кафказья» (Объединённый Кавказ) и вкладыша на карачаевском языке «Карт-джюрт».

Уфук Таукул (Тохчукланы) родился 15 декабря 1960 года в с. Башхюйюк. Предки переселились в Турцию в 1906 году из Теберды. Окончил университет Хаджеттепе в Анкаре. Работает в Государственном архиве Турецкой Республики. Доктор социологических наук. Автор 14 научных работ по истории и социологии народов Северного Кавказа. В 1993 году издана на турецком языке его монография «Кафказья дагълыларында хаят ве кюль-тюрь» (Быт и культура у кавказских горцев). В 1997 году издана научная работа «Кафказьяда этник ве сосьо-кюльтюрьел япынын тарихи кёкенлери» (Этнические и социо-культурные корни истории Кавказа).

Фольклор, литература и наука в карачаево-балкарской диаспоре служат основой для возрождающегося национального самосознания на фоне надвигающейся ассимиляции малочисленного этноса.

Усилиями энтузиастов из среды карачаево-балкарской интеллигенции в 90-е годы XX века связь между исторической родиной и диаспорой приобрела устойчивый позитивный характер.

Первая делегация потомков карачаевских мухаджиров посетила Карачаево-Черкессию в декабре 1989 года. Поездку организовала Хуриет Эрсой (Маршанкулланы), советник министра культуры Турецкой Республики. Она выступила инициатором обмена молодёжью для обучения в высших учебных заведениях. Десятки молодых людей из Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были приглашены в Турцию для обучения в различных университетах Стамбула и Аскары. В Нальчик приехали потомки мухаджиров из диаспоры для учёбы в КБУ.

В 1991 году делегация из Турции была приглашена в Нальчик на первый фестиваль культуры карачаево-балкарского народа. Член этой делегации адвокат Дилбер Каншау (Кипкеланы) написала книгу об этом празднике, о своих впечатлениях, поделилась знаниями, приобретёнными здесь об истории карачаевцев и балкарцев. Иллюстрированная фотографиями с этого праздника

книга Дилбер Каншау «Карачай Малкар халкынын бирин-чи кюлтюр фестивали юстюне» (О первом культурном фестивале карачаево-балкарского народа) была издана в 1992 году в Анкаре. Книга способствовала сближению соотечественников. В диаспоре решили проводить аналогичные фестивали с приглашением карачаевцев и балкарцев из России, США, Германии, Голландии. С 1995 года в с. Язылык гости съезжаются на праздник «Нартланы кюню» (День нартов).

Чтобы читать литературу на карачаевском языке, изданную в России, многие в диаспоре выучили кириллицу. Книги историков, писателей, поэтов, газеты и журналы из Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии пользуются большой популярностью в среде потомков мухаджиров. Также в Турции любят слушать песни национальных авторов и исполнителей из КЧР и КБР.

В последнее десятилетие XX века соотечественники получили возможность общаться, ездить друг к другу, создавать семьи, заниматься общим бизнесом. Однако нельзя сказать, что этим обстоятельством воспользовались многие. Приходится констатировать, что отличия в духовной и материальной культуре за прошедший век, прожитый в различных исторических условиях, достаточно сильно отразились на менталитете и образе жизни карачаевцев и балкарцев, как и других северокавказских народов.

Дальнейшая судьба карачаево-балкарской эмиграции, как части единого северокавказского национального меньшинства в Турции, вероятнее всего, пойдёт по пути ускоряющейся её ассимиляции коренным населением. Можно прогнозировать, что в следующем поколении произойдёт окончательная потеря родного языка и других основных черт этнической самобытности. Но в настоящее время исследование диаспоры может дать богатейший материал для освещения истории и культуры карачаевцев и балкарцев.

Заключение

Исследовав причины переселения части карачаевцев и балкарцев в Турцию, возникновение и современное состояние диаспоры, можно сделать следующие основные выводы.

Мухаджирство большей части народов Карачая и Балкарии нельзя рассматривать на общем фоне вынужденного переселения адыгских и некоторых других этносов, связанного с поражением в Кавказской войне и присоединением к России. Карачаевцы и балкарцы переселялись в другое время, по совершенно иным причинам и в иных условиях. Несмотря на то, что в Турции все северокавказские народы известны под общим именем «черкесы» и черкесская диаспора до последнего времени объединяла представителей всех горских этносов, карачаево-балкарская диаспора самобытна и имеет свою историю формирования.

Переселение части карачаевцев и балкарцев в Османскую империю происходило двумя потоками: в 1884-1887 гг. и в 1905-1906 гг.

Основными причинами первого мухаджирства были:

1. Последствия отмены от крепостной зависимости карачаевцев и балкарцев в 1867-1868 годах нескольких тысяч крестьян. Вековые традиции и общественно-экономический уклад жизни карачаевского и балкарского обществ были кардинально разрушены, а реформы российского правительства не обеспечили земельными наделами и социальными правами освобождённых крепостных.

2. Дополнительные территории, выделенные Карачаю и Балкарии, должны были быть использованы на общинном праве землевладения, чтобы обеспечить землёй всех членов новых селений. Но первопоселенцами в новых аулах стали более зажиточные слои населения, а беднейшие, опоздав к распределению земель, попали в разряд иногородних. Пути назад, в старые аулы, у них не было, а в новых они составили многотысячный слой безземельных, бесправных бедняков.

3. В результате аграрно-крестьянской политики российского правительства: экспроприации части горских земель, перераспределения частных владений между высшими слоями общества, освобождения от зависимости крестьянства без предоставления земельных наделов, - серьёзной угрозой для населения Карачая и Балкарии стало малоземелье.

4. Административные, судебные и др. преобразования вызвали кризис традиционной системы управления в Карачае и Балкарии. Часть владетельных и правивших в своих обществах князей не могла смириться с потерей власти.

Это были главные причины, вынудившие часть карачаевцев и балкарцев переселиться в Турцию почти через 60 лет после вхождения их в состав России.

Основным контингентом первых мухаджиров второй половины XIX в. были освобождённые от зависимости безземельные крестьяне (кулы), а также часть высшего сословия (бии), которые были недовольны лишением административно-политических прав.

Что касается второго потока эмиграции из Карачая и Балкарии, надо отметить качественное изменение контингента мухаджиров.

В начале XX века из-за попыток царских чиновников лишить горцев прав на частную земельную собственность вынуждены были переселиться, в основном, землевладельцы из среднего сословия (ёздени). Кроме того, основными причинами второй эмиграции карачаевцев и балкарцев были принудительная отправка на русско-японскую войну и усиление административно-полицейского гнёта.

Таким образом, в обоих случаях переселения были хотя и добровольными, но вынужденными из-за тяжёлого социально-экономического положения, катастрофического малоземелья и неопределённости прав в землепользовании в Карачае и Балкарии. Кроме того, мухаджирство подогревалось религиозными предрассудками народных масс и надеждами на обещания турецкого султана обеспечить землёй всех переселенцев.

Общая численность мухаджиров 1884-1887 годов и 1905-1906 годов из Карачая и Балкарии составила не менее 12 000 человек.

В Турции карачаевцы и балкарцы получили материальную помощь от правительства и земли в частную личную собственность. Они основали свои мононациональные селения во внутренних районах Анатолии и занимались сельским хозяйством: традиционным скотоводством и земледелием, способствуя экономическому развитию районов расселения.

После распада Османской империи мухаджиры оказались разделёнными между Турцией, Сирией, Иорданией. Наиболее крупная диаспора сохранилась в Турции, здесь в настоящее время карачаевцы и балкарцы проживают в селениях: Чифтлик-кёу, Яглыпынар, Якапынар, Белпинар, Язылыкая, Килиса, Доглат, Болвадин, Эрейли, Башхюйюк, Эйрисоют, Эмирлер, Арпаджи, Чилехане. Во второй половине XX в. мировой процесс урбанизации затронул и Турцию. Значительная часть сельского населения переехала в города, в том числе и потомки мухаджиров. Выходцы из карачаево-балкарских селений поселились в крупных городах: Стамбул, Анкара, Измир, Конья, Эскишехир, Афьон, Адана.

В 60-70-е годы XX в. потомки мухаджиров, как и многие граждане Турции, переехали в поисках работы в Германию, Голландию и США. В настоящее время в этих странах образовались карачаево-балкарские диаспоры, насчитывающие по несколько тысяч человек.

В результате длительного проживания за пределами своей исторической родины, в инонациональной среде, в карачаево-балкарской диаспоре начался процесс деэтнизации, т.е. потери своих этнических черт.

В Турции процесс формирования этнической турецкой общности закончился только после падения монархии и приходом к власти первого президента Турецкой республики Ататюрка. Этим можно объяснить то, что, несмотря на положительные демократические преобразования в обществе, в национальном вопросе политика нового правительства была чрезвычайно жёсткой и шовинистической. Все граждане Турции признавались только турками, другое происхождение не учитывалось. Специальным законом были унифицированы фамилии, которые могли нести в себе этническую информацию. Запрещалось изучение родных языков, издание национальной литературы и т.д.

В первой половине XX века в диаспоре основным видом хозяйственной деятельности оставалось традиционное скотоводство. Сохранялась национальная материальная культура, в основных своих чертах связанная со скотоводством. В настоящее время в быту карачаевцев и балкарцев в Турции остались незначительные элементы былой самобытности и специфичности в поселениях, жилищах, пище и одежде.

Только благодаря компактному расселению в мононациональных селениях карачаевцы и балкарцы сохранили родной язык, национальные обычаи и уникальный фольклор своих предков. Они самоидентифицируются как карачаевцы, горцы, но чувствуют угрозу ассимиляции. Это связано с переездом в большие города, межнациональными браками и потерей родственных свя-

зей с этнической общиной. За последние десятилетия численность карачаево-балкарской диаспоры уменьшилась и составляет около 30 000 человек.

В условиях отсутствия государственной поддержки сохранения и развития самобытной культуры национальных диаспор единственным институтом, призванным помочь укреплению связи между потомками мухаджиров являются национально-культурные центры (дернет). В карачаево-балкарской диаспоре в Турции в настоящее время такие центры издают общественно-литературные журналы и проводят национальные праздники с целью сохранить этническую культуру и самобытность. Большую роль в процессе возрождения национального самосознания играет карачаево-балкарская интеллигенция. Она состоит, в основном, из потомков мухаджиров второй волны, которые получили высшее образование в турецких университетах, сохраняя связь с этнической общиной.

Подъёму национального самосознания способствуют упрочивающиеся связи с исторической родиной, обмен информацией и литературой, возможность посещать Кавказ.

В сложной этнополитической ситуации в России некоторые лидеры кавказских национальных организаций пытаются разыграть карту зарубежных диаспор, возлагая большие надежды на возвращение соотечественников на историческую родину. При этом пользуются научными работами некоторых историков, которые не всегда объективно представляют причины и условия переселения части горских народов из России. Что касается современного состояния национальных диаспор, то отсутствие серьёзных исследований чревато совершенно неадекватной оценкой перспектив возвращения потомков мухаджиров на родину.

Исходя из этих соображений думается, что исследование карачаево-балкарской диаспоры в Турции вполне позволяет сделать и следующий вывод. Возвращение потомков мухаджиров на историческую родину возможно лишь при наличии совокупности причин и условий: 1. Бесперспективность или резкое ухудшение материального благосостояния. 2. Этнические или религиозные гонения, угрожающие жизни. 3. Гарантии приобретения собственности в России. 4. Коллективное решение большой группы переселиться совместно. 5. Государственная поддержка переселения, как со стороны России, так и со стороны Турции.

Из всех кавказских диаспор карачаево-балкарская диаспора на сегодняшний день менее других подверглась ассимиляции. Тем не менее можно отметить, что никаких оснований для постановки вопроса о массовом возвращении потомков мухаджиров на историческую родину здесь нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Берже А. Выселение горцев с Кавказа в 1858-1865гг. //Русская старина. Т.33. 1882; Грабовский Н.С. Присоединение к России Кабарды и борьба её за независимость. ССКГ. Тифлис, 1876; Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863-1864гг. Майкоп: «Возрождение», 1990.(Переиздание); Абрамов Я. Кавказские горцы. Майкоп: «Возрождение», 1990.(Переиздание) ;Хатакокор Д. Г. Мухаджиры//Мусульманин.-1910. №2; Ечерух М. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции// Мусульманин.-1910, №6.
2. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия.- Сухуми, 1982. Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию/ Труды КЧНИИ. Вып. 5. - Ставрополь, 1966. Чекменёв С.А. Переселение горцев в Турцию // Очерки истории Карачаево-Черкесии.- Ставрополь, 1967. Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе.- Ставрополь, 1984. Касумов А.Х. Касумов Х.А. Геноцид адыгов. - Нальчик, 1992. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию - последствия кавказской войны // Нальчик. Приложение №1.- Нальчик, 1994. Кан-дур Мухадин. Мюридизм и история кавказских войн.- Нальчик, 1996. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX-XXвв.)- Нальчик, 1997.
3. Очерки истории Карачаево-Черкесии / Отв. ред. В.П. Невская, В.А. Романовский. - Ставрополь, 1967.- С.301-308. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. - 1917г./Отв. ред. А. Л. Нарочницкий.- М.: Наука, 1988. - С.202-212. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Документальная история образования многонационального государства Российского/ Под ред. Г.Н.Бондаревского, Г.Н. Колбая.- М.:Норма, 1998.- С. 83-89.

4. Чекменёв С.А. Махаджирство, переселение, выселение горцев Северного Кавказа в Турцию // Тарих. № 1- Махачкала, 1991.-С.14.
5. Абаев М.К. Балкария // Мусульманин.- Париж, 1911. № 14 -С. 617.
6. История народов Северного Кавказа.- С.528.
7. Лайпанов Х.О. Указ, соч.- С. 114.
8. Очерки истории Карачаево-Черкесии.- С.304.
9. Невская В.П. Карачай в пореформенный период.- Ставрополь, 1964.-С. 181-184.
10. Karacasu ye Mallıcarlar //Islam Ansiklopedisi T. 6 - istambul, 1952- С. 220.
11. Из истории турецкого языка// Турецко-русский словарь. Институт востоковедения АН СССР. - М.: Русский язык, 1996 -С. 5-7.
12. Ismail Berkuk. Tarihte Kafkasia. - istambul, 1958. K. Kafli. Turkiyeye Gocler. - istambul, 1966.
13. Sabagi V.G. Kavkas-Ris Mucadelesi. - istambul, 1967. Lzzet Aydemir . Goc Kizzey Kafkasyalilarin gos . - Анкага, 1988.
14. Махмут Асланбек. Карасу Малкар Тюркленин Фасиасы.-Анкара, 1952.
15. Levent Itez. Bir Kuzey Kafkas boyu karacaylilar. - Konya, 1987.
16. Ufik Taukul. Kafkasya dagilarinda hayat ve kultur.- istambul,1993.
17. Hayati Bice. Kafkasyadan Anadolya gocler. Ankara, 1991.
18. Imaz Nevruz. Nart sezle//Birlesik Kafkasia/ Kartcurt/- Eskisehir,1996-1997. -№ 1-4.
19. Adilhan Adilogiu. Karacasu – Malkar Nart Destanlari// Birlesik Kafkasia,1998.- № 13-15.
20. Хубийланы Осман. Ассы.- Черкесск, 1985.
21. Кипкеева З.Б. Целый век врозь// Ставропольская правда. 1990. 5 мая; Хлеб чужбины или зов родины // Вестник Кавказа. 1991 февраль.
22. Шаманланы Ибрагим. Тюркде къонакъда //Ленинни бай-рагъы. 1990. 6 март.
23. Шаманов И.М. Из поездки к турецким карачаевцам (тезисы)// Средне-азиатско-кавказские чтения. - Ленинград, 1990; Некоторые аспекты этнокультурных процессов карачаевцев, проживающих в Турции (тезисы)// Всесоюзная сессия по итогам полевых исследований.- Алма-Ата, 1990. Карачаево-балкарская диаспора в Турции (тезисы)// Этнографичная спадщина и национально видрождения. Киев, - 1992.
24. Кучмезланы Мариям. Тюркде бла Джуук Кюнчыкъгъанда джашагъан малкъарлыла бла къарачайлыла// Карачай. 1997. 6 янв.
25. Хапчаева Т.Х. Внешние факторы, влияющие на развитие языков (тезисы). Сб. Региональное кавказоведение и тюркология. Традиции и современность.- Карачаевск, 1998.
26. Кипкеева З. Б. Карачаевская этническая община в современной Турции// Этнические проблемы современности. Материалы научи, конф. Вып.3 - Ставрополь, 1998. Расселение карачаевских мухаджиров в Турции: современная ситуация// Проблемы археологии и истории Северного Кавказа. Матер, научи. конф. - Ставрополь, 1999. О карачаево-балкарской диаспоре в Турции// Этнические проблемы современности. Вып. 4 - Ставрополь, 1999. Культурно-бытовые обычаи как элемент этнического самоопределения// Проблемы философии культуры.- Ставрополь, 1999. Горский менталитет (на материале фольклорного наследия карачаево-балкарской диаспоры в Турции)// Этнона-циональная ментальность в художественной литературе. Матер. научи, конф. - Ставрополь, 1999. Особенности карачаево-балкарской диаспоры в Турции// Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе. - Черкесск, 1999.

Глава I

1. Россия и Северный Кавказ в 16-19 веках.- С.451.
2. Потто В.А. Кавказская война. Т.5 - Ставрополь, 1994.- С.337.
3. Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении// СМОМПК. - Вып.43 - Тифлис, 1913.-С.154.
4. Кавказские горцы: Сборник сведений. Том 2.- М.,1992.- С.66.
5. ГАКК. Ф.774Оп.2Д.466Л.1.
6. Там же.
7. Кавказские горцы. - С.76.

8. Петрусеви́ч Н. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам//ССКГ. Вып.4. - Тифлис, 1870. - С.45.
9. Марков Евг. Очерки Кавказа. - М.,1887.- С.66.
10. Невская В.П. Карачай в пореформенный период.- Ставрополь, 1964.-С. 15.
11. Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска.- Тифлис, 1900. Т.1.- С.287.
12. Труды Кубанского Областного Статистического Комитета// КВ. - Т.15. - Екатеринодар, 1910. - С.284.
13. Гаврилов П. По Кубанской области.- Тифлис, 1869.- С.75.
14. ЦГА РСО-А. Ф.224 Д.96. Л.45.
15. Труды Кубанского Областного Статистического Комитета// КС. - Екатеринодар, 1910. - С.295.
- 16.ЦГА РСО-А. Ф.270 Оп. 1 Д.23 Л.54.
- 17.Шацкий П.А. Русская колонизация территории Карачаево-Черкесии// История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып.1. - Ставрополь, 1975.- С.38.
18. Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: Быт, культура, традиции.- Черкесск, 1999.- С.37.
- 19.ЦГА РСО-А. Ф.224 Д.96 Л.5-6.
- 20.Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Кабарде,-Нальчик,1947.-С.200.
- 21.Там же. С.98.
- 22.Кавказские горцы. - С.65.
- 23.Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Кабарде. - С.128.
- 24.Там же. С.238.
- 25.Там же. С.157.
- 26.ЦГА РСО-А. Ф.224 Д.96 Л.8.
- 27.Труды Кубанского Областного Статистического Комитета// КВ.- С.296.
- 28.Талицкий Н.Е. Очерки Карачая // СМОМПК - Вып.40 -Тифлис, 1907. - С.44.
29. Там же.
- 30.Труды Кубанского Областного Статистического Комитета //КС.-С.352.
- 31.ЦГИАРГ. Ф.545 Оп.1 Д.2977. Л.Л.8-27.
- 32.ГА КК. Ф.774 Оп.2 Д.466 .
33. ГА КК. Ф.774 Оп. 1 Д.650.
- 34.ГА КК. Ф.454. Оп. 1 Д. 5508 Л.7.
- 35.ГА КК. Ф.454 Оп. 1 Д. 529 Л. 17.
36. Полевой материал 1997 года. Информатор Неджат Сабан-чи, 1940 года рожд., с.Башхюкж, Турция.
37. Полевой материал 1998 года. Информатор Илмаз Не-вруз,1938 года рожд., г. Эскишехир, Турция.
- 38.Taukur Ufik. Kafkasya daglilarinda hayat ve kultuk. Istanbul, 1993.-С.91
39. Там же.
40. ГА КК. Ф. 454 Оп.1. Д.5508. Л.7.
- 41.Невская В.П. Карачай в пореформенный период.- С.182.
- 42.ГА КК. Ф.454. Оп.4. Д.330. Л.71.
43. Там же.
- 44.Абрамов Я. Кавказские горцы. (Переиздание) - Майкоп: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990.-С.И.
45. Там же. С. 14.
- 46.Там же. С.21.
- 47.Там же. С.30.
48. Шаманланы Ибрагим. Къарачай озгъан ёмюрледе// Къа-рачай. - 1997. 20 авг.
49. Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев// ЭО.-М., 1902. №1.
50. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы.- М., 1989.- С.78.
51. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Кабарде. - Нальчик, 1947. -С.7.
- 52.ГА КК. Ф.318 Оп 2. Д.2152.
53. Там же. Л.7.
54. Там же. Л.8.

55. Там же. Л.9.
56. Труды Кубанского областного Статистического комитета. - С.282.
57. Там же.
58. ЦГА РСО-А. Ф.224 Оп.96 Л.53.
59. Там же. Л.54.
60. Умар Алиев. Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. 2-е издание.- Черкесск, 1991,- С.163.
61. ЦГА РСО-А. Ф.270 Оп. 1 Д.23 ЛЛ.54-60.
62. Труды Кубанского областного Статистического комитета. - С.268.
63. Там же. С.334.
64. Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении.- С. 125.
65. ЦГА РСОР-А. Ф.224 Оп.96. Л.16.
66. Труды Кубанского областного Статистического комитета. -С.311.
67. Там же. С.319.
68. Там же. С.363.
69. ЦГА РСО-А. Ф.270 Оп.1 Д.23 ЛЛ.87-89.
70. Извлечения из отчёта об осмотре казённых свободных земель Нагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой // ССКГ. Вып.4.- Тифлис, 1870. - С.4.
71. Тамбиев Ислам. Карачай прежде и теперь.- Ростов-на-Дону, 1931.-С.12.
72. ГАКК. Ф.454 Оп.4 Д.330 Л.71.
73. Полевой материал 1989 года. Информатор Сылпагарланы Аминат, 1894 года рожд., с. Башхююк, Турция.
74. Там же. Информаторы Назим Демирджан, 1910 года рожд., Томпа Баучу, 1902 года рожд.
75. Труды Кубанского областного Статистического комитета,- С. 329
76. Там же. С.328.
77. ЦГА РСО-А. Ф.224 Д.96Л.22.
78. ЦГА РСО-А. Ф.262.0п.1.Д.76Л.1-2.
79. Мансуров Н.С. Владикавказ// Новое обозрение.- Тифлис, 1893ОКТ.28.-С.3.
80. Из Нальчикского округа Терской области// Новое обозрение. - Тифлис, 1898 янв.14.- С.2.
81. Инкогнито. С берегов Баксана// Казбек.- Владикавказ, 1900. 14янв. - С.3.
82. Тамбиев Ислам. Карачай прежде и теперь.- С. 14.
83. ГАКК. Ф.454 Оп.1 Д. 1302 Л.2.
84. Ваганов С.В. Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем// ИОЛИКО. Вып.1.-Екатеринодар, 1899.- С.28-29.
85. Орлов М.В. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае// ИОЛИКО. Вып.3.- Екатеринодар, 1902.- С.179.
86. ГАКК. Ф.454 Оп.1 Д.328 Л. 14-15.
87. Там же. С.3.
88. Очерки истории Карачаево-Черкесии.- Ставрополь, 1967.- С.483.
89. ГАКК. Ф.454 Оп.1 Д.328 Л. 4.
90. Тайки! Шик. Кагказуа с1а§Шаппо'а пауа1 ус киНиг.- 1з1апЪи1, 1993.- С.85.
91. ЦГА РСО-А. ДП Особый отдел 1906. Д.9 Ч. 54 Л. 1.
92. Геден. Митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России,- М., 1992.- С.153.
93. Там же.
94. Там же. С. 176.
95. ГАКК. Ф.4540п.4Д.159Л.33-45.
96. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы,- М., 1989.- С.130.
97. Полевой материал 1989 года. Информатор Шадан Демир-джан, 1924 года рожд., с. Башхююк, Турция.
98. ГАКК. Ф.454Оп.4Д.159Л.33-45.
99. ГАКК. Ф. 454 Оп.1 Д. 5302. Л.1.
100. Там же.
101. ГАКК. Ф.454 Оп.1 Д.5302 Л.11.

102. Там же. Л. 17.
103. Там же. Л. 36-37.
104. Там же. Л. 17-20.
105. Там же.
106. Там же.
107. Там же. Л.50.
108. Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. - Черкесск, 1972. - С.84.
109. Лайпанланы Казий. Къарачайлыла орус-тюрк къзауат-да// Карачай. - Черкесск, 1998. 4 авг.
110. Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. -Тифлис, 1917.- С.15.
111. Там же.
112. Там же. С. 18.
113. Там же. С.35.
114. Там же. С.41.
115. ГАКК. Ф.454 Оп.1 Д.946Л.7-12.
116. Там же.
- 117.Хабичева-Боташева Зинхара. Озарение души. Картины жизни Ислама Крымшамхалова,- Черкесск, 1985.
118. Ислам Карачайлы. Теберда// Советский юг.- Ростов-на-Дону, 1925. 13 сент.
119. Полевой материал 1998 года. Информатор Илмаз Невруз, 1938 года рожд., г. Эскишехир, Турция.
120. Очерки истории Карачаево-Черкесии.- Ставрополь, 1967.- С.481.
121. В. П. Невская, Ф. П. Тройно. Первые аграрные преобразования в Карачаево-Черкесии// История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып.1.- Ставрополь: СГПИ, 1975.- С.5
- 122.Полевой материал 1998 года. Информатор Сеит Коркмаз, 1910 года рожд., с. Белпинар, Турция.
123. ГАКК. Ф.454. Оп. 1. Д.5302. Л. 133.
124. Там же. Л. 114-115.
125. Там же. Л.200.
126. Там же. Л.209.
127. ГАКК. Ф.318 Оп.2 Д.2152.
128. ГАКК. Ф.454 Оп.1 Д.3502. Л.1.
129. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке.- М.,1965.- С.102.

Глава II

- 1.Турция. Исторический очерк// Советская историческая энциклопедия. Т.4.- М., 1973.- С.558.
- 2.Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии Османской империи XIX-XX вв.- М., 1988.
- 3.Турция // Всемирная история. Т.7.- М., 1960. - С.198.
- 4.Полевой материал 1989г. Информатор Шадан Демирджан, 1915 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
- 5.Yılmaz Nevruz. A1at Ы1а иуипи шипйеп // КалСий. - ЕзЫзеЫг, 1997. №3.- С.4.
6. Там же.
- 7.Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX-XXвв.). - Нальчик, 1997. - С.98.
8. Полевой материал 1989г. Информаторы Аминат Сылпагар, 1893 года рожд., Назим Демирджан, 1910 года рожд., Томпа Бау-чу, 1902 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
- 9.Всемирная история. С.358.
- Ю.Полевой материал 1997г. Информаторы Илмаз Невруз, 1938 года рожд., г. Эскишехир, Уфук Таукул, 1960 года рожд., г. Анкара.
- П.Полевой материал 1998г. Информаторы Илмаз Абдуллах, 1950 года рожд., Дуру Якуп, 1937 года рожд., с.Якапынар, Турция.

12. Полевой материал 1989г. Информатор Зурият Сабанчи, 1924 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
И.Ечерух Магомет. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции // Мусульманин.- Париж, 1910.-№ 6.- С.45.
14. Советская историческая энциклопедия. Т.4 - С.578.
15. Из истории турецкого языка/ Турецко-русский словарь.-М., 1996.-С.7.
16. Полевой материал 1998г. Информатор Сеит Коркмаз, 1929 года рожд., с. Белпинар, Турция.
17. Байчораланы Сослан. Сириячы къарачайлы алимни сагъ-ышлары//Ленинни байрагъы.- Черкесск, 1990 майны 1.
18. Полевой материал 1998г. Информатор Илмаз Невруз, 1938 года рожд., г. Эскишехир, Турция.
19. Полевой материал 1990г. Информатор Неджат Сабанчи, 1940 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
20. Полевой материал 1998г. Информатор Илмаз Невруз, 1938 года рожд., г. Эскишехир, Турция.
21. Полевой материал 1998г. Информатор Илмаз Абдуллах, 1950 года рожд., с. Якапынар, Турция.
22. Полевой материал 1998г. Башчи Алааттин, 1959 года рожд., г. Эскишехир.
23. Полевой материал 1998г. Информатор Хюсюн Кючюк Абайхан, 1935 года рожд., с. Белпинар, Турция.
24. Полевой материал 1998г. Информатор Сеит Коркмаз, 1929 года рожд., с. Белпинар, Турция.
25. Узаг 8апз1. УагШкауа // ВШезИс КаПсазуа.- 1995.- № 4. - С.51.
26. Полевой материал 1998 г. Информатор Ишбилир Юсуп, 1958 года рожд., г. Болвадин, Турция.
27. Полевой материал 1989г. Информатор Аминат Сылпагар, 1893 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
28. Уейат. Ва1кап.Оо§1а1 коуи // ВШезИс КаПсазуа. -1995-№ 3,- С.55.
29. Мига1Тагсап. Оо^ат. // Кагасау-Ма1каг. - 1993- № 6.- С.16.
30. Улаков Махди. В гостях у сирийских карачаево-балкарцев // Карачаево-балкарский мир.- Нальчик, 1993. Октябрь.
31. Полевой материал 1998г. Информаторы Кара Карча Ис- хан, 1927 года рожд., Малконду Аднан, 1945 года рожд., Демирджан Февзи, 1934 года рожд., г. Конья.
32. Там же. Информатор Демирджан Февзи, 1934 года рожд., г. Конья.
33. Там же. Информатор Неджан Сабанчи, 1940 года рожд., г. Конья.
34. Там же. Информатор Хайрие Сабанчи, 1955 года рожд., Зюгюль Назир, 1940 года рожд., Табакчи Нуруллах, 1961 года рожд., г. Стамбул.
34. Кушхабиев А.В. Указ. соч. - С. 99.
35. Улаков Махди. В гостях у сирийских карачаево-балкарцев // Карачаево-балкарский мир.- Нальчик, октябрь 1993.
36. Там же.

Глава III

- 1, Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. - 1996. № 12.- С.36

2. Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. - Нальчик, 1992 - С.46.
3. УПтаг Ке\га2 . В\езИс КаПсазуа.- ЕзктзеЫг, 1998. № 7 - С.2.
4. Шаманов И.М. Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое.- Черкесск, 1988 - С. 58.
5. УПтаг Кеугаг. Указ. соч.
6. Беепт. Нег. В\г Кигеу КаЯсаг\буи КагасауШаг.- Копуа, 1988 - С.52.
7. УНтаг Кеушг. Там же. № 6.- С.4.
8. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. - М., 1989.- С. 14.
9. Там же.- С.24.
10. Полевой материал 1989г. Информаторы: Сылпагар Аминат, 1893 года рожд., Баучу Томпа 1902 года рожд., Демирджан Назим, 1910 года рожд., Сабанчи Зурият, 1920 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
11. Полевой материал 1998г. Информаторы: Коркмаз Сеит, 1929 года рожд., Коркмаз Хасан, 1950 года рожд., Хюсю Кючюк Абайхан, 1945 года рожд., Лайпан Нордане, 1970 года рожд., Эчкибаш Юксель, 1972 года рожд., с. Белпинар, Турция.
12. Полевой материал 1998г. Информаторы: Джаба Сулейман, 1951 года рожд., Таукул Уфук, 1960 года рожд., Итез Селим, 1960 года рожд., г. Анкара, Турция.
13. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы.- С.71.
14. Полевой материал 1998г. Информатор: Аднан Малконду, 1953 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
15. Там же. Информаторы: Коркмаз Сеит, 1929 года рожд., Коркмаз Хасан, 1950 года рожд., Хюсю Кючюк Абайхан, 1945 года рожд., Лайпан Нордане, 1970 года рожд., Эчкибаш Юксель, 1972 года рожд., с. Белпинар, Турция.
16. Уарзиати В.С. Осетинская диаспора в Турции // Эхо Кавказа.- М., 1994. - № 2.
17. Полевой материал 1989г. Информатор Демирджан Шадан, 1924 года рожд., с. Башхюйюк, Турция.
18. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994.
19. Narik ulu Cоpa // Birlesik Kafkazya.- Eskisehir, - 1998.- № 15.-С.41-47
20. Acemez // Birlesik Kafkazya.- Eskisehir,. - 1997.- № 10.- С.40-41
21. Gosayah biyce bila Kansavbiy // Birlesik Kafkazya.- Eskisehir, 1995. - № 2. С.52-60.
22. Zagostok ulu Coperllev Birlesik Kafkazya.- Eskisehir, 1997-№ 9 – С.45-47.
23. Candar// Birlesik Kafkazya.- Eskisehir, 1995.- № 3. - С.56-61.
24. Aznavur// . Birlesik Kafkazya.- Eskisehir, 1998.- № 14. - С.35-42.
25. Gotman ulu// Birlesik Kafkazya.- Eskisehir, 1997.- № 11.-С.46-47.
26. Adihan Appa. Nart Oruzmek ve Satannay biyce// Кагасау Малкаг.-Анкага - 1993. - № 6. - С.17-24
27. Уфук Таукул. Акбайче бла Рамазан // Ленинни байрагъы. - 1989. 4 апреля.
28. Ортабайланы Римма. Къара сууну къатында. - Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского издательства, 1981.-С.77.

ИНФОРМАТОРЫ

Аминах Сылпагар (1893-1991). Башхюйюк. 1989 г.

Зувиат Сабанчи (1920 года рожд.). Башхюйюк 1989 г.

Назим Демирджан (1910 - 1995) с семьёй. Конья. 1989 г.

Неджат Сабанчи (1940 года рожд.). Конья. 1997 г.

Сеит Коркмаз (1929 года рожд.) с сыном. Белпинар. 1998 г.

Хадрие Алакай (1935 года рожд.). Башхюйюк. 1998 г.

Мариям Озджан (1945 года рожд.) с дочерьми. Башхюйюк. 1998 г.

Аднан Малконду (1953 года рожд.) с семьёй. Анкара. 1989 г.

Селим Итез, архитектор. Анкара. 1989 г.

Ёмер Сабанчи, выпускник медресе в г. Караман. Башхюйюк. 1989 г.

1ЧЯ

Йордане Лайпан, студентка в г. Эскишехир. Белпинар. 1998 г.

Ёзлем Демирджан, выпускница американского колледжа в г. Мерсин Башхюйюк. 1989 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Нарик улу Чора

Эрте-эрте Нарик деб, Къарачайгъа хоншу бир Ногъай элде джашагъан бир адам болгъанды. Кюнню биринде аны къатыны тулпар бир джаш табханды, атына Чора атагъандыла. Тамам ол кюн Нарикни байталы да эгиз таила табханды, буланы экиси да тулпар болгъандыла, бири сары, бири да къара.

Мындан талай джыл озгъандан сора, хоншу джерледен бир бий, уугъа айлана келгенди да, Нарик джашагъан элге киргенди. Нарикни бачхасында отлай тургъан бир къойну атханды да ургъанды. Нарик, бийни этгенине разы болмагъанды, алай а джукъ айтыргъа амал табмагъанды.

Бу кёзюуде Нарикни джашы Чора къарыуу, акъылы была да нёгерлерине ал бермеген камсык бир джашчыкъ болуб ёсе тургъанды. Бир кюн ол тенглери бири бла ойнай келиб бир джашны джылатханды. Джылагъан джашны анасы да анга ачыулануб: «Сен аллай тулпар эсенг, къарыуунгу кеси тенгинде сынама да бачхагъызда отлай тургъан къоюгузну ушкок была уруб, атагъыз Нарикни да хыликге этиб кетген залим бийде сынасанга!» - дегенди. Чора муну эшиткенлей юйге келиб, къойну ёлтюрюб кеткен бийни ким болгъанын сорады. Атасы муну айтыргъа суймейди. Алай болса да, Чора айтдырмай къоймайды.

Дагъыда талай джыл озады. Чора да кюнден кюнге ёседи, джаугъа джаулукъ, тосха тослукъ этер джаш болады. Бир кюн Чора къара атына миниб, сауутун - сабасын да байлаб, ол бийни табыб дерт джетдирирге деб, джолга чыгады. Кеб бармай, Чора бийни джылкы къошуна джетеди. Джюзле была джылкы ат отлай, къатларында да - джылкычылары. «Мен Нарик улу Чорама, бу джылкы бюгюнден ары бийни тюлдю, меникиди, мен быланы кеси джашагъан джериме сюреме. Сени бийинг керти бий эсе, ызымдан сюрюб джетер да менден джылкысын сыйырыр. Алай эталмаса уа ол эркиши тюл, къатынды, мындан ары бёрк джерине башына джаулукъ атсын. Энди дженгил огъуна бар да бийинге хапар бер!» - дейди Чора джыкычыгъа.

Чора джылкыны сюрюб тебрегнди. Джылкычы да гузаба джетиб бийине къуугъун бергенди. «Нарик улу Чора!» дегенлей, бийни джюреги чанчханды, аны ызындан джеталмазын билиб, «сюрген эсе сюрсюн, аны да бир табы келир» деб къойгъанды. Болса да бийни тегерегиндеги къуллукчулары, аскербашчыла-ры бийге бетсиниб: «Алай деген неди, джылкыны сыйырыргъа керекди, Чора деген тели джашны да эсин башына джыймасак болурму?» деб, сауутланыб, атларына миниб, джолгъа атлангандыла.

Была бирем бирем Чораны ызындан джетиб, аны къагъаргъа излегендиле. Алай а Чора, джетген джетгенни тутуб, атдан алыб, тамагъына бир уууч топуракъ къуйуб, башындан да джылкычы къурукъну арты была теплеб, ёлтюрюб башлагъанды. Артдан келген аскерле ёлген нёгерлерин кёрюб, Чорагъа кюч джетме-зин билиб ызларына къайтхандыла. Чора да джылкыны сюрюб, элине келтириб кесине мал этгенди.

Бир кюн Чора уугъа чыкгъанды. Бара барыб бир бууну ёлтюргенди. Андан тегюлген къанны къарда ариу къызарыб тургъанын кёрюб: «Ах анасыны, быллай къызыл уууртлу бир ариу къатыным болса эди» деб, ахсынгъанды. Джюрегине бу талпыу тюшгенден сора ол тийреледе бир элге баргъанды, къонакъбайына да не мурат была келгенин ангылатханды. Къонакъбайы эрлай джыйылыб, эм ариу къызладан ючюн юйюне чакъырыб, быланы ичинден къайсын джаратсанг аны аны алырса, дегенди. Чора къызлагъа къарагъанды: экиси бай юйледен, юслери-башлары да иги, алай а ариулукъда биринчи болурча тюл. Ючюнчю къызны юсю къарыусуз, кеси да джарлы юйню къызы болгъаны белгили, алай а барыб тохтагъан ариу. Къызны аты да Къутлукъыз болгъанды. Чораны джюреги бу джарлы къызда тохтагъанды. Къыз да аны джаратханын, суйгенин ачыкъ

этгенди. Атасындан, анасындан да разылык алыб, неях да этдириб, келинни Чораны юйюне элтгендиле. Бютеу эл джыйылыб той-оюн этгендиле.

Бир джолда Чораны юйюне бир бий келгенди, муну аты Ахтаришин Алибий болганды. Биргесине да эки джыйырма атлысы. Чора кьонакъланы сыйлаганды, ат кьонакълык этгенди, башха кьурманлыкъла да сойганды, кеб тюрлю ашарыкъла ашатханды, чагъар, сыра, боза ичиргенди. Андан сора, кьонакъланы кезлери ачылсын деб, той-оюн, тутуш, чаре кьураганды.

Тутушха кьонакъла кьатышмагъандыла, кьонакъбайла да намыс этиб, келигиз, деб, кысмагъандыла. Алай а чаре башлангъанлай, кьонакъла атларын сынаргъа таукел болгъандыла. Атла чапхандыла, алай а бийники да ичлеринде болуб, кьонакъланы атлары артха кьалгъандыла. Чораны сары аджири была кьара аджиринден джайылгъан атла алгъа келгендиле, эм алларында уа сары аджир была кьара аджир келгендиле. Муну кёрюб, Алибий ичинден кьара кюйгенди. «Мен бу аджирлени бирин не джол была не зор была алмай кьоймам» деб, ичинден ант этгенди.

Талай кюн кьалгъандан сора, Алибий кетерге деб тебрегенди. Чорадан аджирлени бирин тилегенди. Чора, кеси была бир кюн туугъан эки аджирин, кеслери ёлгюнчю бир бирлеринден айырмазгъа анты болгъанын билдиргенди. Алай а, ат керек эсе, джылкыларында аджирлеринден джайылгъан атладан, джел джетмезлеринден, кьуш тутмазларындан бирни кьой, кесине негерлерине да бирер ат берирге разы болгъанын айтханды. Бий бу джууабха ачыуланганды, кызынганды, Чораны да кьолун тутмай кетгенди.

Ол кетгенлей Чора джатыб джукълагъанды. Бир джукъласа уа уянмай юч-тёрт кюнню джукъ билмеи джукълагъан адети болганды. Вир уянса да талай кюнню кечени джукъу керекли болмай ишин этиб айланганды. Чораны бу халисин кимден эсе да юрениб, Алибий ол кече огъуна ызына кьайтыб, Чораны бауун ачыб, сэры аджирин чыгъарыб тебрегенди. Чораны атасы кьарт Нарик муну кёрюб: «Тюнене дост болуб келиб, бюгюн душманлыкъмы этесе, сен бий тюл, итни бирисе!» - дегенди. Бий келиб, кьартны кьамчи была ургъанды. Чораны анасы Минсели да: «Аи ит, мени кьолумдан ашагъан тuzдамым сангъа таш болуб тийсин!» - деб, кьошханды. Бий мынгъа да: «Сен кьарт бегеджин, гырылдама!» - деб, кьойганды. Чораны кьатыны ариу Кьутлукъыз да чыгъыб: «Хей, бий, сен бий тюл, кьатынса, атны эркишича иесинден алыргъа кьоркьуб, кьатынладан аласа, мени джаулугъуму ал да башинга кыса бар!» - дегенди. Бий анга да: «Сен кьахме, сен гаджи, сени алай-былай этерме!» - деб, ауур сёзле айтыб, арбаздан чыгъыб кетгенди. Бийни негерлери бу ишге разы болмагъандыла, алай а анга кьаршчы турургъа кьоркгъандыла.

Алибий кетгенлей, кьарт Нарик джукълаб тургъан джашыны кьатына барыб, ёрге энишге бара, былай айтыб башлагъанды:

Мени Чорам, мени Чорам,
Джатмай энди кьобсанга,
Сени юйюнге келген кюнню
Кёзюнгю ачыб кёрсенг а.
Сенден шохча кетген кьонакъ
Душман болуб келгенди.
Ат орунну кеси ачыб
Сары аджирни элтгенди.
Кьарт атангы ол башына
Кьамчи была тартханды,
Аман была кьатынынга
Кетмез бедиш айтханды.

Чора бу сёзлени эшитир эшитмез уяныб, эрлай ёрге кьобады, сауутларын тагъады, кьара тулпарына миниб, Алибийни ызындан сюрюб тебрейди. Аны джетгенин кёргенлей, Алибийни эки джыйырма негери да кьачады. Чора джетиб, Алибийни джолун кесиб, былай айтады:

Ахтаришин Алибий!
Али-бий тюл тели бий.
Тосча келиб душманча кетесе,
Сары аджирни сормай кьайры элтесе?
Алибий: Атынга мингенесем тюшейим,
Кийиминги кийгенесем тешейим,
Ашынгы ашаганесем кьусайым,

Мындан ары шохлугъунгу тутайым.

Чора: Къыркъ къонакълы къонагъы болдунг юйюмю,

Тосча турдунг мени была беш кюнню.

Ичеринге боза была бал бердим,

Ашарынга къазы была джау бердим,

Джелджетмезле бере эдим - алмадынг,

Къуштутмазла бере эдим - болмадынг,

Игиликге джаманлыкъ деп этгенсе,

Къарт атамы къамчи была тартханса,

Къатынлагъа бедиш, сёгюш айтханса.

Сен быланы энди къалай къусарса,

Мени была шохлукъ къалай тутарса?

Энди манга тенглик этер сен болсанг,

Сары аджирими алырса да кетерсе.

Алай болмай мени аллымда къалтырасанг.

Кеб бармайын тонгуз кибик кёберсе.

Алибий, Чораны бу сёзлерин эшитгенлей, къоркъуб, къалтырагъанды, алай болса да къоркъанын танытмай, кесин джыйыб урушха хазырланганды. Къылычын къынындан чыгъарыб, Чорагъа:

«Алгъыбурун сен ур!» - деб, таууш этгенди. Чора да къы-лычын чыгъарыб: «Огъай, сен алгъын ур!

Душман болсанг да къонакъса», - дегенди. Алибий Чораны башын сермегенди, алай болгъаны

ючюн Чораны аты энгишге ийилиб, къылыч огъартын озгъанды. Алибий экинчи кере Чораны

белинден сермегенди. Бу джол да аны аты ёрге чыннгаб, къылыч тёбентин озуб кетгенди, «Хоу

энди, кёзюу сендеди», - дегенди Алибий Чорагъа. Чора уа джангыз сермегенлей, Алибийни башын

тённгегинден айырыб джерге тюшюргенди.

Чора атындан эниб, Алибийни башын «зорчулагъа юлгю болсун» деб, джол джанында бир къазыкгъа чанчханды, сёры аджирин да адежге алыб, ызына къайтханды.

Чораны атасы анасы аны сау къайтханына уллу къууанч этгендиле, къурманлыккла этиб, сау элни сыйлагъандыла.

Андан сора Чора талай джылны юйюнде тургъанды. Кюнлени биринде ол Къырым была Орусну арасында уруш баргъанын эшитгенди, тышындан болушлукъ бармаса джауну кючлеригин

англагъанды. Тюрк къарнашлары уллу къыйынлыкгъа къалыб, къан теге тургъан заманда, быллай

бир джигитлиги болгъан адамны къатынланы ичинде тынчайыб тургъанын айыбха санагъанды.

Чора бу акъылын атасы Нарикге билдиргенди.

Атасы: Бар, балам, бар, балам.

Эсенлик была бар, балам

Башингдан рахматла чачылсын

Сен барлыкъ шахарланы эшиги

Джарты джолдан ачылсын.

Бар, балам, бар, балам.

Он тамырдан сют берген

Къарт анангы кёре бар.

Чора барыб, анасындан да разылыкъ тилегенди. Анасы: Бар, балам, бар, балам.

Башингдан рахматла чачылсын.

Сен барлыкъ шахарланы эшиги

Джарты джолдан ачылсын.

Бар, балам, бар, балам.

Юч ариуудан сайлаб алгъан ариуунгу

Мыдах этмей разылыгъын ала бар.

Чора келиб, ариу Къутлукъыздан да разылыкъ тилейди.

Къутлукъыз: Бар, Чорам, бар, Чорам.

Эсенлик была бар, Чорам.

Сенсиз мени эки кёзюм кёр болур,

Сени отоуунг джыламукъдан кёл болур.

Мен хазырма сени была ёлюрге.

Кете эсенг, мени кьоймай элте кет.

Сен кесинг таргъа тюшген кёзюуде

Разыма, башымы кес да кет.

Чора, кьатыныны кесине быллай терен сьоймеклиги болгъанына кьуанады, алай а гяуур была баргъан урушха тиширыуну элтирге мадар болмагъанын да биледи. Кьатынына кеб ариу айтыб, юйде кьалырын тилейди. Кьутлукъыз да эм ахырында разылыкъ бергенди, болса да джангыз бир шарт была: эри урушдан сау кьалса, башха джерде кьалыб кетмей, юйюне кьайтыргъа сёз берсе. ора бу шартны кьабыл этгенди. Кьатын: «Бу мени унут-дурмасын», - деб, кесини алтын джюзюгюн Чораны бармагъына салады.

Чора бир атына миниб, бир атын да адежге алыб джолда бара тургъанлай, узакъ бир элде суу ала тургъан белек кьызгъа тюбейди. Кьызладан бири муну таныб, былай айтады:

Джолунг болсун, сен Нарик улу Чораса,

Эки ат была кесинг кьайры бараса?

Миндир мени сары атынга, джарарма,

Урушлада джара тюшсе багъарма.

Чора: Мен Чора тюлме кьарама.

Кьырым Ханнга болушургъа барама.

Сары аджирим кьатынланы миндирмез,

Ийесине джара саллык тюбемез.

Кьыз: Мен танийма, Нарик улу Чораса.

Болушургъа Кьырым Ханнга бараса,

Сен душманнга уллу кёллю кьарайса,

Джангыз кесинг анда неге джарарса?

Чора: Керти айтаса, Нарик улу Чорама.

Кьырым Ханнга болушургъа барама,

Душманнга да сен айтханча кьарайма,

Барын да кьарыусузгъа санайма,

Мен джауну андан алгъа элесем, Адам тюл темир кибик болама. Алай болмай менден алгъа ол кёрсе, Тулпар тюл джумуртха ичинде кьалама.

Чора алайдан озуб, Кьырымгъа джетеди. Ол келген кёзюуде уруш эм кьаты халда болады. Эки джанындан да *аллай* кеб адам кьырылады, кёкден таш тюшсе ёлюкге тийген болмаса, джерге тиймезлик болады. Аладан акгъан кьан адам кириб ётелмезча уллу ырхыла болуб саркьады. Сора Орус аскерни чюйре джанындан кириб, бёрю кьой сюрюйню ууадых этгенча, гяуурланы джюзле была мингле была кьырыб тебрейди. Чораны аллындан кьачхан болмаса, анга кьаршчы тургъан сынгар бир джау аскер болмайды. Орус аскерле кьуру да этиучулерича кюндюз уруш этиб, кече солуу алгъандыла. Кюнде кечеле была джукъламагъан Чора уа гяуурланы кече солургъа да джукъларгъа да кьоймагъанды. Сора, эки атына да кёзюу мингенди: кече кьара атына, кюндюз сары атына. Орус аскер тулпар Чораны кючюне чыдаямлай бузулуб тебрегенди. Тамам арыб, талай кечени да джукълайалмагъан Орус аскерле сылхыр болгъандыла, араларын-да низам бузулгъанды. Кичилери тамадаларына сыйынмай теб-регенди. «Чора келеди!» - деб эшитгенлей, гяуурла кьой сю-рюулей бир бирлени теплеб мингле была кьырылгъандыла. Кьалгъан кесеги да ызына кьарамай башлы тюбно бола Эресейге кьачады.

Уруш бошалгъандан сора Чора Кафказда юйюне юйдегисине кьайтыргъа излейди. Алай а Кьырым Хан муну бошламайды, сарайына чакъырады, сыйлы саугъала береди, аскерлерине башчы этеди, кеси разылыкъ берсе, кюйёу этерге излегенин да билдиреди.

Бу турумда Чораны акъылы чайкьалады, не этерин билмейди. Мында кьалады да кьатынына берген сёзюу бузады; кетеди да - хан эркинлик бермейди.

Тамам бу кёзюуде орусла да Чораны ызындан бир тахсачи джибередиле: уллу орус аскерни хорлагъан тулпарны джашыр-тын ёлтюрюрге, алай болмаса да сырларын билтирге. Ийгенлери да кимди десегиз: тюрк тилни иги билген бир орус кьыз. Бу кьызда уа аллай ариулукъ болгъанды, аны кёр ген эм кьатыджюрек аскерни да джюреги балаууз чыракълай эригенди. Муну кьаллы да болмай кьыз бек акъыллы болгъанды.

Тюрлю тюрлю хыйлала была кьыз сарайгъа киреди, Чора была танышады, аны джюрегине ёртен салады. Чора кьызны сюеди, таша была табышады, алтын джюзюгюн да аны бармагъына тагъады.

Къызны джюрегинде да суймеклик уянады, таб, Чора была юйлениб къалыргъа да таукел болады. Алай а Чора юйленирге разы болмайды, къызны умутун да юзмей, узакъ болджал салады. Къыз бу ишге къызынады, чамланады, джюрегинде Уйанган суймекликни джерине эски душманлыкъ къайтады.

Чораны джюяргъа дыгалас этеди, алай а Чораны джукълагъан заманын табалмайды. Не ючюн десеги, хан Чораны узун джукълаучусун билиб, кесини юйюнде джатдырады, аны была да къалмай тышындан адам заран джетмесин деб, эшигин къарауулагъа сакълатады. Былайлыкъ была орус къыз Чораны ёлтюраллыгындан тюннголедиде, кече была Чораны сары атына миниб къачады, барыб орус патчахгъа хапарын айтады.

Чора была ханны бирлешип Эресеиге чабыуул этерлеринден къоркъуб тургъан орус патчах, алада ол акъыл болмагъанын билиб тынчайады. Чораны эки тулпар атындан бири къолгъа тюш-кенине да мардасыз къууанады. Тахсачы къызны Чорадан къарны болгъанына артыкъсыз да бек суйюнеди. Къызны сарайгъа джараштырады, саугъала береди, тегерегине джумушчула салады. Кеб бармайын къыз ала умут эткенча бир тулпар улан табады. Бу джашчыкъ кюнден кечеге ёсуб, тамам Чораны джашлыгъыча киши сыртын джерге салалмагъан айтуулук бир геджеп болады.

Къырым хан была Чорагъа дерт тутхан орус патчах бу джашны сауут сабагъа юретеди, атасыны сары атына миндириб, биргесине да уллу аскер къошуб, аны Къырымгъа уруш ачаргъа джибереди. Къырым аскерле алгъынча душманны аллына турадыла, уруш башланады. Чора да бурун кибик орус аскерни чюйре джанындан кириб тебрейди. Алай а кеб бармайын Чораны аллына «джаннгыз атлы» чыгъыб, аны джолун кеседи. Атла джуукъ келгенлей бир бирлерин таныб кишнейдиле. Чора да сары атын таныб, эси анга кетгенлей, джаш, къылыч была сермеб, Чораны сол билегин тюшюреди. Чора да эс джыйыб, сермейди да джашны баш токмагъын джерге чортлатады. Артдан атындан тюшюб: «Мени атыма миниб, манга къаршчы турургъа кесине базгъан бу джаш бош адам болмаз» - деб, джан бере тургъан джашны къатына барыб бетине къарайды. Къараса уа нени кёрсюн. Тамам да кеси джашлыгъына шашмаи ушагъан, сакъал, мыиыкъ джангы ургъан бир тулпар... Иги къараса - джашны бармагъында орус къызгъа берген алтын джюзюгю... «Энди болур болду!»- дейди Чора кеси кесине.

Чора эм ахырында джангылышларын ангылайды, терен бушуугъа тюшеди. Иш бу халгъа келгенден сора не ханнга, не да кесини суйген къатынына бетин кёргюзталмазлыгъын ангылайды. Бир билеги да кетиб, гяурла была уруш этерге къарыуу да болмагъандан сора джашагъандан кимге не файда! Къара атына минеди, сары аты да ызындан, Къара тенгизге кириб кетеди. Чора айрылганлай, орус аскер Къырымны кючлейди. Алай а оруслула, Чора энтда ызына чыгъыб, Эресеиге бир беллах этмесин деб, къоркъуу этиб, Чора тенгизге кирген джерде бюгюн бюгече къарауулла салыб турадыла, дейдиле.

Нарик улу Чора *(Подстрочный перевод автора)*

Давным-давно в Нарике, в соседнем Карачаю ногайском эле (см. Глоссарий), жил один человек. В один из дней жена его родила сына-богатыря, дали ему имя Чора. В тот же день кобылица Нарика принесла двойню жеребят, оба они были богатырями: один рыжий, другой чёрный.

По прошествии нескольких лет из соседних земель один князь, охотясь в здешних местах, заехал в селение Нарика. В огороде Нарика он выстрелил и убил пасущуюся овцу. Нарикуну не понравился поступок князя, но сказать что-либо он не посмел.

В это время сын Нарика Чора и силой, и умом опережая ровесников, рос озорным мальчиком. Однажды, играя с одним из товарищей, он довёл его до слёз. Мать расплакавшегося мальчика, разозлившись на Чору, сказала: «Ты если такой богатырь, не испытывал бы силу на своём товарище, а испытал бы на том злом князе, который пасущуюся в вашем огороде овцу застрелил из ружья, да насмехаясь над отцом вашим Нариком уехал!» Чора, услышав это, пришёл домой и спросил имя князя, убившего овцу в огороде. Отец не хотел говорить об этом. Но Чора не отступился, пока не узнал.

Прошло ещё несколько лет. Чора рос день ото дня, врагу - ражду, другу - дружбу показать способным парнем стал. В один из дней Чора оседлал вороного коня, вооружился, поклявшись того князя найти и отомстить, отправился в путь. Скоро Чора достиг коша княжеского табуна.

Сотни коней в табуне паслись, рядом с ними - табунщик. Чора говорит табунщику: «Я Нарика сын - Чора. Этот табун отныне не княжеский, а мой. Я угоняю коней туда, где сам живу. Твой князь, если он настоящий князь, следом пусть меня догонит и у меня табун отберёт. А если так не сможет сделать, то он не мужчина, а баба; после этого вместо шапки пусть платок на голову накинет. А теперь быстро отправляйся к своему князю и передай ему хапар!»

Чора стал угонять табун. Табунщик поспешил к князю передать тревожную весть. Как только он произнёс «Нарика сын Чора!», у князя кольнуло в сердце. Зная, что не догонит его, он только и сказал: «Угнал, так угнал, придёт и его день». Но окружающие князя его подданные, предводители отрядов, стыдясь за князя, вооружившись, оседлав коней, двинулись в путь, говоря: «Как это так, табун нужно отнять. И разве мы можем «не вправить мозги» этому глупому парню, назвавшемуся Чорой?»

Они, по одному догоняя Чору, пытались его побить. Но Чора, выхватывая каждого подъезжающего из седла, засыпая ему в горло горсть земли, по голове концом жеста табунщика ударяя, стал их убивать. Следом подъезжающие воины, видя убитых товарищей, понимая, что не осилить Чору, вернулись назад. А Чора пригнал табун в своё селение и сделал своим.

Однажды Чора вышел на охоту. Бродил, бродил и убил одного оленя. Из него пролившаяся кровь на снегу красиво заалела. Увидев это, загрустил Чора: «Эх, мать его, такая красивая краснощекая жена была бы у меня!».

В сердце ему это желание запало и заехал он в той местности в одно селение, объяснил своему конакбаю, с какой мечтой приехал. Конакбай сразу же собрался, из самых красивых девушек троих к себе в дом пригласил. «Из них, которая понравится, ту возьмёшь», - сказал. Чора посмотрел на девушек; двое были из богатых семей, одеты хорошо, но не таковы, чтобы быть первыми по красоте. На третьей девушке одежда победнее и сама она, видно, дочь бедных родителей, но совершенная красавица. И звали её Кутлукуыз. Сердце (здесь: выбор.) Чоры остановилось на этой бедной девушке. Девушке тоже он понравился, в любви своей она открылась. Получив согласие отца и матери, совершив неких, привезли невесту в дом Чоры. Всё селение собралось на свадьбу, танцевали и играли.

Однажды в дом Чоры приехал один князь, звали его Ахтари-шин Алибий. С ним свита - сорок всадников. Чора угостил кунаков, накормил их коней, зарезал курманлыки, многими различными блюдами их потчевал, бузой поил. После этого, чтобы развлечь гостей, организовал танцы, игры, борьбу, скачки.

В борьбе гости не участвовали, а хозяева, чтобы их не смущать, не настаивали. Но когда начались скачки, гости решили испытать своих коней. Кони поскакали, но кони гостей, среди них и княжеский, остались позади. Кони из потомства рыжего и чёрного жеребцов Чоры пришли первыми, в авангарде же были рыжий и чёрный жеребцы. Увидев это, Алибий «внутри почернел», про себя поклялся: «Я одного из этих жеребцов правдой или неправдой, но заберу».

Погостив несколько дней, Алибий собрался уезжать. Он попросил у Чоры одного из жеребцов. Чора признался, что дал клятву не разлучать их, родившихся в один день с ним самим, до смерти. Но, если Алибию нужны кони, он согласен был дать не только ему, но и его товарищам по одному из тех, которых ни «ветер не догонит, ни орёл не поймает» из потомства своих жеребцов. Князь на такой ответ разозлился, разгневался, Чоре даже руки не подав, уехал.

Как только тот уехал, Чора лёг и заснул. Был у него обычай: раз заснув, не просыпаясь три-четыре дня, спать, ничего не ведая. А раз проснувшись, несколько дней, не нуждаясь в ночном сне, дела свои делать. Узнав от кого-то об этой особенности Чоры, в ту же ночь Алибий вернулся, открыл конюшню Чоры и начал выводить рыжего жеребца. Увидев это, Чоры отец старый Нарик сказал: «Вчера, как друг, приехав, сегодня, как враг, поступаешь, ты не князь, а один из псов!» Князь подошёл и ударил старика плёткой. «Ах, собака, из моих рук съеденные тобой хлеб-соль пусть в тебя камнем попадут!» - добавила мать Чоры Мин-сели. Князь ей только ответил: «Ты, старая свинья, не болтай!» Жена Чоры красавица Кутлукуыз вышла и сказала: «Эй, князь, ты - не князь, ты - баба, коня, как мужчина, у хозяина забрать побоялся, у женщин забираешь! Мой платок на голову повяжи и езжай!» Князь ей ответил тяжёлыми оскорблениями: «Ты - шлюха, ты - сучка, я тебя так и эдак сделаю!» И он выехал со двора. Товарищам князя не понравилось это дело, но встать против него они не осмелились.

Как только Алибий уехал, старый Нарик пошёл к спящему сыну, ходил взад-вперёд говорил:

Мой Чора, мой Чора!
Не лежи, теперь вставай-ка.
В твой дом пришедший день,
Глаза открыв, увидь-ка.
От тебя, как друг, уехавший гость,
Врагом став, вернулся.
Конюшню сам открыв,
Рыжего жеребца угнал.
Старого отца твоего по голове
Плёткой ударил.
Грубым словом жену твою
Опозорил.
Услышав эти слова, Чора сразу проснулся, вооружился, сел на вороного коня и погнался за Алибием. Увидев, что он догоняет, сорок товарищей Алибия сбежали. Чора, догнав Алибия, пересёк ему дорогу и сказал:
Ахтаришин Алибий!
Не Алибий, а дурной бий.
Как друг, приехав, как враг, уезжаешь,
Рыжего жеребца без спросу куда угоняешь?
Алибий: Если сел я на коня твоего, давай слезу.
Если одел я одежду твою, давай сниму.
Если ел я пищу твою, давай отрыгну.
С этого момента дружбу твою буду беречь.
Чора: С сорока гостями гостил в моём доме,
Как друг, провёл со мной пять дней,
Пить тебе бузу и мёд я давал,
Есть тебе гусей и масло я давал,
«Ветер не догонивших» я тебе давал, ты не взял,
«Орёл не поймающих» я тебе давал, ты не захотел.
На добро злом ты ответил.
Старого отца моего ты плёткой ударил,
Женщин грязными словами оскорбил.
Ты всё это теперь как «отрыгнёшь»?

Со мной дружбу как будешь держать? Теперь, меня если достойным ты окажешься, Рыжего коня возьмёшь и уедешь, А если так не случится, и ты передо мной задрожешь, Долго не протянешь, как свинья сдохнешь... Алибий, услышав эти слова Чоры, испугался и задрожал. Но, не показывая свой испуг, собрался и приготовился к поединку. Вытащив меч из ножен, он крикнул Чоре: «Первым ты бей!» Но Чора, тоже вытащив меч, сказал: «Нет, ты первым бей! Хоть ты и враг, но ты - ость!» Алибий размахнулся, чтобы отсечь голову Чоре, но конь Чоры нагнул, меч прошёлся сверху. Алибий второй раз размахнулся, хотел Чоре в пояс попасть. В этот раз его конь подпрыгнул, меч прошёлся по низу. «Ну, ладно, теперь твой черёд», - сказал Алибий Чоре. Чора, один раз ударив, Алибию голову отсёк, и она, скатившись, упала на землю.

Чора слез с коня, голову Алибия, чтобы «насильникам пример» был, у дороги на кол посадил, взял в поводу рыжего жеребца и вернулся назад.

Родители Чоры в честь его возвращения устроили большой праздник, резали курманлыки и угощали всё селение.

После этого Чора несколько лет провёл дома. Однажды он услышал о войне между Крымом и Россией и понял, что если не подспеет помощь, то враг победит. Чора решил показать своё геройство, а не отлёживаться возле женщин. Свои мысли он открыл отцу Нарыку.

Отец: Иди, дитя моё, иди, дитя моё,

Со здоровьем иди, дитя моё.

На голову твою пусть милости падут.

В городах, куда ты поедешь, двери

С полдороги пусть открываются.
Иди, дитя моё, иди, дитя моё.
«С десяти корней» молоко давшую,
Старую мать, проведав, иди.
Чора, отправившись к матери, попросил у неё благословения.
Мать: Иди, дитя моё, иди, дитя моё.
На голову твою пусть милости падут.
В городах, куда ты поедешь, двери
С полдороги пусть открываются.
Иди, дитя моё, иди, дитя моё.
Из трёх красавиц избрав, взятую красавицу
Не печаль, благословения у неё взяв, езжай.
Чора идёт к красавице Кутлукыз, просит благословения.
Кутлукыз: Иди, Чора мой, иди, Чора мой.
Со здоровьем иди, Чора мой.
Без тебя оба глаза моих превратятся в могилу,
Твой отоу от слёз превратится в озеро.
Я готова с тобой умереть,
Если уходишь, меня с собой возьми.
Ты сам в теснину попадёшь когда,
Я согласна, голову мою отрежь и уходи.
Чора, радуясь глубокой любви жены, всё же понимает, что нет возможности взять женщину на войну с неверными. Он ласковыми словами уговаривает жену остаться дома. Кутлукыз, в конце концов, согласилась, но с одним условием: дать слово, что если останется в живых на войне, вернётся домой. Чора дал клятву. «Пусть это не даст тебе меня забыть», - сказала она и своё золотое кольцо одела на палец Чоры.
Чора сел на одного коня, другого взял в поводу и выехал в путь. В дальнем селении встретил группу девушек, которые брали воду. Одна из девушек узнала его и сказала:
Пусть путь твой будет удачным,
Нарика сын Чора.
С двумя конями один, куда ты едешь?
Посади меня на рыжего коня, пригожусь,
Если в битве рану получишь, вылечу.
Чора: Я не Чора, не смотри.
Крымскому хану на помощь иду.
Мой рыжий жеребец женщину не посадит,
Хозяина поранить никто не встретится.
Девушка: Я знаю, ты Нарика сын Чора,
На помощь крымскому хану едешь.
Ты на врага свысока глядишь,
Ты один там на что сгодишься?
Чора: Правду говоришь, я Нарика сын Чора.
Крымскому хану на помощь еду.
На врага, как ты говоришь, гляжу,
Всех за слабаков считаю.
Я врага первым если замечая,
Не человеком, как железо становлюсь.
Но если не так, вперёд меня, если он заметит,
Не богатырь я, а будто внутри яйца остаюсь...
Чора проходит, те места и доходит до Крыма. В тот период война была в самом разгаре. С обеих сторон столько людей погибло, что если бы с неба упал камень, попал бы на мертвеца, а не на землю. Пролитая кровь превращалась в непроходимые для человека потоки. Тогда войско крымского хана стало уменьшаться, а у русского войска нет ни конца, ни края, ни сосчитать, ни

пересчитать, всё новые и новые подходили. Если бы Чора задержался хоть на один день, русские бы отчизну покорили.

Увидев, что дело так безнадежно, Чора зашёл в русское войско с тыла и, как волк в бараньей отаре, неверных сотнями и тысячами стал уничтожать. Перед Чорой стали все разбегаться, против него встать ни одного живого воина не находилось. Русские воины как обычно днём сражались, а ночью отдыхали. И днём, и ночью, не спавший Чора же не давал неверным ночью спать. И потом, на двоих коней он по очереди садился: ночью - на чёрного, днём - на рыжего. Русское войско богатырскую силу Чоры не выдержало и стало расстраиваться. Вконец уставшие, несколько ночей не спавшие, они стали бестолковыми и ряды их смешались. Никто не слушался своих начальников. Услышав: «Чора идёт», - враги, как баранья отара, топча друг друга, тысячами погибали. Оставшаяся часть, не оглядываясь назад, сбежала в Россию.

Когда война закончилась, Чора захотел вернуться домой, к семье. Но крымский хан его не освободил, позвал во дворец, дорогие подарки дал, над воинами своими начальником сделал. Кроме того, хан дал ему знать, что если он согласен, то хотел бы его своим зятем сделать.

В такой ситуации Чора заколебался, что делать - не знал. Здесь оставаться - нарушит слово, данное жене; уезжать - хан воли не даёт.

Как раз в это время русские по следу Чоры посылают шпиона с целью убить богатыря, победившего войско великой России, или хотя бы узнать его тайны. А спросите, кого послали: хорошо знающую турецкий язык русскую девушку. У этой девушки была такая красота, что у увидевшего её самого жестко-сердечного воина сердце таяло как воск. Кроме того, девушка была очень умной.

Различными методами она попадает во дворец, знакомится с Чорой, завораживает его сердце. Чора полюбил девушку, тайно с ней встречается, золотое кольцо своё на её палец надевает. В сердце девушки тоже просыпается любовь, даже за Чору замуж выйти решает. Но Чора не согласен жениться; не ломая планов девушки, он назначает долгий срок. Девушку это дело расстраивает, злит, в сердце на место проснувшейся любви приходит старая вражда. Она пытается убить Чору, однако не может застать его спящим. Почему, спросите? Хан, узнав про долгий сон Чоры, в своём доме его укладывал. Кроме этого, чтобы никто со стороны ему не навредил, у дверей ставил караул. Таким образом, русская девушка, потеряв надежду убить Чору, ночью, сев на рыжего коня Чоры, убежала. Приехав, она рассказала обо всём русскому царю.

Русский царь, боявшийся, что Чора и крымский хан, объединившись, нападут на Россию, успокоился, когда узнал, что у них нет такой мысли. Безмерно обрадовался и тому, что в его руки попал один из двух богатырских коней Чоры. Но больше всего обрадовало его то, что его шпионка вернулась беременной от Чоры. Девушку он поселил во дворце, дал подарки, окружил служанками. Вскоре, как девушка и думала, родила она сына - богатыря. Этот мальчик рос день от ночи, вырос и, как Чора в юности, стал знаменитым борцом, никто не мог уложить его на спину.

Мечтающий отомстить крымскому хану и Чоре русский царь научил этого мальчика биться с оружием, посадил на рыжего коня отца, дал ему большое войско и отправил в Крым начать войну. Крымские воины как обычно становятся перед врагом, начинается война. Чора как раньше русскому войску с тыла зайти собирается. Но вскоре перед Чорой выскочил одинокий всадник, срезав ему путь. Кони, приблизившись, узнав друг друга, заржали. Чора тоже узнал своего рыжего коня. Пока его мысли были заняты им, юноша, размахнувшись мечом, Чоре отсек левую руку. Чора собрался, размахнулся и отсек юноше голову, которая скатилась на землю. «На моего коня сев, против меня осмелившийся встать, этот юноша не простой человек», - подумал Чора, слез с коня, подошёл к умирающему юноше и посмотрел на его лицо. Посмотрел и что же он увидел: богатырь, точно похожий на него самого в юности, с только что начавшимися пробиваться усами, бородой. Хорошо посмотрел: на пальце юноши его золотое кольцо, подаренное русской девушке... Чора, наконец, понял свои ошибки, в глубокую печаль впал. Дело так обернулось, что он понял: ни хану, ни любимой жене не сможет показать лица. Без одной руки в битве с неверными силы у него нет, какая же от него теперь польза! На чёрного коня он садится, рыжий конь за ним, он входит в Чёрное море и уходит...

Разлучив (татар - 3. К.) с Чорой, русское войско побеждает Крым. Но русские, боясь, что Чора вернётся и навредит России, и сегодня держат караул в том месте, где ушёл под воду Чора. Так говорят...

Азнауур

Уллу Къабартыда болур быллай ёхтем ёзден джаш бийле,
Джаш болсала да бири къалмай барысы да баш бийле.
Ала къачдан джазгъа тогъуз атны ат джараугъа такъдыла,
Нохтагъа салыб, ала атланы зынтхы бла бакъдыла.
Минерикбиз, делле, тал чырпысы джаз келиб чакхынчы,
Атларыбызны бут этлери сыртларына качхынчы.
Къайиш джарау болуб, талчыкъмайин узун джолгъа чабхынчы,
Бизде тохтау джокъду, Ногъай джылкъылананы кёбюн табхынчы.
Оу, тура туруб джаз болду, тал башлары чакъдыла,
Джашла тогъузу да беллерине сауут-саба такъдыла.
Аланы атлары да джарау болду, талчыкъмайин чабдыла.
Ала бара барыб чегет ичи бир талагъа къайитдыла.
Тамадалары Къайтукъ улу джаш Хамзат айтады:
- Биз атланабыз тау джерлеге, джолустабыз къайдады?
Къартладан эшитгенме, аллыбызда чегет къалынды, тау кёбдю,
Барлыкъ джолубузну кеб джерледе кесер кирик джау кёбдю.
Бийлени ичинде Кичибатыр таулу къыздан туугъанды:
- Мен билеме, дейди, таулу болуб бу джоллагъа къан уста,
Ол Ийбак улу Азнауурду, юйден кетмей табылса.
Муну эшитир эшитмез нёгерледен бири туруб айтады:
- Бизге таулу болуб джолусталыкъ этер киши къайдады?
Ол таулу эсе, таулу бокъну джол устагъа алмайик,
Ол керек тюлдю, тенглик этмез, аллыбызгъа салмайик.
Ачыуланады Кичибатыр, мынга джууаб этеди:
- Хей, эркек къатын, таулуладан джигитлеринг къайдады?
Ол таулу болса да джашлыгъындан ат белинде ёсгенди,
Ол сени кирик кеб чыгъырны уруб башын кесгенди.
- Тартышмайик, дейди, Къайтукъ улу нёгерлеге айланыб,
Мен да эшитгенме Азнауурну батырлыгъы айтылыб.
Аны Азнауурдан дагъыда башха аты барды: Саурусхан,
Ногъай джылкъылананы кеси джангыз таугъа сюре таусхан.

Ала кетедиле Азнауурну таула ичинде элине,
Барыб тюшедиле къарт Ийбакны юйюне.
Хапар бередиле къонакъбайгъа, келгенлерин билдире,
Чыгъад алларына къарт Ийбак, гулочуна тайана.
- Аха, хош келдигиз, не айланасыз, быллай иги джигитле?
Атларыгъыз да узакъ джолгъа чыгъар кирик джюрюкле?
Къолун туталла, джаш Хамзат айтад къартха хапарын,
«Билдими экен, дейди, бу эски къарт атланы чабарын?»:
- Биз атлангъанбыз кишилики сынар ючюн узакъга,
Тюшюб къалмаз ючюн джауларыбыз джолгъа къурлукъ тузакъга,
Бизге керек болад, къоркъмай джюрюр, тенглик этер джолуста.
Джашынг Азнауурну берсенг бизге, келмез къоркъуу урушда.
- Аи медет, дейди, къарт Ийбак Хамзатха джууабха,
Азнауур кеткенди къайинлары Абайлагъа къонакгъа.
Айлыкъ уча барды, ол андан джуукълада къайталмаз.
Той, оюн битгинчи тенглерине, кетеме, деб, айталмаз.
Ол андан къайитхынчы, къонагъымсыз,
Кабартыны бийлери, Иги хоншулагъа Азнауурну ачыкдыла юйлери.
Бал бозасы барды юйбийчесини, биз тартайик, ойнайик,

Сизни атлагъа да джем салынсын, ат орунда багъайик.
-Сау болугъуз, дейле, къалалмазбыз Азнауурну табмайин,
Бизге тохтау джокъду, ол батырны аллыбызгъа салмайин.
Ала барадыла, Абайлагъа къонакъ болуб тюшелле,
Бир белек кюнню ала анда тойгъа, оюнгъа кирелле.
Ашай, иче келиб, таныталла ала анда кеслерин,
Сѐлеше келиб англаталла Азнауургъа дертлерин.
Азнауур джаратмайд къонакъланы быллай чойре тилегин,
Аны быллай ишле алгъын кибик учурмайды джюрегин.
Алай болса да ол бузалмайд къонакланы кѐллерин,
Эсине тюшюред Къабартыда джандан суйген тенглерин.
-Мен баралмам, дейди, мени юйде къарт атама сорулмай,
Узак джолгъа кетсем къалыр анда кеб сабаным орулмай.
Эркинлик алайим мен атамдан сизни бла кетерге,
Сизге сѐз береме, Отлукташда ызыгъыздан джетерге.

Мындан кетедиле джаш бийле Отлукташха джол туту,
Азнауурну да джолда бара сагъыш тюшед башына:
-Мен къалай барайим, быллай тюйеклеге джолуста,
Тенглик еталмазлык Кабартыны быллай тели джашына.
Узакъладан къараб, ногъайлыла акъ атымы кѐрселе,
Сора джаш бийле да джылкъыланы къолай, къолай сюрселе,
Джангъыз кеслери бу хорламны етген кибик билселе...
Быллай иш болурму, кѐргюзтсюнле джашла керти джигитлик,
Къыйин урушлада танытсынла мени кибик кишилик.
Ат-сауут сыналмай билинirmi бир адамда джигерлик,
Ак атны къоярма, бир башхасыд бу кѐзюуде миниллик.

Азнауур келеди, атасына былай хапар башлайды:
-Атам, мени, дейди, Кабартыдан джаш джумушха тилейле,
Бир белек болуб, джаш бийле джолустагъа кель, дейле.
Атасы айтады: Сен барлыкъса джигитлени джолуна,
Аллах сау келтирсин, джашым, сени къарт атангы къолуна.
-Акъ ат къарт болгъанды, ол энди алгъын кибик чабмайды,
Тот болгъанды алтыным, ол энди алгъын кибик атмайды.
Кесим да уллайгъанма, кѐзлерим ышанына къатмайды.
Сен эркинлик бериб, аууштурсам ушкогъуму, атымы,
Башха атха минерме, ушкок барды, аман тюлдю атыуу.
-Огъай, боллук тюлдю, джашым, дейди,
Азнауургъа атасы,
Сени ушкогъунгу, атынгы да джокъду уллу хатасы:
Акъ ат къарт болса да, аны озар бу джуртлада ат джокъду,
Тот болса да алтынлынг, андан узакъ атар ушкок джокъду.
Сен уллайсанг да сени орунунга ийер менде джаш джокъду.

Азнауур чыгъады уллу юйден, отоуна киреди.
Аны къатыны дуня ариуу Абай къызы Джансарайды,
Къутас чачлары хар кюн сайин ол юч кере тарайды.
Юсюне, башына сабийликден дарий гемха кийеди,
Кеси да обурду, чыпчыкъланы коймай тилин биледи.
Ары кирир кирмез ол кесини кѐзюн къашын тюйеди.
Муну былай кѐрюб: Не болгъанды санга, дейди Азнауур,
Аууругъанмы этесе, не да бармыд башха къайгъы бир дауур?
Мен атланама, къурулланы хазыр этиб бер къолума,

Дууа этериксе, чырмау чыкъмаз мени узакъ джолума.
Джансарай айтады: Мен бералмам къурулланы къолунга,
Насыбым тартыб, мен ийалмам сени къоркъуу джолунга.
Тюшюмде кѣргенме, келлик къара бушууланы,
Келтириб кѣргенме агъач атны атабызны джашына,
Мен суулай тѣгеме джыламукъларымы этген ашыма.
Кесинг сѣз бергененг мындан ары урушлагъа чыкъмазгъа,
Мени джюрегими мындан ары къайгъы бла джыкъмазгъа.
Атанг къарт болгъанды, кеб малынга карар кишинг джокъ,
Джашларынгсабийди, узакъджолгъа кетер кибиб кюнюнгджокду
-Сен неле айтаса, тюш деген кечелени богъуду,
Аллай тюшге ийнанган, къартла айтханча, адамланы джогъуду.
-Нечюн къарамайса джыламукъдан толгъан мени кѣзюме?
Тюшге ийнанмайса, тынгыла сора мени керти сѣзюме:
Айтханын унутма атабызны, дуня кѣрген къартынгы,
Сен аууштурма кеб сыналгъан сауутунгу, атынгы.
Эгечингден туугъан Мырзакъанга аны тайин бергенсе,
Ол анга минее, башха атланы сюрюб, дженгил джетмезми?
Ол къара ногъайлы танымайин сени уруб кетмезми?
Сора башха ушкогъунг алтынлыча узакъдагъын урурму?
Быллай сауут бла эркиши джауну аллына турурму?
Азнауур айтады: Къатын оноу келмез эрни ишине,
Сен ышанмаймыса киши дженгмез мени уллу кючюме?
Керти да батырды Азнауур, не аз да къоркуу билмейди,
Ол атха минее, атны белин джая кибиб бюгеди,
Ол суугъа кирсе, суу чабакълай тюбю бла джюзеди,
Ол кеси ишине башхаланы оноуларын суймейди.
Энди ачыуланад Азнауур, Джансарайгъа къызады,
Къара кюбюрню ачама деб киритин да бузады.
Ол артмакълагъа от ок салат, болур кибиб джолуна,
Алтынлыны къоуб къара ушкогъун сермеб алад къолуна.
Ол юйден чыгъады, Джансарайгъа «сау къал» демейин,
Ол чынгаб минеди акъ атына, ёзеннгиге тиймейин.
Джансарай да айтады: Сѣзлериме къулакъ салмай бараса,
Сени минген атынг батмакъсыз къаты джерге къатылсын,
Тутхан ушкогъунг джауну уралмай аман джерге атылсын,
Сени мында тыймай чюйре джолгъа атландыргъан атангы
Джыйгъан уллу мюлкю тюб болуб къуш тюгюнлей чачылсын. –
Быллай кеб къаргъама, дейди Азнауур Джансарайгъа бурулуб,
Аджалы джетмесе адам дженгил ёлюрмю урушда?
Сора юйде олтурсам, Аллах манга узун ёмюр берирми?
-Мен къаргъамайма, джаратхан Аллах сени къаргъасын,
Эки уланчыгъынг « атабыз», деб, джолгъа къараб джыласын.
Тели уланларын Къабартыда тыялмагъан бийчеле
Ала мени кибиб юйлеринде къара кюнле сынасын.
Сен кетер кетмез кебининги хазырларма, бичерме,
Мен джумушчуму, чуутлудан къара атлас ал деб ийерме.
Сен ёлюб келсенг, мен юсюме джыллы къара кийерме,
Ах, джылай, джылай мен ёлгюнчю кѣмюр кибиб кюйерме.

Къамчи урады Азнауур, шыбылача тауушу,
Къушлай учады, джел эте тюбюндеги шаулуху.
Анга тыйгъыч болмайд тау джолланы тиги бла ауушу,
Къалай чыкъмасын быллай атны, сау дунягъа тауруху?

Джолда кетиб бара Джарашты улу Сослан тюбейди аллына,
Быллай огурсуз джолукъмасын мени джети къанлыма.
Бу кеси да Ийбакны эгечинден туугъанды,
Аны джолун кесиб, Азнауур былай айтыб буугъанды:
-Къалай иги болду, къарнашым, бюгюн сени келгенинг,
Уллу джылкъынгдан джокъду манга ёмюрюнде бергенинг.
Акъ атымы алда, бизге барсанг, джылкъылагъа къыстарса,
Бер манга атынгы, къошха барсанг башха бир ат тутарса.
Сослан къарайды сейир болуб Азнауурну кёзюне,
Ол ийнанмайды, накъырдады деб, къарнашыны сёзюне.
-Хапарым уллуду, дейди Азнауур, артда айтырма кесинге,
Бир оюн ойнаргъа бу джол тюшгенди мени эсиме:
Уллу Кабартыдан бий къонакъла Отлукъташда сакълайла,
Заманым джокъду, тюш атынгдан, мен джолума кетейим,
Кечиксем айыбды, мен аланы кеб сакълатмай джетейим.
-Ана къарнашыма атымы къой, джанымы да берейим.
Оюннга барсанг да керек болур, сауутну атны игиси.
Сен джангыласа, нек къойганса алтынлыны юйюнде?
Болургъа керекед узакъ джолгъа акъ атынг да тюбюнде.
Сени шаулхунга къайдан джетсин тору атымы чабыуу,
Кеси да гёбелди атлыкъ етмез уллу эсе да къарыуу.
Джерин къаплайды тору атха, Азнауур кетеди,
Ол мычымайын джаш бийлени джарты джолда джетеди.

Сейир болады, нек баралла джашла былай акъырын,
Бийлени бири да джыртыб болад аягында чарыгъын.
-Мен кёреме, дейди Азнауур Хамзатха джетише,
Тайлыкъларындан сизни атла тюз джерледе ёсерле,
Ала тау джоллада узакъ бармай ташсынырла чёгерле.
Джылкъы сюрсенг да, ийелери къысха ызындан джетерле,
Сора аягына чарыкъ киелмеген нёгерле,
Ёмюрлеринде ушкок оту ийисгемс^гсн джигитле,
Бир уруш болса, джау аллында была къалай етерле?
Эшитирге сюймегенди тыш адамдан бу сёзлени Хамзат,
Хомух тенглерине ол джол узуну кеси да чамланат.
-Болур болду, дейди, къайталмазбыз джолубуздан ызына,
Къалай кёрюнюрбюз уйялмайин Кабартыны къызына?
Кеб болмаса да Ногъай бийледен бир белек сюралмай,
Саутларыбыз да уруш болуб къолубузда сыналмай.
Калай ангыланлыкды уруш этмей ушкок отну ийиси,
Калай таныллыкды кюреш болмай эркишини игиси?

Была, чаба джорта талай кюнню джолларына баралла,
Сора кече бла Ногъай джылкъылыны кёбюн табалла.
Айландыралла сау джылкъыны, таугъа буруб сюрелле,
Ала кюн къызаргъа Бийчесынны тёбен джанындан кирелле.
Джук кёрмеген джашла, быллай ишге къууаналла, келелле,
Ногъайлы къызбайды, бизге къаршчы келалмаз,- деб, билелле.
Андан келе келиб бир дуппурда ат ийелле, тохтайла,
Джылкъы талчыкгъанды, ач болур, атла бурун салыб отлайла.
Миннген атларыны бир къаууму джатыб солуйду, къобмайды,
Быланы барын Азнауур барыб кёредди, джокълайды.
-Джашла, сизни, дейди, атларыгъыз арыгъанды, битгенди,
Аркъан атайик да джылкъы ичинден джангы атлагъа минейик,

Джолубуз узунду, кеб джатмайин таугъа джуукъ кирейик.
Бир экибиз да артха тохтаб, келген кетген билейик,
Мынга джууаб береди Хамзат: Ашыкгъанлыкъ этмейик,
Атла солусунла, биз былайда джангы атха минмейик,
Заманыбыз барды, биз джылкыны энди къаты сюрмейик,
Ногъайлыладан къоркъуб, керексизге таугъа, ташха кирмейик.
Эрке бийлеге энди аны сёзю ётмезин кёреди.
Локъум ашайдыла джаш бийле, артмакълагъа узала,
Тойюб джаталла, кеслери да джамчылагъа чырмала.
Азнауур уйауду, тегерекге бёрю кибик къарайды,
Хамзат да джылкыыланы кёзю бла санайды,
Ол санай келиб эригеди, кёкге къараб эснейди,
Ол джарыкъ кёкде, тёбенледе бир къара тубан эслейди.
Азнауур айтады: Ол тубан тюлдю, башыбызгъа джунчууду,
Бизни ызлаб келген Ногъай аскерден чыкхан тылпыуду.
-Келирлеми къоркъмай кюндюзгю кюн бизге Ногъай чанкала?
Тубан башында нек учалла ёрге энишге чаукала?
-Ол да чаука тюлдю, деб Азнауур анга джууаб береди,
Энди эркишилени сауутларын сынап заман келеди.
Ногъай атланы туягъындан чартлаб чыкхан кулдала,
Алада болмазмы ашхы улан, аслан кёллю тулпарла?
Ийбак улу айтады: Энди джашла джылкыыланы урсунла,
Бир экиси да мени бла джауну аллына турсунла.
Къайтук улу унамайд: Биз иймезбиз сени джауну аллына,
Сен кесинг сюрюрге нёгер да алыб джылкыыланы аллынга,
Ногъайлыланы джетер джетмез ызларына къууайик,
Къайрылгъан болса, биз аланы бирин къоймай къырайик.
Джашла кетедиле, ат юсюнден ушкок эта джаулагъа,
Эки нёгер алыб Азнауур да джылкыны сюред таулагъа.

Уллу мараучуду Къайтук улу джигит туугъан Хамзат,
Атханы сайин къаршчыладан къызыл къанла агъызат.
Ногъайлыла да бетджан салыб тизгенлерин бузмайла,
Хамзат айтханча, къоркъмайла, ызларына турмайла.
Сора джаш бийледен талайи джара алыб къачады,
Къалгъан кесеги да эс ташлаганд, марамайин атады.
Батыр Хамзат отун огъун биттиреди, джаллайды,
Кичибатырны да ок тийгенди киндигинден, джатады,
Къагъан кючлерин башха джерде энтда салыб кёрюрге,
Была къача келиб джылкыыланы ызларындан джетелле,
Ногъайлыла да артларында джуукълашыб кёлелле.
Азнауур кёреди тюшгенлерин къаруусузгъа джашланы,
-Ахыры былайды, дейд, телесине иш кёрген башланы.
Энди мен барайим ызыбыздан сюрюб келген джаулагъа,
Сюрюгюз джылкыны, джетдиригиз тар джерлеге таулагъа.
Ногъайлылагъа Азнауур шыбылача от ачады,
Казак бёрю кибик ол аланы къой сюрюулей чачады.
Андан къайтыб келиб нёгерлерини не этгенине къарайды,
Къараса къарасын, энди джылкы ол айтханча бармайды,
Атлары арыгъанды джаш бийлени, алларына чабмайла,
Джангы ат тутаргъа къанджигъада къараб аркъан табмайла.

Къалай джигитди тау асланы Ийбак улу Азнауур.
Туура джерледе ол барыб джауланы аллы тыяды,

Ташагъа кирсе нёгерлерин джылкыгъа къошуб къаады,
Ол сюре барыб джылкыыланы Ташлысыртха джыады,
Ногъайлыланы джартысын кеси джангыз джояды.
Джойса джойсун, Джалансыртда аны кючу тауусулады:
Аны минген аты арыгъанды, кёк шаулухча чабмайды,
Аны ушкогъу да алтынлыча энди туура атмайды.
Кеси да арыгъанды, алгъын кибик ышанына къатмайды.
Ногъай аскерле Ташлысыртда муну аллына ётелле,
Ала мычымайин джылкыыланы ызындан джетелле.
Бирин къалдырмай, джаш бийлени союм къойлай кеселле,
Андан къайтыб келиб, ала узакъдан Азнауурну кёрелле.
Аты джыгъылгъанды Азнауурну, келе тургъан джолунда,
Кеси да къачмайды, олтурады, къара ушкогъу къолунда.
Азнауур биледи, нёгерлеге къара кюнле келгенин,
Ол энди ангылайды кесини да кеб джангылыч этгенин:
Къалай джолгъа чыкъдым, минген атым, сауутларым сыналмай,
Сабий джашланы арюу айтыб ызларына тыялмай,
Къонакъланы ёлтюртюб баралмам энди юйюме уялмай...
Келиб къарайла ногъайлыла, ушкок, атымы узакъдан,
Къутулмаз, дейдиле, не пелиуан да энди быллай тузакъдан.
Ногъай аскерлени тамадасы болур тулпар
Мырзакъан, Къызыл къанланы
Ташлысыртда суу шоркъалай агъызгъан.
Кеси да туугъанды къарт Ийбакъны джангыз суйген къызындан.
Джюреги сезеди энди, кимни сюрюб келеди ызындан.
Нёгерлерине айтады: Ашыкъмайик, бу батыр кимди къарайик.
Кесин берирге унамаса, сорайик да саулай джесир алайик.
Азнауур болмасын, анга ушайды атха къамчи ургъаны,
Аны аслан кибик кеси джангыз джартыбызны къыргъаны,
Сора къоркъуу билмей, энтда аллыбызгъа тургъаны.
-Джангыласа, дейди къарт ногъайлы, урушланы сынагъан,
Сен эшитгенмисе бу джуртлада Азнауургъа чыдагъан?
Ол Ийбак улу эсе, къайдад аны алтынлысы, кёк аты?
Аны шаулухуну ким да билиб барды эки къанаты.
Аны кёк шаулуху урушлада джюрюмейди, учады.
Ол кёкде баргъан къанатлыны джибермейди, тутады.
Алтынлы ушкогъундан чыкгъан огъу аны джерге тиймейди.
Вир марагъанын Ийбак улу джаны саулай иймейди.
Азнауур къобады, къара ушкогъун от къуюб джерлейди,
Ногъайлылагъа къозугъанча ушкок атыб тебрейди.
Атса атсын, аны ушкогъу ол айтханны етмейди,
Андан чыкхан окъла къысха суууб, джауларына джетмейди.
Ачыуланад Мырзакъан да, мынга къаршчи турады,
Ышанга салыб, Азнауурну кёкюрегинден урады.
Къара къаргъа кибик Ногъай аскер Азнауургъа чабады,
Ана къарнашын джаш Мырзакъан къан ичинде табады.
Тайышад акылы ол батырны, къызгъан отлай кюйеди,
Къарт ногъайлыны къамчи бла ёлтюргюнчу тюеди.
Ана къарнашыны ёлюгюне ол къабланыб джатады,
Кеси къулагъын кесиб алыб аны юсюне атады.
Бурулуб къайнайды Минги-тауну тёпбесинде тубаны,
Сызгырыб келеди Ташлысыртны талгъыр ала джыланы,
Ёлюб джатады къарт Ийбакъны джигит туугъан уланы...

Азнауур
(Подстрочный перевод автора)

В Большой Кабарде есть, наверно, такие гордые уздени - молодые бии,
Хотя молодые, а до единого все главные бии.
Они с осени до весны девять коней на выездку поставили,
Неуков - коней они овсом откармливали.
-Оседлаем, сказали, тополиная крона, весна, наступив, зацветёт когда.
Лошадей наших «мясо на ногах перейдёт на спины» когда.
Упряжь подходящей чтобы была, когда без устали долгий путь побегут.
У нас остановки нет, пока ногайских табунов большую часть не найдём.
Ой, наконец, весна наступила, тополей верхушки расцвели.
Парней все девять на пояса оружие-снаряжение повесили.
Их кони тоже готовые стали, без устали побежали.
Они ехали, ехали и в лесу на одну поляну завернули.
Их тамада Кайтука сын молодой Хамзат говорит:
-Мы направляемся в горные места, проводник у нас где?
От стариков я слышал, впереди у нас лес густой, гор много.
Путь, который мы должны пройти, во многих местах пересечь готовых врагов много.
Один из биев, Кичибатыр, от горской женщины рождён:
-Я знаю, говорит, горца, в этих местах он прирождённый мастер,
Он Ийбака сын - Азнауур, из дома только если он не отлучился, и мы его найдём.
Это, только услышав, один из спутников встал и сказал:
-Горец, сумеющий для нас стать проводником, где?
Он горец если, горца в проводники не возьмём,
Он не нужен, неровня он нам, впереди себя его не поставим.
Разозлился Кичибатыр, ему ответ даёт:
-Хей, мужеподобная баба, горцев храбрее кто у тебя?
Он - горец, с детства на спине коня вырос,
Он, тебе подобным, многим чыгырам одним ударом головы отсекал.
-Спорить не надо, - говорит Кайтука сын, к спутникам обернувшись,
Я тоже сласал об Азнаууровом богатырстве легенды.
У него, кроме Азнауура, ещё другое имя есть:
Саурусхан, Ногайские табуны он, один в горы угоняя, уменьшал.
Они едут в Азнауурово в горах селение,
Приехав, спешатся у старого Ийбака дома.
Весть подают хозяину, о приезде оповещают.
Выходит навстречу старый Ийбак, на посох опираясь.
-Аха, добро пожаловать, что гуляете, такие славные джигиты?
И кони, долгий путь выдерживающие иноходцы.
Руку пожимают, молодой Хамзат говорит старику своё дело.
Догадался ли, думает, этот дряхлый старик, что коням (предстоит) бежать.
-Мы направляемся, мужество испытать чтобы, далёко.
Чтобы не попасться во вражеские на дорогах засады,
Нам нужен неустрашимый в пути, равный нам проводник.
Сына Азнауура дашь если нам, не придётся бояться в бою.
-Как жаль, - говорит старый Ийбак Хамзату в ответ,
Азнауур уехал к родне жены - Абаевым в гости.
На месяц, на праздник его пригласили, раньше не сможет вернуться.
Танцы, игры пока не закончатся, друзьям «я уезжаю» не сможет сказать.
Он пока оттуда не вернётся, вы - мои гости,
Кабарды князья. Для хороших соседей Азнауура открыты дома,
Медовая буза есть у его хозяйки, мы выпьем, повеселимся.
Вашим коням корм дадут, в конюшню поставят.

-Спасибо, говорят, не сможем остаться, Азнауура не найдя,
Нам нет остановки, этого богатыря впереди себя'пока не поставим.
Они едут к Абаевым, гостями становятся.
Несколько дней они там в танцах, в играх участвуют,
Поев, попив, представляют они там себя,
Поговорив, объясняют Азнаууру своё дело,
Азнаууру не понравилась гостей такая неприличная просьба.
Его такие дела не воодушевляют, как раньше, сердце.
Хотя это так, он не может испортить гостям настроение.
На память пришли в Кабарде больше души любимые друзья.
-Я не смогу поехать, говорит, дома у старого отца не отпросившись,
Если в дальний путь я уеду, останется там много полей невспаханных.
Разрешение возьму я у отца с вами уехать.
Вам слово даю: у Отлукташа следом догнать.
Отсюда уезжают молодые бии, к Отлукташу путь держат.
Азнаууру же по дороге мысль приходит в голову:
Я как поеду такой мелочи проводником?
Товарищем быть мне не умеющему,
Кабарды такому глупому сыну?
Издали посмотрев, ногайцы белого коня моего когда увидят,
Они, меня испугавшись, без борьбы в дома свои спрячутся,
Тогда молодые бии табуны слишком легко угонят,
Сами себе эту победу припишут...
Такое дело возможно ли, пусть покажут парни настоящую храбрость,
В трудной борьбе проявят пусть, мне подобно, мужество.
Коней и оружие не испытай, узнается ли хоть одного человека храбрость?
Белого коня оставлю, другой на это время будет осёдлан.
Азнауур приезжает, отцу так речь начинается:
-Отец, меня, - говорит, - из Кабарды парни на помощь просят,
В одну группу собравшись, проводником поехали, говорят.
Отец говорит: Ты поедешь в джигитский путь,
Аллах пусть живым возвратит, сын мой, тебя старому отцу вруки.
-Белый конь состарился, он теперь как прежде не бежит,
Заржавело ружьё, оно теперь как прежде не стреляет,
И сам я постарел, глаза мои цель плохо видят.
Ты разрешение дай, поменяю ружьё и коня,
На другого коня сяду, ружьё (другое - З.К.) есть, неплохо стреляет.
-Нет, нельзя, - говорит Азнаууру отец, -
У твоего ружья и коня нет большого изъяна,
Белый конь, если и состарился, не догнать его в этих краях никому.
Заржавело даже если ружьё, дальше, чем оно, стреляющего ружья нет.
Ты постарел если даже, вместо тебя послать у меня сына нет.
Азнауур выходит из большого дома, в спальню заходит.
Его жена, мира краса, Абаева дочь - Джансарай.
Шёлковые волосы свои каждый день три раза расчёсывает,
С ног до головы с детства шелка роскошные надевает.
И сама она вещунья, птиц не исключая, всех языки знает.
Туда как только зашёл, она глаза, брови нахмурила,
Её только увидев: Что случилось, что с тобой, - говорит Азнауур.
-Болеешь, или есть другая забота, или какая ссора?
Я уезжаю, приготовь всё, что надо и дай мне в руки,
Молитву прочитаешь, препятствия не появятся на моём пути.
Джансарай говорит: Я дать не смогу вещи тебе в руки,
Счастье моё перетянет (здесь: мне повезёт - З.К.) если, я не отпущу тебя в опасный путь.

Во сне видела я наступающие чёрные горести.
Принесли, я видела, деревянного коня отца нашего сыну.
Я, как воду, лью слёзы свои в приготовляемую пищу.
Ты сам давал слово: с этих пор в сражения не выходить.
Моё сердце с этих пор заботой такой не разбивать.
Отец твой старым стал, огромные стада твои смотреть никого у тебя нет.
Сыновья твои ещё дети, в дальний путь отправляться дня (здесь: возможности - З.К.) у тебя нет.
-Ты что такое говоришь, снами называемое - это ночей навоз.
Таким снам верят, как старики говорят, - люди никчёмные.
-Почему не смотришь в слезами наполненные мои глаза,
Снам не веришь, послушай тогда моё верное слово:
Сказанное не забывай отцом, мир повидавшим стариком,
Ты не меняй много раз испытанные оружие и коня:
От сестры твоей рождённому Мырзакану его жеребёнка ты отдал.
Он на него если сядет, других коней, погнавшись, легко не догонит ли?
Этот чёрный ногаец, не узнав, в тебя выстрелив, не убьёт ли?
И потом другое оружие, как твоё ружье, далеко достанет ли?
С таким оружием мужчина врагу навстречу выйдет ли?⁹
Азнауур говорит: Женские советы не подходят мужским делам,
Ты не веришь, что никто не одолеет моей могучей силы?
И правда, богатырь Азнауур, ни мало страха не знает.
Он на коня садится когда, коню спину, луку подобно, сгибает.
Он в воду войдёт если, речной рыбе подобно, по дну плавает.
Он в своих делах других советы не любит.
Теперь злится Азнауур, на Джансарай гневается.
Чёрный сундук открывая, замок ломает.
Он в походные сумки пули кладёт, достаточно чтобы в дорогу.
Алтынлы оставляет, чёрное ружье, схватив, берёт в руку.
Он из дома выходит, Джансарай «прощай» не говоря,
Он, вскочив, садится на белого коня, стремя не тронув.

Джансарай и говорит: К словам моим, не прислушавшись, едешь,
Твой оседланный конь без грязи в твёрдой земле пусть завязнет,
Взятое тобой ружье, врага не убив, в плохое место пусть будет выброшено,
Тебя здесь не удержав, в неверный путь отправляющего отца
Собранное огромное богатство исчезнет пусть, как птичий пух рассыпавшись.
-Так сильно не проклинай, - говорит Азнауур, к Джансарай повернувшись.
Судьба не достигнет если, человек быстро погибнет ли в бою? ¹
И потом, если я дома буду сидеть, Аллах мне длинный век даст, что ли?
Пришедшим гостям Ийбака сын лживое слово даст ли?
-Я не проклинаяю, создатель Аллах пусть тебя проклинаяет,
Двое соколят твоих, «отец наш» говоря, на дорогу глядя, плачут пусть.
Глупых сынов в Кабарде не остановившие княгини,
Они, мне подобно, в домах своих чёрные дни испытают пусть.
Ты как только уедешь, саван твой приготовлю, скрою.
Я служанку свою к еврею чёрный атлас купить пошлю.
Ты мёртвым вернёшься если, я на себя годичный траур надену.
Ах, плача, плача, я, пока не умру, углю подобно, гореть буду.
Хлыстом бьёт Азнауур, грому подобен его звук.
Орлу подобно летит, ветер гонит под ним шаулух.
Ему преградой не становятся горных дорог кручи и перевалы.
Как не выйдут о таком коне в целый мир легенды?
По дороге уезжая, Джараштыев Сослан встретился ему.
Такой зловещий да не встретится и семикратному моему кровнику.

Он сам притом от Ийбака сестры родился.
Ему путь преградив, Азнауур так сказал настойчиво:
-Как хорошо случился, брат мой, сегодня твой приезд,
Из огромного твоего табуна нет мне в жизни подаренного тобой.
Белого коня моего возьми, к нам приедешь когда, в табун его отгонишь,
Дай мне коня твоего, на кош поедешь когда, другого коня какого-нибудь поймаешь.
Сослан смотрит, удивившись, Азнаууру в глаза.
Он не верит, шутка, думает,- брата слова.
Рассказ мой долгий, говорит Азнауур, потом расскажу тебе,
Одну игру сыграть на этот раз пришло мне в голову:
Из Большой Кабарды княжеские гости у Отлукташа ждут,
Времени нет у меня, слезай с коня своего, я в путь отправляюсь,
Опаздывать стыдно, я их, долго ждать не заставляя, догоню.
-Матери моей брату, не только коня, но и душу отдам.
На игры едешь даже если, нужны оружие и конь - лучшие.
Ты ошибаешься, почему оставил свой алтынлы дома?
Быть должен в дальней дороге белый конь твой под тобой!
С твоим шаулухом как сравнится гнедого коня моего бег?
Он - изнеженный, конём тебе не будет, хоть и большая у него сила.
Но, седло положив на гнедого коня, Азнауур уезжает.
Он не задерживаясь, молодых биев на полпути догоняет.
Диву даётся, почему едут парни так медленно.
Из биев один оказался порвавшим на ноге чарык.
-Я вижу, - говорит Азнауур, к Хамзату приближаясь,
-С жеребьячества ваши кони на равнинных землях выросли,
Они на горных дорогах, далеко не уйдя, заспотыкаются, сядут.
Табун погонишь когда, хозяева быстро следом догонят.
Притом на ноги чарыки надеть не умеющие товарищи,
В жизни ружейного дыма не нюхавшие джигиты,
Какая-нибудь битва будет, если, перед врагом они что делать будут?
Слышать не хочет от чужого человека эти слова Хамзат,
Неряшливых друзей он всю дорогу и сам ругает.
-Что случилось, то случилось, - говорит он, - не возвращаться же с полпути назад,
Как мы покажемся, не стыдясь, в Кабарде девушкам?
Хоть немного, но у ногайских биев часть табунов не угнав?
И оружие, в битву не вступив, в руках не испытал.
Как узнается-, в битве не сойдясь, ружейного огня запах?
Как познается, борьбы если не будет, из мужчин наилучший?
Они бежали рысью, несколько дней в пути своём шли,
Потом ночью они ногайских табунов много нашли.
Развернули целый табун, в горы повернув, погнались,
Они к рассвету на Бийчесын снизу заходят.
Ничего не выдавшие парни такому делу радуются, смеются:
-Ногайцы трусливы, против нас не придут, - говоря, так думают.
Затем ехали, ехали и на одном холме коней отпустили, остановились.
Табун устал, проголодался, кони, носы повесив, пасутся.
Из оседланных коней некоторые лёжа отдыхают, не встают.
Их всех Азнауур пошёл, посмотрел, проведал.
-Парни, ваши, - говорит, - кони устали вконец.
Аркан бросим и из табуна новых коней оседлаем,
Путь наш долгий, долго не отлёживаясь, к горам поближе подойдём.
Вдвоём здесь оставшись, ушедших, пришедших понаблюдаем.
Ему ответ даёт Хамзат: Спешить не будем,
Кони пусть отдохнут, мы здесь новых коней давайте не будем седлать,

Время у нас есть, мы табун теперь сильно давайте не гнать,
Ногайцев испугавшись, зря в горы, в камни давайте не заходить.
Избалованные бии теперь в его слова не вникнут, - видит (Азнауур)
Локум едят молодые бии, к артмакам тянутся,
Насытившись, ложатся сами, в бурки завернувшись.
Азнауур бодрствует, вокруг, волку подобно, смотрит,
Хамзат же табуны глазами считает, Он считал, считал, надоело, в небо смотрит, зевает,
Он в светлом небе внизу какой-то чёрный туман замечает.
Азнауур говорит: Это не туман, а на наши головы несчастье,
Нас выследившего ногайского войска исходящее дыхание.
-Придут ли, не боясь, среди бела дня к нам ногайские чанки?
Над туманом, почему летают вверх, вниз грачи?
-Это не грачи, - говоря, Азнауур ему ответ даёт,
-Теперь мужчинам оружие испытать время подходит.
Из-под ногайских коней копыт, отскакивая, отлетают дёрны.
У них нет разве славных парней, с львиной душой богатырей?
Ийбак улу говорит: Теперь парни табун пусть гонят,
А двое со мной врагу навстречу пусть встанут.
Кайтук улу не соглашается: Мы не пустим тебя врагу навстречу,
Ты сам погонишь, спутников взяв, табуны вперёд.
Ногайцев, как встретим, назад спустим,
Сопротивляться будут, мы их, ни одного не оставив, уничтожим.
Парни уезжают, с коней стреляя во врагов,
Двух спутников взяв, Азнауур же табун гонит в горы.
Большой стрелок Кайтук улу, джигитом рождённый Хамзат,
Стрельнет как, из врагов красную кровь проливает.
Ногайцы же, рубеж поставив, ряды свои не ломают.
Хамзат как говорил, не боясь, назад не бегут.
Тогда из молодых биев многие, раны получив, сбежали,
Оставшиеся немногие же растерялись, не целясь, стреляют.
Батыр Хамзат огонь, пули истратив, отступает.
Кичибатыру же пуля попала в пупок, он лежит.
Оставшуюся силу в другом месте ещё приложить попробовать
Они бегом бегут, и табуны уже догоняют.
Ногайцы же, сзади приближаясь, подходят.
Азнауур видит, что попали в бессилье парни,
-Конец таков, - говорит, - у по глупости дела начинающих голов.
Теперь я пойду к сзади гонящим врагам,
А вы гоните табун, домчите до узких ущелий в горах.
По ногайцам Азнауур, как молния, огонь открывает,
Как казак-волк, он их подобно бараньей отаре разгоняет.
Оттуда вернувшись, смотрит, что делают спутники.
Что же он видит? Уже табун, как он и говорил, не идёт.
Кони устали у молодых биев, вперёд не бегут,
Чтобы поймать новых коней, за седлами ищут и не находят аркан.
Какой джигит, горный лев Ийбак улу Азнауур.
В открытом поле он пошёл и остановил противника.
В укромное место друзей с табуном отправил.
Он гнал и пригнал табун, у Ташлысырта собрал.
Ногайцев половину сам один уничтожил.
Хоть и уничтожил, но у Джалансырта его силы на исходе,
Его оседланный конь устал, как белый шаулух не бежит.
Его ружьё, как алтынлы теперь цель не держит.
Ногайские воины с Ташлысырта ему навстречу проходят.

Они, не останавливаясь, табун сзади догоняют.
Ни одного не оставив, молодых биев, как готовых на убой баранов, режут.
Оттуда возвращаясь, они издали Азнауура видят.
Конь свалился у Азнауура, когда он был в пути.
Сам он не убегает, сидит с чёрным ружьём в руке.
Азнауур знает, что у спутников чёрные дни настали,
Он теперь понимает, что сам много ошибок сделал:
Как в дорогу вышел, сев на коня, взяв ружьё неиспытанное?
Этих юных парней, ласково поговорив, назад не отправив?
Кунаков, дав убить, не поеду теперь домой, не стыдись...
Подъехав, смотрят ногайцы на ружьё, на коня издали:
- Не спасётся, - говорят, - даже богатырь теперь из такой ловушки.
Ногайских воинов тамада будет, верно, богатырь Мырзакан,
Красную кровь на Ташлысырте как воду, струёй проливал.
Сам же рождён старого Ийбака единственной любимой сестрой,
Сердце его предчувствует теперь, кого догонять приехал сзади.
Спутникам говорит: Не будем спешить, этот батыр кто, посмотрим.
Сдаться не захочет, если, спросим и живым в полон возьмём.
Азнаууром бы он не оказался, на него похоже, как коня хлыстом бьёт,
Как, льву подобно, один половину наших уничтожил,
И затем, страха не зная, сейчас перед нами стоит.
- Ошибаешься, - говорит старик-ногаец, битв много видавший,
- Ты слышал, чтобы в этих местах Азнауура выдержали?
Он Ийбака сын если, где же его алтынлы и белый конь?
У его шаулуха, все знают, есть два крыла.
Его белый шаулух в сражениях не ходит, а летает.
Он в небе пролетающую птицу не пропускает, ловит.
Алтынлы-ружьё выпускающая пуля на землю не падает.
В кого прицелится, Ийбак улу в живых не оставляет.
Азнауур встаёт, чёрное ружьё заряжает, целится,
В ногайцев, словно дразнит, из ружья стрелять начинает.
Хоть стреляет, но ружьё его не слушается,
Из него выходящие пули быстро остывают, до врагов не долетают.
Разозлился Мырзакан, ему напротив встаёт,
Прицелившись, Азнаууру в грудь стреляет.
Чёрным воронам подобно, ногайское войско к Азнаууру бежит.
Матери брата молодой Мырзакан среди крови находит.
Сходит с ума этот батыр, как яркий огонь горит,
Старого ногайца хлыстом до смерти избивает,
На материнского брата труп он ничком ложится,
Собственное ухо отрезав, взяв его, на тело бросает.
Крутится, кипит на Минги-тау вершине туман,
Свистя, ползёт на Ташлысырте пёстрая полосатая змея,
Мёртвым лежит старого Ийбака сын, рождённый джигитом ...
Гетман улу Ильяс
Кетиб барайем Къобан ёзенни мен пабескеме, джолума,
Къарабаш Адемей, ой, салам бериб тюбеди мени аллыма.
- Джолунг болсун, Ильяс, деди, къайры бараса, адежинг болмай бошуна?
Ёбгелегенми этгенсе, джигит, сен нек келмейсе кесинг таньучу къошума?
Нечюн сюрмейсе, джаным, сен алгъын кибик, ой, сэры къулак голчула?
Аланы берир эдим, тейри, ой, уллу Морхда мени мюлк джер алгъан борчума.
Мени ол борчдан къутхарсанг, Ильяс, керти сёз болуб, сени балам кибик кёрюрем,
Тамада къызымы, тейри, мен Хубийлагъа къалынсыз келинге берирем.
Миниучю кёк атынг арыкъ кёреме, семирсин, къыстаб къойсанга,

Джылкыма кириб а, къара тору къасбарладан сайлагъанынга къонсанга.
-Айиб этме, джюйюсхан, ол арыкъ кёрюнесе да кеси тау бууаздан туугъанды,
Сары къулакъланы да аргъы Гегинден, тейри, ол джюзле бла къуугъанды.
-Алай эсе, Ильяс, ол бизни къошда сени эки джигит сакълайла.
-Сиз айтхан болсун, джюйюсхан, ол джигитлени къамчи уруулары къалайды?
Джангы тенглени ким болгъанларын билирге кёзюм къарайды.
-Аланы бирин сорсанг, ол кесибизни Харзак чанкаладан Базайды.
Екинчисин айтсам а эмчек къарнашым, ой, тулпар туугъан Туудуду.
Базай джолгъа чыкъса, къуру къайтмайды, къатындан, къыздан уйалмай,
Туудуну сорсанг а, ол джибермейди, тейри, учхан къушдан тюк алмай.
Алайдан кетдиле была Пашинскеге, ой, падескени джолуна,
Дадан къутулуб, тюзюк къагъытны Ильяс алгъан эди къолуна.
Андан къайтыб, ала Къарабаш улуну къой къошуна тюшдюле,
Мында джыйин болуб, эки юч кюнню ойнай кюле ичдиле.
Ильяс, Базай, ол джигит Тууду енди шох болдула танышыб,
Къарабаш Адемей да кюреше энди быланы атландырыргъа ашыгъыб.
Атландыла была ишек ирк, ой, джол азыкгъа хант этиб,
Бири ёлген джерде бири сау къалмазгъа, хамайил алыб, ант этиб.
Была тебретиле энди Гегин хуторланы, ой, туура тутуб джолуна,
Джуукъ джетерге Ильяс гёрохун алгъан эди тайакъ орнуна къолуна.
Темир бурууланы чачыб, ёгюз сюрюйню къолгъа этиб сюрдюле,
Алай долса да, тейри, орусла да хапарны дженгил билдиле.
Быланы ызларындан, ой, сауутланыб джетдиле, къысха кирдиле.
-Ой, Ильяс, дейди Тууду, ой, орус аскер тегерекни алгъанды,
Мындан къутулур ючюн бизге джангыз бир мадар къалгъанды:
Гегин казакла огъурсуз боладыла, къозгъалгъандыла, къачайик,
Быланы къояйик да, Андрюкада темир къалаланы чачайик.
Тутсала бизни была, тейри, тишлик къойлай соярла,
Ёлген ёлюбюзню элтиб муслиман табмаз бир аман джары къуярла.
-Эй, хомух Тууду, ырыслагъан этеме, киши быллай сёзню айтырмы?
Сен билмеймисе, хомух, адетим тюлдю мени быллай джерде бугъаргъа,
Негерлик этигиз, ашхы улан, бу гяурланы, ой, ызларына къууаргъа.
Окъ тийди Ильясха, ол къаплан кибик, тейри, эки джанын сермеди,
Хомух тенглери къачхан эдиле, къатында адам кёрмеди.
Тубан басханды уллу Амгъатаны аджаша баргъан джолундан,
Окъ тийгенинде чартлаб кетгенди алтын сагъатынг къойнунгдан.
Къанджал ийегилеринг, Ильяс, къарт болгъанса да орус окъланы тыймайды,
Къандагъай билеклеринг кёк шаулухунгу тартыб джюгенин джыймайды.
-Ой, окътийгенди, ёлеме, деди, къара джамчыны мени юсюме атыгъыз,
Мени хапарымы барыб Къарабашланы ол къарт офисерге айтыгъыз.
Ой, окъ тийгенди, джашла, ёлюб барама, мени омурауумдан белимден,
Айрылыб барама энди ол Хубийлада мени тукъумумдан, элимден,
Кимге къалды, Ильяс, уллу Абукладан сени сайлаб алгъан къатынынг,
Кимле юлешелле сени Къабага асырагъан, ой, машок толу алтынынг?
Мындан баргъан эдик, тейри, Ильясны алгъа салыб ал этиб,
Андан а къайтыб келебиз, джаным, ой, кёк атынга сал этиб.
Джинегей бойнунда киши табылмайды къан бусхулланы джууаргъа,
Сен джазыкъ эдинг, Ильяс, Хубийланы ол тынч Муссадан тууаргъа.

Готман улу Ильяс

(Подстрочный перевод автора)

Ехал, направляясь по Кубанскому ущелью, я по повестке своей дорогой.

Карабашев Адемей, ой, поздоровавшись, встал передо мной.
-Путь добрый, Ильяс, сказал, куда едешь, запасного коня не имея на поводу?
Обиделся что ли, джигит, ты, почему не приезжаешь в тебе знакомый кош мой?
Почему не угоняешь, душа моя, ты, как прежде, ой, желтоу-хих - криворогих?
Их отдал бы я, Тейри, ой, на Большом Морхе за мои собственные земли долги.
Меня от того долга освободишь, Ильяс, верное слово, тебя, как своё дитя, видеть буду.
Старшую дочь, Тейри, я Хубиевым без калыма в невестки отдал бы.
Оседланного голубого коня твоего худым вижу, пусть окрепнет, отгони да оставь-ка.
В табун мой зайди, из чёрных гнедых каспаров на выбранного садись-ка...
-Не стыди, господин, он худым кажется хотя, да сам от горной лошади рождён,
Желтоухих же из дальнего Гегина, Тейри, он сотнями пригонял,
-Если так, Ильяс, на том нашем коше тебя два джигита ждут.
-Вы что скажете, пусть будет, господин, те джигиты хлыстом бьют как?
Новых товарищей, кто такие, узнать мне не терпится.
-Их одного если спросишь, он из наших хурзукских князей - Базай,
Второго если скажу, он мой эмчек-брат, ой, богатырём рождённый Тууду.
Базай, если в путь выйдет, пустым не возвращается, женщин, девушек не стыдясь.
Тууду, если спросишь же, он не отпустит, Тейри, у летящего орла перо не взяв.
Оттуда уехали они в Пашинску, ой, по повестке в путь,
От суда избавившись, верную бумагу Ильяс взял в руки.
Оттуда вернувшись, они на Карабашева бараний кош попали,
Здесь собравшись, два-три дня играя, смеясь, выпили.
Ильяс, Базай, тот джигит Тууду теперь приятелями стали, познакомившись.
Карабашев Адемей же пытался их выпроводить побыстрей.
Направились они жирного барана, ой, на дорогу провизией, блюдом сделав,
Один погибнет если, чтобы в том месте другому живым не оставаться, на Коране клятву дав.
Они направились теперь на Гегин хутор, ой, прямо держа путь.
Ближе подъехав, Ильяс ружьё взял вместо палки в руку.
Железные ворота разбросав, бычье стадо «в руки взяв», погнажи,
Хотя и так, Тейри, русские тоже весть быстро услышали,
По их следам, ой, вооружившись, догнали, коротко зашли.
-Ой, Ильяс, - сказал Тууду, - ой, русское войско в окружение взяло,
От этого избавиться чтобы, нам единственный способ остался:
Гегинские казаки злые бывают, взбудоражились, бежим.
Этих оставим да в Андрюке железные крепости порушим.
Поймают если нас эти, Тейри, как на тишлик баранов, прирежут.
Мёртвые тела отнесут, мусульмане не нашли чтобы, в плохое место выбросят.
-Эй, малодушный Тууду, табу делаю, мужчина такие слова скажет ли?
Ты не знаешь, что ли, растяпа, не в обычае у меня в таком месте прятаться,
Товарищами будьте, славный парень, этих гяуров, ой, назад чтобы отогнать.
Пуля попала в Ильяса, он, барсу подобно, Тейри, с двух сторон хватает,
Малодушные друзья сбежали, рядом никого не видит.
Туман накрыл по Большой Амгате, блуждая, идущую дорогу.
Пуля попала, отскочили золотые часы на груди.
Жестяные рёбра твои, Ильяс, старым стал ты, русские пули не сдерживают.
Лосиные руки твои голубого шаулуха, потянув, узду не собирают.
-Ой, пуля попала, умираю, - говорит, - чёрную бурку мою на меня набросьте,
Мою историю, езжайте, Карабашеву - тому старому офицеру расскажите.
Ой, пуля попала, парни, умираю я, от позвоночника моего, от спины,
Расстаюсь я теперь с теми Хубиевыми, моим родом, моим селением.
Кому осталась, Ильяс, у больших (знатных) Абуковых тобой выбранная, взятая жена?
Кто делит тобой в Каабу сбережённый, ой, мешок, полный золота?
Отсюда поехали мы, Тейри, Ильяса впереди поставив, первым сделав.
Оттуда возвращаемся, душа моя, ой, на голубого коня его, покойника, положив.

В Джинегее никого не нашлось кровавые тряпки помыть,
Ты несчастный был, Ильяс, от Хубиева этого тихого Муссы родиться.

Рамазан бла Акбийче

Бисмиллах, деб къалам алдым къолума,
Я расул аллах, къурман болайым джолунга.
Джаратылдым, туууб ёсдюм,
Сенден башха кишини билмедим.
Джумуш этер эдим атам бла анама,
Къуллукъ этер эдим мени джаратхан аллахха,
Бу хал бла кюнден кюнге ёсдюм,
Онsegиз джылымда бир ёзден къызгъа суююлдюм,
Хаджи Тохтаргъа биз мал нёгер болгъанда,
Ненча джылла нёгерликде тургъанек,
Суюмекликни аллын сизге айтайым:
Хапизатны онеки джылы джетгенде,
Хаджи Тохтар мени азыкъ алыргъа юйлерине элтгенде,
Бир минг тохсан юч джылында
Хапизат Хаджилагъа баргъанда,
«Не айтасыз бу къызчыкъны атына?»
Хапизат келди кюле-ышара къатыма,
«Хош келдинг», - деб, къолуму алды къолуна,
Саламлашыб, къайтыб кетди джолуна.
Ол сагъатда бир-бирибизни суюгенек,
Андан сора онеки джылны
Бир суюмеклик отунда куюгенек,
Кюнден кюнге суюмеклигибиз кеб болду.
Бу ёзденлик Къарачайда джюрюйдю,
Ортабызгъа буруу болду, бек болду.
Тохсан ючден тогъузджюз ючге биз кирдик,
Шариатны къулгъа, бийге да бир билдик.
Джылларыбыз кетди бир аи кибик,
Болджалыбыз джетди бизни бир кюн кибик,
Ненча джылла бир бирибизни сакъладыкъ.
Бир адамгъа ичибизни айтмадыкъ.
Аталарыбыз-аналарыбыз айтсала,
Къатын ал, эрге бар, деселе,
Къатын алмам, эрге бармам, дер эдик,
Мындан ёзге, башха джууаб билмез эдик,
Бу хал бла болджалыбыз джетгенде,
Рамазан Тюркден къайтыб келгенде,
Къургъаклагъа суююмчюлюк келгенде,
Рамазан юйлерине джетгенде,
Хоншулары къалмай бири да джыйылды,
Хапизат терезеден къараб кёргенде,
Къычырыкъ этиб, юй тюбюне джыгъылды.
Къолундан тутуб тургъуздула джеринден,
Къучакълаб айтды анасыны белинден:
Анам, джаным, шериятда уят джокъ,
Рамазанны къараб кёрсем, санларымда къууат джокъ.
Къызы айтыр анасына уялмайын,
Анасы айтыр: Къоркъма, къызым, джылама,
Атанг бла биргелей сени халинги билебиз,

Сени кирик биз да аны сюебиз,
Тыйгыч джокъду атанг бла анангдан
Биз тыймазбыз сени кьуралгъан джолунгдан.
Къызы айтыр анасына: Разы бол къызынгдан,
Юнюсю джиберме, анам, мени ызымдан.

Рамазан, бу оноуну ангылаб, атына миниб кетди,
Алыб келди, Тогъузакълагъа ат арбаны хазырлаб.

-Ат арбаны кепюр къулагъында кьойгъанем,
Кесим джангыз Болурлагъа баргъанем,
Терезени ачдым, юйню ичине кьарадым,
Юйню ичинде адамланы сынадым,
Атасы тура эди табджанына таяныб,
Анасы джата эди орундукъда агъарыб,
Хапизат джассы намаз кыла эди,
Кёз учу бла терезени сынай эди,
Ашыкъмайын, тамам этди намазын,
Алдамады манга этген оноуун,
Къараб кёрюб терезеде билишдик,
Чыгыб келди, саламлашыб селешдик
Ичибизден оноуланы кенгешдик.

Къайтды юйге, кирди ызына,

Сейирге къара анасы бла къызына

-Къуучакълаб айтды анасыны бойнундан:

-Разы бол, анам, къызынгдан,

Юнюсю джиберме, анам, мени ызымдан.

Анасы айтыр: Ашхы джолгъа бар, къызым,

Алай болса да, Юнюс да бармаз ызынгдан.

Не иши барды, атасы-анасы разыдыла къызындан.

Саламлашыб чыкъды хариб джолуна,

Бисмиллах, деб тутду мени кьолумдан,

Бара барыб, биз орамгъа джетгенек,

Юйюбюзге къайтыргъа умут этгенек.

Унамады юйюбюзге къайтыргъа:

-Атам-анам буюрмады Тебердиде къалыргъа.

Андан озуб, Маууагъа баргъанек,

Кийимлерин алыб арбабызгъа мингенек,

Эртен намазны чыкъ тийгенде этгенек,

Кюн аллына Ташкёпюрге баргъанек.

Джыйылдыла апендиле алагъа,

Джыйылдыла ёзденле, оноучула,

Хапар соруб, ишибизни билдиле,

Кенгеш этиб, некаябызны этдиле,

Учителле хошкелдиге келдиле,

Бир башха юйде ала мени кёрдюле,

Джибермейин, мени аллыма тыйдыла,

Алыб барыб, бизни бир юйге джыйдыла...

Бу хал бла бизле мында къалайыкъ.

Тебердини хапарын кьолгъа алайыкъ:

Биз кече кетген эдик.

Ганг атхандан сора, халкъгъа хапар бодцу.

Юнюсю аллына бардыла,

Болурлагъа келечи бла сордула.

Хапизат кимге къачханды, дедице.
Атасы айтды: Эргеми къачды, джергеми къачды билмейме.
Анасы айтды: Алыныбмы кетди билмейме.
Бу сёзлеге, кеслери бергенин билдиле,
Зор бла атасын атха миндирдиле,
Ибилис келди, хыйла атына мингенлей,
Аскерни да биргесине тизгенлей,
Ол кюн ушады хаджиретни кюнюне,
Ибилис барды Къачханны юйюне,
Джюрегине кириб, анда сёлешир,
Аскер джый да, терк изле деб кюрешир,
Буйрукъ бермей, ёзден къалмай джыйылды,
Была бирден джыйылыб келдиле,
Тахса къараб, къайда болгъаныбызны билдиле,
Басыныб келиб, юйню аллын алдыла,
Келечи ийиб, Хапизатха сордула,
Хапизат айтды: Мен разы болуб келгенме,
Шерият бла мен неяхымы этгенме,
Къалдырмагъыз мени тургъан орнумдан,
Сыйырмагъыз мени халалымы къолундан.

Бу хал бла мени алыб кетдиле,
Кече ортасында Тебердиге джетдиле,
Оноу этдиле Къачхангъа салыргъа,
Эркинлик бермедиле атамы юйюне барыргъа,
Ол кече къалдым Къачханлада къонакъда,
Тынгылагъыз мындан ары джомакъгъа:
Бир къуран келтириб, къолума бердиле.
Ант эт, дедице, биз айтхандан чыкъмазгъа,
Сёзюбюзню башха адамгъа чачмазгъа.
Экинчи айланыб, сен антда къачмазгъа!
Бу хал бла Къачханны юйюнде къалганем,
Рамазандан бир керти хапар алганем,
Ол кюн джаныма бираз басхыч табханем,
Бир-бирибизни хапарланы ала эдик,
Бу хал бла ючюнчю айым джеткен эди.
Къачхан олтурургъа кетгенде,
Рамазан къачырыргъа келгенде,
Мен да келдим терезеге чыгъаргъа,
Рамазан джер табмады бугъаргъа.
Махсют келди бизни марлаб тутаргъа,
Ычхындырды Рамазанны туталмай,
Хапар берди, уллу аллахдан къоркъмай, кеси уялмай,
Джылаб къалдым, мен кесими тыялмай,
Андан сора сакъ болдула, ышанмай,
Билген эдим ол мурдарланы кирликлерин къаныма,
Дауутха айтдым, мени былагъа ёлтюртме,
Мени ёлюгюмю мындан ары кёлтюртме...

Рамазан и Акбийче
(Подстрочный перевод автора)

«Бисмиллах» говоря, перо взял я в руку,
«Я расул аллах», жертвой пусть я буду твоему пути.

Создан тобой, я родился и вырос,
Кроме тебя (Аллаха), другого никого не познал.
Пользу принёс бы я отцу и матери,
Службу бы я нёс меня создавшему Аллаху.
Так изо дня в день я вырос,
В восемнадцать лет одной благородной девушке полюбился.
С хаджи Тохтаром мы скот вместе держали,
Сколько лет мы в товариществе находились...
Любви начало вам я расскажу,
Хапизат (Акбийче - З.К.) двенадцать лет исполнилось,
Хаджи Тохтар меня провизию взять к себе домой привёл
В тысяча восемьсот девяносто третьем году,
Хапизат у хаджи была.
«Как зовут эту девочку?»
Хапизат подошла, смеясь, улыбаясь ко мне:
«Добро пожаловать», - сказав, руку пожала мне рукой.
Поздоровавшись, повернулась и ушла в свой путь.
В то время мы друг друга полюбили.
После этого двенадцать лет
В одном любовном огне горели,
Изо дня в день любовь становилась сильнее.
Этот «узденлик» в Карачае распространён,
Между нами преградой стал, силой стал.
С 1893 в 1903 год мы вошли,
Шериат для кулов и биев единым мы познали,
Годы наши прошли, одному месяцу подобно,
Срок наш пришёл, как один день,
Сколько годов друг друга мы ждали.
Ни одному человеку тайны не открыв.
Отцы-матери говорили если:
- Женись, замуж выходи, - скажут если.
- Не женюсь, не выйду замуж, отвечали (мы).
Кроме этого, другого ответа не знали,
Вот так наступил и наш срок.
Рамазан из Турции вернулся когда,
Кургаковым добрую весть принесли когда,
Рамазан к дому своему подошёл когда,
Соседи все до одного собрались,
Хапизат, из окна посмотрев, увидала,
Вскрикнув, без чувств на пол упала.
Под руки взяв, подняли с места,
Обняв, сказала она матери:
- Мама, душа моя, в шерияте стыда нет,
Рамазана вижу когда, ноги не держат.
Дочь скажет матери, не стыдись,
В сердце любовь не сдержав.
Мать скажет: Не бойся, дочка, не плачь,
С отцом вместе твоё поведение понимаем,
Тебе подобно, и мы его любим,
Преграды нет от отца и матери,
Мы не остановим тебя с выбранного пути.
Дочь скажет матери: Благослови свою дочь,
Юнуса не посылай, мама, за мной следом.

Рамазан, это решение, узнав, коня оседлав, уехал,
Взяв, привёз, от Тогузаковых конную повозку готовую.
-Конную повозку у подхода к мосту оставил я,
Сам, один к Болуровым пошёл я,
Окно открыл, во внутрь дома заглянул,
В доме внутри людей испытал,
Отец находился, на диване лёжа,
Мать лежала, на кровати белея,
Хапизат ночную молитву делала,
Краем глаза за окном следила.
Не спеша, полностью закончила молиться,
Не изменила мне данного слова,
Посмотрев, увиделись у окна, встретились.
Вышла, пришла, поздоровавшись, поговорили.
О сердечных делах посоветовались.
Вернулась домой, зашла назад.
На диво посмотри, на мать и дочь,
Обняв, сказала матери она:
-Благослови, мама, дочь свою,
Юнуса не посылай, мама, за мной следом.
Мать скажет: В счастливый путь отправляйся, дочь моя,
Тому бывать, Юнус же не поедет за тобой.
Какое его дело, если отец с матерью довольны дочерью.
Попрощавшись, вышла несчастная в свой путь,
Бисмиллах сказав, взяла меня за руку,
Мы шли, шли, до нашей улицы приблизились,
К дому нашему завернуть мы хотели,
Но не захотела к нам домой заходить:
-Отец с матерью не велели в Теберде оставаться.
Мы мимо прошли, к родственникам зашли,
Вещи забрав, к своей повозке подошли,
Бисмиллах сказав, на арбу сели.
Утреннюю молитву с первыми лучами сделали,
На рассвете в Ташкёпюр приехали.
Собрались эфенди туда,
Собрались уздени, старейшины,
Расспросив, дело наше узнали,
Посоветавшись, неких нам сделали,
Учителя с приветствиями пришли,
В другом доме они меня проведали,
Не отпуская, меня долго задержали.
Затем, нас в одном доме оставили.

В такой ситуации мы здесь остаёмся.
О Теберде рассказ «в руки возьмём»:
Мы ночью уехали.
Утро наступило когда, народу известно стало,
К Юнусу на поклон пошли,
Болуровых о сватовстве спросили.
Хапизат с кем сбежала, спросили.
Отец ответил: Замуж ли сбежала, в землю ли сбежала - не знаю.
Мать сказала: С ума ли сошла, не знаю.
С этих слов, что сами отдали, стало понятно.
Насильно отца на коня посадили,

Демон вселился, хитростью на коня усадили как,
И отряд вместе с ним снарядили.
Тот день стал похож на разбойничий день.
Демон пошёл в Качхана (Юнуса - З.К.) дом,
В сердце его проник, там говорил,
Отряд собери и быстро ищи, требовал,
Самовольно уздени все собрались,
Все, вместе собравшись, приехали,
Тайно разузнав, где мы находимся, узнали,
Навалившись, дом окружили.
Посланника прислали, Хапизат спросили.
Хапизат сказала: Я согласная приехала,
По шариату я некая сделала,
Не уводите меня с этого места,
Не забирайте меня у благоверного с рук.

Вот так меня забрали и увезли,
Посреди ночи в Теберду доехали,
Решение приняли у Качхана меня оставить,
Разрешение не дали в отцовский дом пойти.
В ту ночь осталась у Качхана в гостях,
Слушайте, после этого сказку:
Утро наступило, как, фэтоны приехали,
Один Коран, принесся, в руки мне дали,
Клятву дай, сказали, мы что, скажем, выполнять,
Слово наше другому человеку не распространять,
Второй раз ты чтобы ещё не сбежала!
Вот так я у Качхана в доме осталась.
От Рамазана одну верную весточку получила,
В тот день для души немного покоя нашла.
Друг от друга весть мы получали,
Вот так третий месяц мой наступил.

Качхан посидеть (в гости) ушёл когда,
Рамазан увести пришёл когда,
Я подошла к окну, чтобы выйти.
Рамазан места не нашёл спрятаться,
Махсют пришёл, нас выследив, поймать.
Упустил Рамазана, не поймав.
Весть дал, великого Аллаха не побоявшись, сам не устыдившись.
Плача осталась, я себя не сдерживая.
После этого осторожней стали, не доверяя,
После этого не ручалась я за свою душу.
Узнала я, что эти убийцы доберутся до моей крови,
Даууту сказала: меня им не дай убить,
Мой труп после этого не дай (им) поднять.

Стампулчуланы джырлары

Стампулчула Стампулгъа кетдиле,
Мында къалгъанлагъа не къыйынлыкъла джетдиле,
Ол кюнледе бизге болур болгъанды,
Акъ бетледен къызыл нюрле онгганды,
Бизни элибиз къолан худийледен толгъанды.

Ол кюнле машхарланы кюнюдю,
Аллай кьотурбашны джети джаханим юйюдю.
Джылау болду Тебердини уллу тойлары,
Мангырай кьалды Гата кьыйынлыны
Буу Ёлгенде кьойлары.
Тебердиде кибик кьара кьозу соймайла.
Пара алмайын юй салкьынлагьа кьоймайла.
Кемеле келелле бизни аллыбызгьа чабханлай,
Биз джарлыла Стампулдан кьалмай кетерек,
Бурун кибик Тебердини табханлай.
Ой, иги сагьан, Теберди кьобанны табаред,
Сыйлы Шамда ётмек бла ашаргьа,
Джаратхан аллахдан буйрукь табаред
Бурун кибик тик кюнюмде Джети эл болуб джашаргьа.
Ой анам, анам, эки эшигинг шау болсун,
Теберди ёзени шайтан аумаз тау болсун.
Миннгенбиз кеме бла машина,
Биз барабыз мухаджирлени ашыра.
Ой, Зулихатым, Зулихат,
Джылай кьалды Баракьны кьызы Алисат,
Ой, анам, анам, сени эки эшигинг кьуругьанд.
Мени атам, излегенинги табханса,
Ичингден чыкьгьан эки балангы
Гяур кьолуна джуукь джетмеген адамлагьа атханса.
Ой анам, анам, сени эки эшигинг шау болгьанды,
Джылай джылай ол арю санларым кьуруйла,
Артымда кьалгьан джарлы эки эгечим
Орамлада ит кючюклуча улуйла.
Ой, мени атамы эски юйюню эшиклери Кьобангьа ачылыб,
Кьыздан айбат джашларынг баралла джылаб-джылаб,
Атчабханны энишге чачылыб.

Песня стамбульцев

(Подстрочный перевод автора)

Стамбульцы в Стамбул уехали,
Здесь оставшиеся до каких горестей дошли.
В те дни с нами, что могло случиться, то случилось,
На белых лицах красный цвет полинял,
Наше село пёстрыми перевертышами наполнилось.
Те дни - столпотворения дни,
Таким паршивоголовым семь адов - их дом.
Плачем стали Теберды большие свадьбы,
Блея остались Гаты несчастного
На Буу Ёлгене овцы.
Как в Теберде, здесь чёрных ягнят не забивают,
Денег не взяв, под тень домов не пускают.
Корабли плывут, нам навстречу спеша,
Мы несчастные, в Стамбуле не оставшись, уехали бы,
Как раньше, Теберду найдя.
Ой, если бы Теберды воды найти бы,
В благодатной Сирии с хлебом поесть.
От создателя - Аллаха разрешение получить бы,
Как раньше, в крутые дни мои,
В семи аулах находясь, жить.

Ой, мать моя, мать моя, две двери твои прокляты пусть будут,
Тебердинское ущелье, шайтан чтобы не попал, горой пусть будет.
Поднялись мы на корабли, машины.
Мы едем, мухаджиров провожая.
Ой, Зулихат моя, Зулихат,
Плача осталась Барака дочь Анисат.
Ой, мать моя, мать моя, твои «две двери уничтожены».
Мой отец, что искал, ты нашёл,
Из нутра твоего вышедших двух детей своих
В неверные руки, родней не приходящимся людям бросил,
Ой, мать моя, мать моя, твои две двери проклятыми стали,
Плача-плача, то прекрасное тело моё истощилось,
Позади оставшиеся бедные две сестры мои
На улицах, как собачьи щенки, воют.
Ой, моего отца старого дома двери на Кубань открывшись,
Девушек нежнее сыновья твои идут, плача-плача,
От Атчабхана вниз рассеиваясь.

Глоссарий

Значение и буквальный перевод некоторых карачаевских слов

- Акбийче (Акь-бийче)** - женское имя. Буквальный перевод: «Белая княжна».
- Алтынлы (алтынлы)** - старинное ружьё, украшенное золотыми узорами. Буквальный перевод: «Позолоченный».
- Амгата (Амгъата)** - приток р. Теберда, ущелье между с.Тебердой и с. Марухским (Морх).
- Артмак (артмакъ)** - котомка вперекидку через седло.
- Атчабхан (Ат-Чапхан)** - поляна между с.Верхняя Теберда и г.Теберда. Буквальный перевод: «Конские скачки».
- Батыр (батыр, багъатыр)** - богатырь, силач.
- Бий (бий)** - князь, высшее сословие.
- Бийчесын (Бийче-сын)** - название горного плато в Карачае. Буквальный перевод «Княгини памятник».
- Буза (боза)** - хмельной напиток из ячменя или других зерновых.
- Буу Ёлген (Буу-Ёльген)**- гора в Тебердинском ущелье. Буквальный перевод: «Олень мёртвый».
- Гегин (Гегин)** - станция Гиагинская в бывшей Кубанской области.
- Джалансырт (Джалан-сырт)** - местность в Карачае. Буквальный перевод: «Голое плато».
- Джигит (джигит)** - смелый, храбрый наездник.
- Кааба (с арабского яз.)** - священный камень в г.Мекка (Аравия), место паломничества мусульман.
- Казак (къазакъ)** - здесь: бродяга, волк-бирюк.
- Каспар (къаспар)** - название породы лошадей.
- Конакбай (къонакъбай)** - хозяин дома, оказывающий гостеприимство и покровительство гостю.
- Кош (къош)** - стан, временное жилище.
- Кул (къул)**- низшее сословие.
- Кунак (къонакъ)** - гость.
- Курманлык (къурманлыкъ)** - жертвоприношение, мясо жертвенного животного.
- Кутлукыз (Къутлукъыз)** - женское имя. Буквальный перевод: «Обаятельная девушка».
- Локум (локъум)** - национальные лепёшки.
- Минги-тау (Минги - тау)** - гора Эльбрус. Буквальный перевод: «Великая гора».
- Морх (Морх)** - местность и река в Карачае. Буквальный перевод: «Древний».
- Некях (с арабского языка)** - брак по мусульманскому обряду.
- Отлукташ (Отлукъ-таш)** - местность в Балкарии. Буквальный перевод: «Кремень - камень».
- Отоу (отоу)** - комната молодой супружеской пары.
- Пашинска (Пашинка)**- ст.Баталпашинская, старое название г.Черкесска.

Ташкёпюр (Ташкёпюр) - селение у слияния Теберды и Кубани. Буквальный перевод: «Каменный мост».

Ташлысырт (Ташлы-сырт) - местность в Карачае. Буквальный перевод: «Каменное плато».

Тишлик (тишлик) - шашлык.

Узденлик (ёзденлик) - здесь: социальная спесь.

Узден (ёзден) - дворянин, свободное сословие.

Хапар (хапар) - весть, новость, рассказ.

Чанка (чанка) - одно из высших сословий, потомки от браков князей с дворянками.

Чарык (чарыкь) - мягкая кожаная мужская обувь.

Чыгыр (чыгыр) - здесь: насмешливое прозвание кабардинцев.

Шериат (с арабского яз.) - мусульманское право.

Шаулух (шаулух) - название хорошей породы лошадей.

Эль (эль) - селение, общество, народ.

Эмчек (эмчек) - молочный брат. Буквальный перевод: «Сосок».

Список сокращений

РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РГАДА - Российский государственный архив древних актов (Москва).

ЦГИА РГ - Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (Тбилиси).

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края (Краснодар).

ЦГА РСО-А - Центральный государственный архив Республики Северная Осетия - Алания (Владикавказ).

ЦГА КБР - Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (Нальчик).

ЦГА КЧР - Центральный государственный архив Карачаево-Черкесской республики (Черкесск).

СМОМПК - Сборник материалов по описанию местностей и народов Кавказа (Тифлис).

КС - Кубанский сборник (Екатеринодар).

ССКГ - Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис).

ЭО - Этнографическое обозрение (Москва).

ИОЛИКО - Известия общества любителей изучения Кубанской области (Екатеринодар).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Основные причины переселения части карачаевцев и балкарцев в Турцию	
§ 1. Мухаджирство 1884-1887 годов	12
§ 2. Мухаджирство 1905-1906 годов	30
Глава II. Формирование и современный этап развития карачаево-балкарской диаспоры	
§ 1. Формирование карачаево-балкарской диаспоры (конец XIX - начало XX века)	53
§ 2. География расселения карачаевцев и балкарцев в Турции. Современная ситуация	62
Глава III. Культура и быт в карачаево-балкарской диаспоре	
§ 1. Культурно-бытовые традиции в жизни карачаево-балкарской диаспоры	83
§ 2. Материальная культура	94
§ 3. Фольклор, литература, наука.....	104
Заключение.....	121
Примечания.....	125

Приложение.....	140
Глоссарий.....	181
Список сокращений.....	183

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93-953000

Научное издание

КИПКЕЕВА Зарема Борисовна

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ДИАСПОРА В ТУРЦИИ

Изд. лиц. №020061 от 9.10.96. Подписано в печать 15.06.2000.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 9,66.

Бумага офсетная. Доп. тираж 2000. Заказ 236.

Отпечатано в ГУП «Ставропольская краевая типография»,
355002, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Зарева Борисовна Кипкеева - кандидат исторических наук, занимается исследованием проблем истории народов Северного Кавказа, Закончила филологический факультет Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. С 1989 по 1998 г. ежегодно выезжала в Турцию, места расселения потоков Карачаево-балкарских мухаджиров, освещала жизнь соотечественников в периодической печати, выступала с научными публикациями по проблеме переселения горцев во второй половине XIX - начале XX в. и современному состоянию диаспоры. Защитила кандидатскую диссертацию «Карачаево-Балкарская диаспора в Турции: историко-культурный аспект» (Ставропольский государственный университет, 2000г.), в настоящем издании представлены результаты полевых этнографических исследований автора, обширная литература и архивные документы.